



18+

МИКИРТУМОВА КАРИНА
ОТЧАЯННЫЕ

Annotation

Франция. Париж. Два человека, две судьбы, две кривых дорожки к счастью. Что будет, если наивная девушка от отчаяния и безысходности согласится на предложение отъявленного мерзавца? Как долго будет терпеть истязания души и тела, прежде чем полностью отдаться в его власть? Иногда жизнь не строит грандиозных планов, а просто позволяет продолжить путь. Иногда, принцы оказываются негодьями в дорогих смокингах. Иногда это может грозить разбитым сердцем и разрушенной жизнью. Вот тогда начинаешь проклинать тот день, когда был сделан выбор.

- [Карина Микиртумова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Карина Микиртумова
Отчаянные

Глава 1

«Большие ли глаза у парижанок? Кто знает? Мы не измеряем калибра пушки, которая убивает нас. Велик ли их рот? Кто знает, где у них кончается рот и где начинается улыбка?»

Генрих Гейне

Франция, Париж

– Шелли!

Я захлопнула дверь и прислонилась к ней лбом. Выдохнула воздух и повернулась. Мама стояла позади меня и осуждающе смотрела.

– Мам, иду искать работу. Может, сегодня повезёт.

Жаннет Боннер когда-то была красивой женщиной, самодостаточной. Её тёмные волосы струились по плечам, привлекая внимание к длинной шее и красивому овалу лица. Синие глаза блестели от счастья. Она так любила красиво одеваться, что часто покупала себе на барахолке одежду, перешивала ее под себя и блистала перед коллегами. Но это было до того, как мой брат Арман травмировался. Прошло более двух лет, как братишка упал с лестницы в школе, и как ему поставили не лучший диагноз. Проще говоря, ему необходимо дорогостоящее лечение, которое включает в себя лекарства, операции. Наша семья не сможет столько заработать, даже за всю жизнь.

Мама постоянно находится с Арманом, а я бросила колледж и пошла работать. Не счесть, сколько профессий уже сменила. И вот вчера меня уволили с очередного места. Как известно, не все входят в положение «финансовой зависимости». Мой начальник был строгих убеждений. Если ты секретарь – то будь добра, одеваться соответственно. А я... Я не могла покупать себе шмотки, и дефилировать перед этим узколобым засранцем.

И сейчас, облачённая в фиолетовые лосины, простенькое застиранное пальтишко и серый блёклый берет, стояла у выхода из квартиры. Мама ничего не говорила. Просто обнадёживающе

смотрела, будто мысленно моля о чуде. Я понимаю её. Боже, никому не пожелаю подобного. Арману сейчас двенадцать, а уровень развития, словно у трёхлетнего ребенка. Он уже не тот подвижный мальчуган, который любил комиксы и супергероев, у которого было куча друзей и интересов. Сейчас он полностью зависим от нас. И что хуже всего, нельзя сделать лучше, можно только остановить ухудшение состояния.

Представив, что ждёт меня в будущем, сжала зубы.

– Мне пора мам, правда. Ты хочешь что-нибудь сказать? – участливо спросила её.

– Нет, дочь. Иди с Богом.

Жаннет перекрестилась. Я опустила глаза и, пробормотав прощание, вылетела из квартиры, которая с каждым днём всё сильнее сжимала меня в тиски.

Вызвав лифт, вошла в него и нажала на первый этаж. Жили мы на седьмом, в однокомнатной квартире, с видом на мусорные баки, в самом непрезентабельном районе Парижа. Лифт был весь в граффити, заплёван и пахло тут, так же как и на улице: помоями. Я не жаловалась. Раньше мы жили нормально. В двухкомнатной квартире, чуть ли не в центре столицы. Но пришлось разменять и потратить полученные деньги на операцию Армана. То время для нас было очень трудным. Отец ушёл, после трагедии, списав на то, что не хочет гробить свою жизнь, ухаживая за инвалидом. Никогда не думала, что он так сможет поступить... Время разочарований, потерь. Я бросила любимую учёбу, друзей, интересы. Так хотела стать филологом. Но, видимо, меня ждёт участь официантки, горничной, сиделки и по кругу. Выйдя на улицу, подставила лицо ветру и вдохнула носом воздух. Я не любила наш район из-за пьянок, опасности и вони. Но квартиры тут были дешевле, чем везде. Так что, выбирать не приходилось. Я сильно сжала сумку в руке и быстрым шагом, опустив голову, пошла к автобусной остановке. Париж был прекрасен. В любое время года и при любых обстоятельствах. Я села в автобус и поехала в центр столицы. Планов на сегодня было много. Найти работу. Это сложная задача. Но выполнимая. Не раз уже проходила через это и не раз ещё пройду. Главное – цель в жизни, а остальное приложится. Выйдя из транспорта, на миг прикрыла глаза. Помолилась про себя о благополучном исходе собеседований. Закусила губу, вдохнула полной грудью, резко выдохнула, выпрямилась, улыбнулась и направилась к

подземному переходу. Я шла к презентабельному ресторану «Tendre». Там требовались посудомойки и официанты. Посмотрим, какая у меня теперь будет должность на ближайшие месяцы. Я приблизилась к красивому бежевому трёхэтажному зданию. На белой вывеске чёрными буквами было выведено название заведения. Поднялась по двум ступенькам к двери и, затаив на секунду дыхание, открыла её.

Меня встретил ароматный запах еды. Кажется, лазаньи и чего-то сладкого. С корицей. В животе заурчало от голода. Утром съела только пару ложек овсяной каши и запила ее чаем. Завтрак хоть и зарядил на пару часов, но, увы, не на весь день.

– Я вам могу помочь, мадемуазель?

Передо мной возник статный мужчина в костюме с алой бабочкой. Морщинистое лицо не выказывало не единой эмоции. Лишь дежурная улыбка на устах.

Меня внимательно осмотрели, и во взгляде промелькнуло презрение.

Увидел, как я одета и сделал выводы. Почему для человека важна обёртка? Неужели такие качества, как культурность, вежливость, отзывчивость, доброта уже не ценятся? Вероятно, он подумал, что у меня нет вкуса или просто очередная нищеводка. Хотя... У меня болеет брат и мне всё равно, как на меня смотрят.

Выдавив улыбку, спросила:

– Меня зовут Шарлотта, я пришла по поводу работы, – пожевав губами, выдавила я и добавила: – По объявлению.

– Идёмте, провожу.

Я поплелась за мужчиной, разглядывая интерьер ресторана. Просторное заведение было предназначено для проведения корпоративов, для семейного досуга, деловых встреч. Нежный персиковый цвет осветлял и визуально расширял помещение. Белый тюль с замысловатым золотым узором напоминал воздушную ваниль. На стенах вырисованы различные парные фигуры. Вот на той стене у мягких диванчиков красиво расположилась влюблённая пара, парящая на воздушном шаре. Я успела разглядеть ещё Эйфелеву башню у стойки бара. Все рисунки выполнены в нежных тонах. Как ни странно в этом не было замечено вычурности, а наоборот. Изюминка. На круглых белых столах стояли салфетницы в виде белых лебедей.

Стулья... Мои табуретки точно не сравнятся с эдаким произведением искусства. Просто и богато одновременно.

Улыбнулась. Мне здесь уже нравилось.

– Поднимитесь на третий этаж. Там три кабинета. Войдёте в тот, что у окна, – вырвал меня из грёз созерцания чопорный мужской голос.

– Спасибо, – проямлила я в спину удаляющегося мужчины.

Поднялась по лестнице на указанный этаж и сразу же увидела нужный мне кабинет. Подошла к нему. На нём висела табличка: «Джоан Повалье». Собралась духом, постучала в дверь. Приоткрыла её и просунула голову.

– Здравствуйте, прошу прощения... Меня направили к Вам по поводу работы...

Услышала женский голос:

– Проходите и садитесь. Не топчитесь.

Сглотнула, закрыла за собой дверь и прошла к большому деревянному столу. Села на свободный стул, положила сумочку на колени и стала рассматривать кабинет. Он был светлым, свежим и солнечным. Таким его делали бледно-жёлтые обои, красивые цветы, правильно подобранная белая мебель. Вот, если бы и стол был бы в тон... А ещё бы картину сюда, с пейзажем гор или летнего леса...

– Будьте любезны, Ваше резюме.

Я посмотрела на женщину и улыбнулась.

У Джоанны Повалье были тёмные волосы, собранные в пучок. На глазах красовались красивые очки в белой оправе. Алые губы растянулись в некое подобии улыбки. Мадемуазель определённо любит красный цвет. Губы, ногти, костюм... Но, на мой взгляд, перебор.

Я порылась в сумке и извлекла из неё нужный лист. Передала начальнице.

Женщина быстро пробежалась по нему взглядом и, отложив в сторону, посмотрела на меня.

– Шарлотта Боннер, двадцать один год, не замужем, но уже с таким огромным послужным списком. Я насчитала порядка десяти рабочих мест за последний год. В чём причина их недолговечности?

– В основном, не устраивали работодатели. Они просили намного больше, чем я могла дать...

– Например, мадемуазель Боннер? – настойчиво спросила Джоанна.

Сделала вдох.

– Например, работала секретарем. Место хорошее, не спорю и платят прилично... Но, мой начальник хотел, чтобы я одевалась лучше, каблуки и всё такое, – я посмотрела на Повалье, – А буквально вчера ещё раз унизил меня, тыкнув носом на неблагополучие моей семьи и мило попросил оказать ему сексуальные услуги. Взамен на место работы и прибавку к жалованью.

Мадемуазель Повалье что-то промычала.

– Какой у Вас опыт работы официанткой?

Подсчитала и выдала:

– Чуть больше полугода. Это если считать все места, где я работала.

– Не густо, но поправимо. Если бы не необходимость в сотрудниках, я бы Вам отказала. Мне плевать, что там у Вас в семье, едите ли Вы утром или сколько у Вас любовников. Вы должны приходить в ресторан к девяти и уходить не раньше семи. К этому включите час на обед. Он зависит от наплыва посетителей. Работаете через день, чередуясь с другим официантом. И, естественно, испытательный срок – месяц. Оплата будет зависеть от Вашей работы. Чаевые, полученные со столика, Ваши.

– С-спасибо, – проямлила я, – Мадемуазель...

– Мадам, – поправили меня, – Но можете меня называть просто Джоанна, как и все здесь.

– Хорошо. Спасибо, что приняли меня.

– Не благодарите раньше времени, Шарлотта. Сейчас, идите к Джерому, он Вас проконсультирует.

Непонимающе посмотрела на женщину.

– А это...

– Администратор. Тот кто, по всей видимости, Вас ко мне направил.

– Хорошо. Спасибо ещё раз. Мне, правда, очень нужна эта работа...

– Надеюсь. Всё, ступайте.

Джоанна явно не была настроена на какой-либо разговор. Это и понятно. Где она и где я?

Я встала, разгладила пальто, буркнула «до свидания» и вышла из кабинета. Меня слегка потряхивало от волнения. Одинокая слеза скатилась по щеке. Меня взяли. Я смогу зарабатывать... Смогу купить Арману лекарств и может, чуть-чуть еды.

С воодушевлением я быстрым и размашистым шагом пошла, искать Джерома. Что-то подсказывало мне, что этот тип ещё подсобит мне в дальнейшем. Но ничего, у меня терпения много...

Ровно через полтора часа, вышла из ресторана с полным набором инструкций. Джер в мельчайших подробностях рассказал мне мои должностные обязанности и что будет, если я допущу ошибку. От этого человека мне сильно не по душе. На работу выходить завтра в одежде: чёрный низ и белый верх. Честно говоря, я боялась. Неизвестность мучила, как и чувство обречённости. Работать не для себя, а для семьи – это благородно, правильно. Но порой, задумывалась, а что если было бы всё иначе? Арман ходил бы в школу, я закончила бы колледж... Возможно бы, папа не ушёл от нас. Всё было бы хорошо, даже очень. И этого никогда не будет. Арман не станет прежним, как и мама. А я превратилась в ломовую лошадь. Только и знаю, что работаю.

Что ж... Нужно ехать домой. Снова туда, где царит безысходность.

Я любила свою семью и одновременно ненавидела эту безрадостную жизнь. Когда у брата случаются припадки, сердце замирает от боли. Страшно становится. Если не будет лечения – не будет жизни.

Вздохнула и пошла обратно к подземному проходу, а далее к автобусной остановке. Серые будни можно приравнять к серости моей жизни.

Примерно через полчаса, сидя в транспорте, смотрела на мелькающие картинки за окном. Париж был прекрасным и загадочным городом. Я хотела покорить его, хотела творить, учиться и быть под стать современной молодёжи: наслаждаться мгновениями. Горестно сознавать свою беспомощность.

Я надеялась, что Арману станет лучше, что он вылечится, но понимала, что шанс очень маленький и денег не хватит, чтобы этот шанс повысить. Так что смерть брата была лишь временной отсрочкой.

Я думаю, мама это знает и поэтому так цепляется за него, часами смотрит на сына, читает ему, рассказывает истории из нашей жизни.

Автобус остановился, и пришлось выходить.

По дороге домой зашла в магазин и купила молока с хлебом. Пока покупала, продавщица смотрела на меня с жалостью, бормоча что-то себе под нос.

Придя домой, тихо прикрыла дверь и услышала, знакомые голоса на кухне: мамин и отцовский.

– Жанни, ты сама должна понимать, что мучаешь его! – прокричал отец.

Что-то разбилось, и я поспешила раздеться.

– Мучаю? А ты что делаешь? Не поддерживаешь, не помогаешь! Это и твой сын тоже!

Голос мамы дрожал.

Я тихо подошла к запертой кухонной двери и стала слушать.

– А чем я могу помочь? Врачи сказали, что, не поддерживая жизнь лекарствами и операциями, он не проживёт и года. Шелли работает, как проклятая, загубила собственную жизнь...

– На благо семьи, для брата! – прокричала мать.

– Он умрёт, признай уже это, Жаннет! А Шелли останется без образования, без шанса на будущее! Я ушёл не от дочери и сына, а от твоего чёртового эгоизма. Посмотри на Армана. С каждой неделей, месяцем ему только хуже. А ты думаешь о том, чтобы Шарлотта работала сутками, чтобы были деньги.

– Если бы помогал, – прошипела мать, – То не пришлось бы твоей любимице столько работать.

По щекам потекли слёзы. Папа меня защищал, а мама... Я не могу её винить. Что не сделает женщина, чтобы спасти своего ребёнка? Всё.

– И чем я могу помочь? Мы всё распродали, я живу в общежитии с четырьмя мужиками и работаю на стройке. Ты думаешь, мне много платят?

– Было бы очень хорошо, если бы ты, Поль, хотя бы покупал еду. Шелли не ест практически...

– Как же тут есть, когда родная мать так к ней относится. Всё...

Я слышала, как отец ударил по столу кулаком.

– Меня это всё достало. Пришёл по-человечески поговорить и напрасно. Я буду высылать деньги, но Шелли. Зная тебя, ты

экономишь на дочери. А она единственное, что у нас с тобой осталось.

– Арман...

– Я люблю нашего сына... Чёрт, это и на мне сказалось! Но я трезво смотрю на вещи. Сколько мы бились, как рыбы об пол в надежде спасти его? Два года? И к чему пришли врачи? К тому, что он навсегда останется таким, если поддерживать его лекарствами. Ты будешь сидеть с ним, Шелли работать, как проклятая в ущерб себе... А Арман хотел бы этого? Спроси себя, Жанни!

– Поль...Наш сын хотел бы жить.

– Что за упрямая женщина?

Я отодвинулась от двери, как раз в тот момент, когда та распахнулась.

– Шарлотта?

– Папа, – я прильнула к мужчине.

Вдохнула его запах, и расплакалась. Он гладил меня по волосам, шептал успокаивающие слова.

Отстранился и вытер мои слёзы. Папа был чуть выше меня, темноволосый и слишком исхудавший. Под глазами заметны синяки. Недосып и волнение. А может, и алкоголь.

– Не останешься на чай? – робко спросила его.

– Нет, Шелли. Боюсь, что твоя мама этого не одобрит. Я не отрекаюсь от своих слов, брошенных тогда в запале. Надежды, что Арман будет жить долго, и счастливо нет. Я не хочу смотреть, как увядает мой сын. Для меня это слишком. И не хочу, чтобы ты была частью этого...

– Не могу...

– Знаю, дочка. Ты добрая и не боишься преград. И не сможешь оставить маму с братом. Мы хорошо тебя воспитали. Но если захочешь уйти, уходи. Потому что, вести такую жизнь – равносильно тому, чтобы умереть молодой.

– Хорошо, – пробормотала я.

Папа улыбнулся и стремительно ушёл из квартиры, предварительно поцеловав меня в щеку.

Мама вышла из кухни и недовольно на меня посмотрела.

– Ты быстро вернулась. Как всё прошло?

– Хорошо. Завтра приступаю к работе, – на выдохе произнесла я, – Как Арман?

– Как обычно. Сидит, мультики смотрит. Хотя это больше похоже на замирание взгляда в одной точке.

Я промолчала, не в силах вообще что-либо выдать из себя. Мама ушла к брату. Я же направилась на кухню. Выложила на стол купленное, подмела веником пол и присела на табуретку. Эту маленькую каморку трудно назвать местом для приготовления пищи. За маленьким столом помещалось два-три человека, а в общей площади двоим трудно развернуться. Раньше просторная кухня была для меня отрадой. Я любила, возвращаясь из колледжа печь и радовать родителей. У меня неплохо получались кексы... А сейчас... Сейчас иные заботы, иные проблемы и куча несбывшихся надежд.

Наспех приготовила овсяную кашу и поела её, запивая молоком. Помыв посуду, зашла к брату и немного с ним поговорив, направилась к кровати, которая стояла в самом углу нашей комнаты. Мама спала по другую сторону от меня, а Арман в другом конце помещения. Постели у нас были маленькими, одноместными, дешёвыми. Простыни уже застиранные и кое-где можно было найти заштопанные места. Я легла и повернулась на бок. Закрыла глаза и под тихое пение мамы погрузилась в крепкий сон.

Этой же ночью

– Шарлотта! Шелли, вставай!

Меня трясли за плечо. Быстро, почти мгновенно вскочила, и, потеряв тыльной стороной ладони глаза, посмотрела на маму. Волосы торчали во все стороны, в глазах стояли слёзы, губы дрожали.

– Арман? – прошептала я.

Мама кивнула.

– У моего мальчика был приступ. Шелли... Помоги.

Мама осела на мою кровать, а я недолго думая, включила ночник и побежала в ванну за тазиком с водой.

Вернувшись в комнату, встала у постели брата. Арман был бледным. Светлые волосы спадали на лоб. Губы посинели от приступа. Футболка и штаны были насквозь пропитаны потом.

Я кое-как раздела его и стала медленно обмывать тело тёплой водой. Это помогало ему. Так он быстрее согревался и начинал лучше

дышать. Давно такого не было. С неделю где-то... И каждый раз припадки усиливались. В прошлый раз просто трясло тело, в этот раз брат сильно измучился и замёрз.

В следующий раз он будет ближе к смерти, ровно на один очередной приступ. Нужны лекарства и срочно.

Закончив с Арманом, уставшая, упала на свою кровать. Мама в голос рыдала.

– Мы должны это исправить... Должны! Дочка, как же так? Это несправедливо, что такой маленький так страдает! Его нужно спасти...

Можно перевести так: «Шарлотта, найди выход». Это и так понятно. Я привыкла всё делать сама, за всё отвечать... Со всем мириться и терпеть. Потому что надо, потому что, это мой брат. Моя семья.

Я легла спать. В запасе оставалось несколько часов до окончательного подъёма и хорошо бы просто отключиться. Просто отдохнуть перед новым днём, перед новыми возможностями.

На следующий день. Ресторан «Tendre»

– Шарлотта!

Я услышала голос Пейдж, ещё одной официантки. Она подбежала ко мне. Девушка была жизнерадостной, весёлой и её серые глаза искрились от любопытства. Светлые волосы собраны колоском на голове. Из причёски выбивались парочка прядей, которые придавали миловидному курносому личику невозмутимости и свежести. Пейдж была меня симпатична.

– Обслужи десятый столик. Честное слово, зашиваюсь. У тебя только один, но ты с ним прекрасно справляешься. У меня пять и если честно, господу с третьего меня загоняли уже, – протараторила официантка.

– Если Джер разрешит, – неуверенно промямлила я.

– Уже, – улыбнулась, Пейдж и унеслась обратно в зал, прихватив кувшин с соком.

День обещал быть тяжёлым. Я поправила пучок на затылке, пригладила юбку, взяла блокнот и направилась принимать заказ.

Десятый столик располагался в зоне комфорта. Я так её назвала, ибо посетители удобно располагались на мягких диванчиках. За

прямоугольным столом друг напротив друга сидели двое мужчин. Я собралась духом и, стараясь не показывать дрожь в голосе произнесла:

– Добрый день, месье. Вы готовы сделать заказ? У нас сегодня в меню фирменный десерт клафути.

Мужчины лениво посмотрели на меня.

– Тощая, – сделал заключение один из собеседников, усмехнувшись.

Выдохнула сквозь стиснутые зубы. А, между прочим, улыбаться при этом очень тяжело. Из-под ресниц окинула внимательным взглядом двух представительных мужчин. Дорогие выглаженные костюмы из, безусловно, презентабельного бутика. Бизнесмены. Тот, что прорекламиривал мою фигуру пугал аурой властности, даже жестокости. Тёмные, почти чёрные, волосы коротко пострижены. На скулах и подбородке виднелась трёхдневная щетина, выделяя тонкие бледно-розовые губы. Взгляд синих глаз неоднозначно гулял по моему телу, выделяя каждый изгиб.

От такого внимания мне хотелось провалиться под землю и помыться. С щёткой и мылом. Два раза. А лучше три.

Опустила голову, чувствуя, как щёки заливают румянец.

– Ксавье Роже, ты смутил официантку, – хохотнул второй мужчина.

Собеседник был более мягкой наружности. Я сказала бы привлекающий. На его пухлых губах играла озорная улыбка, в карих глазах блестели смешинки. Широкий в плечах, длинноволосый, с аристократичным носом с горбинкой. Симпатичный, но не отталкивающий.

– Ей полезно, – буркнул синеглазый.

Я откашлялась. Тощая? Какое он вообще имеет право... Прикусила губу. Надеюсь, эти господа здесь были в первый и последний раз.

– Извините, что прерываю столь многозначительный диалог, но мне сильно попадёт, если я буду стоять тут больше положенного.

– Смелая и глупая. Мне нравится. И ноги длинные, – пробормотал Роже.

– Делакруа, отстань от девчонки. Она от тебя и так белая как стена.

Француз лишь улыбнулся.

– Принеси фирменное блюдо, какой-нибудь пирог, нарезку из мяса, сыра и овощей и бутылку виски.

Я кивнула и постаралась быстро исчезнуть из поля зрения мужчин. Передав заказ повару, присела на стул. Буквально на минуточку. Полдня на ногах дали о себе знать. И так хотелось есть... Но правила запрещали что-либо брать из ресторана. А есть тут слишком дорого. А ездить обедать домой не было возможности. Лишних денег на автобус у меня не было.

– Шарлотта! – ко мне подошёл Джерар и недовольно окинул взглядом. – Сейчас понесёшь заказ десятому столику и там остаёшься. Ты очень понравилась господам. Они хотят поесть в твоей компании. Я не могу отказать им, так как они баснословно богаты, но если ещё раз увижу флирт на работе...

Он помахал у моего носа указательным пальцем и, развернувшись, ушёл. Я же сидела с открытым ртом. Флиртую? Я? С этими? Покачала головой. Это просто абсурдно!

– Боннер, иди, формируй!

Встала и направилась к столу. Мне наложили нарезку из мяса, сыра, овощей. Я разложила всё по тарелкам, поставила на поднос.

– А фирменное блюдо, когда будет готово?

Пейдж подмигнула.

– Уже сейчас. Сегодня у нас жареная картошка с говяжьей котлетой на гриле. Естественно, это называется более изысканно, но смысл один и тот же.

Поблагодарив девушку за разъяснение пошла, относить приборы для трапезы. Через полчаса я наконец-то отнесла горячее блюдо. Ставя перед мужчинами тарелки, услышала:

– Сядь рядом со мной, Шарлотта.

Грудной голос мужчины отозвался в моём теле нервной дрожью. Прикусив губу, выпрямилась.

– А если в этом смысл? – спросила я.

– А есть смысл, корячиться в этом заведении? – Делакура вздёрнул бровь, – Мы тебя не съедим. Просто у меня к тебе есть предложение.

Нехотя села рядом с приятноголым. Тот заулыбался.

– Видишь, она тебя боится, – заметил он.

– Ничего, как-нибудь переживу, – хмыкнул друг и посмотрел прямо в мои глаза, – Тебе нужны деньги?

Фыркнула.

– А кому они не нужны. Не зря же я работаю.

– А ты умеешь дерзить, малышка. Мне нравится, – прохрипел мужчина, – У меня есть работа. Высокооплачиваемая, сразу наличкой.

– И? Что же это за работа? Особенно для официантки без образования? Шлюха?

Мужчины обменялись взглядами.

– Прошу заметить, элитная...

Я ахнула и поднялась из-за стола.

– Да Вы! Сутенёры, – прошипела, – неудивительно, что Джерар от Вас млеет.

Развернулась и медленно, чтобы не упасть пошла к выходу. Мне нужен свежий воздух, чтобы смыть грязь, чтобы стереть слова с языка и никогда больше не вспоминать.

Пока дышала воздухом, ощутила, как вибрирует телефон. Оттянула майку и достала из чашечки бюстгалтера маленький старый мобильник. Звонила мама.

– Алло?

В трубке послышался звонкий кричащий голос родителя. Мама орала в трубку, что у Армана снова припадок, что лекарства нужны незамедлительно, что скорая везёт сейчас их в больницу и что, возможно приступ повторится сегодня же...

Я села на ступеньки, пятой точкой чувствуя, какие они холодные. Отключила телефон и стиснула в руке. Сдержала слёзы. Еле-еле... Мне нужно попросить аванс... Я отработаю, да что угодно, лишь бы дали деньги.

С этими мыслями, встала и вошла в помещение. Наткнулась на администратора.

– Ты уволена. Желание клиента – закон. Ты их разочаровала.

– Постойте, но как же... Я ув-уволена?! Прошу, дайте ещё один шанс! – я уже чуть ли не падала в колени.

Чувствовала, что вот-вот разревусь.

– Никаких шансов. Приказ Начальства. Собирай вещи и выматывайся отсюда.

Джерар ушёл, а я осталась чуть ли не на пороге, замёрзшая, обречённая и обессиленная.

Есть выход. Только цена высокая. Нравственная, слишком личная. Я стояла, как статуя. Слёзы хлынули из глаз. Закрыла рот руками, дабы не разрыдаться в голос.

– Так что, насчёт моего предложения, малышка?

Вздрыгнула. Рядом со мной встал Делакруа. Он широко ухмылялся, то и дело, поглядывая на часы.

– У меня ровно две минуты, чтобы услышать ответ.

– Сколько? – выдавила я, вытирая ладонью слёзы.

– Вот, это уже разговор. Для начала сто пятьдесят евро.

– Пятсот, и я поеду с Вами, – проговорила я.

Голос слегка отвердел. Столько денег хватит на одну капсулу для Армана. Для начала.

– А ты не промах. Согласен. Но за эти деньги, ты переспишь сначала со мной. А дальше видно будет. И ещё, твоя жизнь здесь заканчивается. Позвони кому-надо, сообщи, что уезжаешь.

– У меня мама и брат. Мне нужно будет звонить им хотя бы раз в неделю.

Я посмотрела на мужчину.

Тот вздохнул.

– Замечательно. Иди и садись в чёрную спортивную машину. Там Маркос сидит. А я скоро вернусь. Можешь не брать верхнюю одежду, купим тебе другую.

Пожала плечами. Вышла на улицу. Повертела головой и, увидев нужную машину, подошла к ней.

Достала телефон. Набрала маму:

– Как Арман?

Бурный поток слов заполнил мой разум.

– Он лежит в отделении интенсивной терапии. Ему что-то вкололи и всё. Он спит.

Я пообещала, что в ближайшее время положу на счёт деньги, так как нашла хорошую высокооплачиваемую работу. Жаннет обрадовалась, а я чуть снова не расплакалась.

Работа шлюхи – это не работа. Это загрязнение собственной души. И это меня сильно беспокоило, так как я даже не представляла, что такое секс. И что скажет, Делакруа, когда узнает, что я невинна...

– Эй, Лотти, давай садись!

Передо мной открылась задняя дверь. Я села рядом с Маркосом и положила руки на колени.

– Как настроение?

– Съездить кому-нибудь по лицу и съесть мороженое, – отрезала я, – Не приставайте ко мне.

Мужчина хмыкнул. Я же закрыла глаза и стала рисовать свою дальнейшую жизнь...

Глава 2

«Страсть лишена объективности, она лишена правды. Поэтому помните: если мозг охвачен возбуждением, вы в опасности.»

Анхель де Куатье. Исповедь Люцифера

Франция, Амьен

Полгода спустя

Яркое полуденное солнце слепило глаза. Я закрыла их, наслаждаясь прекрасной погодой.

Май. Пора жизни самой природы. То самое время, когда деревья оживают, и почки на ветвях начинают распускаться. Листики, травка, цветочки. Всё в это время года играет красками, насыщая мгновения цветными пятнами радуги. Казалось, вместе с природой пробуждаюсь и я. Распускаюсь, словно бутон розы, подставляя лепестки солнцу.

Зажмурилась и, улыбнувшись, сладко потянулась, хватаясь руками за ветку дерева, на котором сидела.

На миг, я и забыла, где нахожусь и в каком качестве.

Открыла глаза и потёрла их тыльной стороной ладони.

Ни раскинутое передо мной поле, ни деревья, ни лес, ни пруд не сотрут из меня все те месяца, что я провела здесь, в Амьене.

Этот город, несмотря на богатую историю и культуру таил в себе тайны. Некрасивые, страшные и мерзкие. Я сидела на дереве уже примерно час, наслаждаясь тишиной. Любимое место, вдали от всех... Мне позволяли сюда приходить, потому что территория прилегала к дому.

Усмехнулась. Позволили... За жёсткий... Не хочу даже мысленно представлять, что пришлось сделать, выторговывая данную «свободу».

Чувствовала, как паника тихой поступью подбиралась к горлу. Судорожно выдохнула воздух, прогоняя её. Я не могу позволить себе такую роскошь, как слабость. И хоть хотелось просто волком завывать и разрыдаться, делать этого никак нельзя. Загрызут и затопчут. И ещё станцуют на похоронах.

Я верила, что уеду из этого дома и города. Заработаю денег и помашу ручкой. Но чем дальше оставалась, тем яснее вырисовывалась картина: просто так меня не отпустят. Слишком много информации, слишком много грязи... Слишком я ЕМУ приглянулась.

С таким набором параметров можно подумать, что я работаю в «Интерполе», «ФБР», «Полиции Франции», но нет... Бордель – это не работа, а каторга. Тюрьма для девушек, из которых делают профессиональных шлюх. Хотя учитель у меня был один...

– Шарлотта!

Я дёрнулась, услышав грудной резкий голос. Быстро спустилась с дерева, слегка обдирая кожу правой ладони. Досчитав до пяти, широко улыбнулась и повернулась к шедшей ко мне женщине.

Мария воплощала в себе все развратные желания мужчин. В ней всего было много: груди, задницы, косметики. Белокурые волосы локонами спадали на узкие плечи, подчёркивая лебединую шею и узкое лицо. Женщина была невысокой, хрупкой, но отталкивающей в своей манере улыбаться пухлыми не от природы алыми губами, хлопать наращёнными ресницами и выпячивать натуральную грудь четвёртого размера. Не понимала я мужчин... Как им может нравится искусственность? Хотя, они хорошо платят, чтобы видеть белоснежку в своей постели. Да и она, в свою очередь, не каждого туда пускает. Привилегия надзирательницы...

Мысленно фыркнула и широко улыбнулась, дабы скрыть истинные чувства.

– Замечательная погода, Мари! Можно было бы устроить пикник. Девочки бы оценили.

– У них, в отличие от тебя много работы, – «главная» облизала губы. – Хотя сегодня и тебе скучать не придётся.

Внутри меня всё перевернулась. Невольно сцепила в «замок» руки.

– Ксавье приехал? – упавшим голосом спросила её.

Женщина хмыкнула и презрительно сощурилась.

– А чего без энтузиазма? Между прочим, ты кроме него ни с кем не спишь, и на лапу он тебе даёт прилично. В то время как девочки погибают раком, ради крох. И поверь, почти все мужики толстозадые извращенцы.

Именно поэтому, все мне завидовали и не любили.

Ксавье Роже Делакруа был владельцем нашего небольшого «Развлекательного дома». Как только я появилась, то он сразу же взял меня к себе в постель. Это подразумевало так же то, что кроме него, никто не смеет ко мне прикасаться. Я не была из тех девушек, которые спят за деньги. Да и вообще ложатся под кого-то без каких-либо эмоций... Но обстоятельства вынуждают находить выходы из безвыходных ситуаций. И иногда приходится чем-то жертвовать.

У меня больной брат, ему нужны лекарства, химиотерапия и прочее лечение. Врачи постоянно твердят, что Арман не поправится и ему даже лучше не станет. Но я не хочу в это верить. До десяти лет, он был нормальным мальчиком, а потом... Всё полетело к чертям.

Я оказалась здесь, чтобы облегчить его страдания. И честно признаться, мне не хотелось день за днём наблюдать за матерью. Блеск в её глазах постепенно угас, и она напоминала робота. Когда узнала, что я нашла высокооплачиваемую «работу», взбодрилась. Это значило, что Арман сможет прожить ещё какое-то время. И что мне придётся перебороть свои принципы и страхи. Перечеркнуть всё, ради чего жила.

– Не заставляй его ждать!

Мари окинула меня насмешливым взглядом и, процедив, сквозь зубы добавила:

– И что он в тебе нашёл? Кожа, да кости... Переоденься. У тебя на всё двадцать минут.

Надзирательница повернулась и плавно пошла обратно в дом. Я же хмыкнула и смахнула единственную слезу. Иногда можно... Иногда необходимо. Нельзя показывать, как ранят слова. Никому. Потому что, люди – стервятники. Только почуют, что пахнет, так сразу клевать. Особенно это характерно для женщин из борделя Амьена.

Бросив последний взгляд на поле, быстрым шагом направилась, куда было приказано. Я прошла по каменной дорожке, миновала розовые кусты и вышла прямо к огромному особняку. Он был большим, белым, красивым... Мне тошно было смотреть на него. Это значило, что вновь придётся переступить порог, вновь фальшиво улыбнуться, вновь защищаться от словесных нападок. Вновь сдерживать слёзы и не показывать чёртову слабость.

Когда женщины живут вместе, то возникает конкуренция. Причём неважно из-за чего. Это может быть драгоценность, платье или, к

примеру, мужчина.

Меня в доме откровенно ненавидели, и это вынуждало меня до боли сжимать кулаки, прикусывать язык от порыва раскричаться. Невыносимо быть там, где не любят. Но когда нет выбора – приспособливаешься. Бьёшь подушку, кусаешь одеяло, но борешься.

Дёрнула ручку и вошла в дом. Повернула налево к лестнице. Около неё меня поджидала одна из завистниц, недобро поглядывая в мою сторону.

– Что, не торопишься? – бросила она.

Сильвия была миниатюрной брюнеткой с кудрявыми волосами и раскосыми карими глазами. Красивая, как впрочем, и все девушки, собранные в этом развратном пристанище.

– Почему же? – поинтересовалась я, рукой проводя по волосам, – очень даже тороплюсь... Хозяин не любит ждать. Хотя, – усмехнулась, – Тебе то, откуда знать?

Сили поддалась вперёд и прошипела:

– Сука!

Я обошла её и стала подниматься по ступенькам. Думаю, девушка хотела бы мне врезать и не только она. Но мешал свод правил. Они помогали нам сосуществовать друг с другом. Одним из них, был запрет драк и каких-либо агрессивных действий. Жаль, что это табу не распространялось на постояльцев. Некоторые богатеи любили жёсткий секс и порой поколачивали шлюх. И в такие моменты искренне им сочувствовала, несмотря на все их «шпильки» в мой адрес.

В какой-то степени, я была благодарна Ксавье. Он не хочет меня ни с кем делить. И мне не приходится терпеть издевательства многих над телом. Хотя, мне вполне хватает и одного.

Поднявшись на второй этаж, подошла к первой двери справа и открыла её. Тереза, моя соседка по комнате, спала на диванчике, после бурной ночи, слегка похрапывая. Косметика размазалась на лице, побуждая улыбнуться открывшемуся виду. Мы недолго любили друг друга, но в отличие от остальных, вполне терпимо общались.

Сделав пару шагов, остановилась у деревянной двери. Дёрнула ручку и вошла в спальню.

Она была просторной, светлой. Не скажу, что люблю голубые оттенки, но за прошедшие полгода привыкла к бирюзовым шторам,

белоснежному тюлю, голубому пушистому ковру и, такому же, оттенку обоев.

В комнате располагались две односпальные кровати и прикроватные тумбочки со светильниками параллельно друг другу. Так же один шкаф на двоих. Коричневый, не слишком большой. Но нам-то много одежды и не требуется.

Присела на постель и задумалась. Моя соседка сейчас пребывала в глубокой дрёме после проведённого сеанса с жестоким клиентом. Даже не дошла до постели. На девушке были видны синяки, кровоподтёки и слёзы. Одежда разодрана, на ногах ссадины.

Каждый раз этот «золотой» ублюдок приезжал именно к Терри. Каждый раз брал её грубо, бил и истязал. За это хорошо платили. «Общение» с особенными клиентами обходится недёшево. Не знаю, как она всё это терпит. Хотя тут гадать и не приходится: просто нет выхода.

Мы не были подругами, и даже особо не общались. Но я искренне сочувствовала ей. Тереза не была из этих злобных гусынь, которые каждый раз пытаются уколоть меня, по больнее. Но и простодушной её назвать сложно.

Я встала и подошла к шкафу. Открыла его. На вешалках красовались сарафаны, пеньюары различных оттенков.

Достала одно до безобразия короткое платье бледно-жёлтого цвета. Сняла с себя будничную одежду, бельё и надела наряд, на совершенно голое тело. Закрыла шкаф и прислонилась к деревянной поверхности головой. Я ненавидела то, что делала. Мне было противно осознавать, что я докатилась до проституции. Если бы я тогда не встретила Его, если бы не согласилась... Арман был бы мёртв. Только благодаря телу, смогла отослать матери деньги на лекарства. Такую сумму я и за полгода бы не заработала.

Вышла из комнаты, осторожно закрыла дверь. Босиком, прошла к витиеватой лестнице и стала спускаться по ней, всё больше нервничая. Рука, скользящая по перилам, дрожала. Рот застыл в фальшивой улыбке до боли в скулах. В горле пересохло, а сердце... Моё бедное сердце тряслось от страха и возбуждения.

Пройдя по небольшому коридорчику, зашла в красивую гостиную. Она была декорирована в стиле барокко. Будто в музее. Высокие вазы бледно-розового цвета стояли по углам помещения. В них стояли

красивые искусственные алые розы. В середине располагался белоснежный диван, два кресла и небольшой журнальный столик со стеклянной поверхностью. На нём красовалась стопка модных журналов. Так же у стены можно было увидеть камин. Тоже искусственный. Фальшь была тут в почёте.

– Ты заставила меня ждать.

Я посмотрела на мужчину, сидящего в кресле. На нём, как обычно костюм-тройка тёмно-синего цвета. Белоснежная рубашка с открытым воротом оттеняла смуглый цвет кожи француза. Сапфировые глаза пристально смотрели на меня. На ум пришло только одно определение: хищник.

Сглотнула слюну. Облизнула губы.

– Прошу прощения, – опустив голову, проговорила я.

Мужчина встал с кресла и подошёл ко мне. Провёл рукой по моему подбородку. Улыбнулся, показывая игривые ямочки на щеках. Только сейчас заметила, что его тёмные волосы отрасли и теперь касались плеч. Сколько его не было? Почти месяц... Три недели спокойствия и отдыха...

– Идём, Шарлотта, – он взял меня за руку, – Мари, правила ты знаешь.

О, да! Пресловутые правила хозяина. Если кто-то побеспокоит его, то будет наказан. А расплата тут жёсткая. Если не слишком серьёзно провинился, то следующий клиент бесплатно. А если серьёзно, то получишь «общение» с жестокой сволочью. Тоже даром.

Мари кивнула. Ксавье повёл меня к двери, ведущую в заднюю часть дома. Там находилась комната мужчины.

Как только дверь закрылась, мужчина прижал меня к ней и схватил руками лицо.

– Такая красивая, словно ангел. Падший, правда...

Мужчина что-то промурлыкал себе под нос. А я прикусила губу, чтобы не выдать рвавшийся наружу всхлип. Ксавье выругнулся и впился мне в губы. Его натиск был всепоглощающим. Язык настойчиво касался губ, приказывая рот раскрыться, дать ему волю хозяйничать. Подчинилась и почувствовала нежеланный прилив возбуждения. Руки мужчины гладили моё бедро, забираясь глубже под платье. Его губы сместились на шею. Я невольно застонала, ощутив как зубы мужчины, слегка прикусывают кожу.

Ксавье отпрянул и страстно посмотрел на меня.

– Твои стоны сводят меня с ума, – прохрипел он, – Разденься для меня.

Прикрыла глаза. И пальцами сдвинула петельки сарафана. Он вмиг соскользнул с меня. Соски напряглись от пристального взгляда синих глаз. Ксавье провёл пальцем по набухшей жемчужине. Неосознанно попыталась сделать шаг назад.

– Нравится твоя реакция на меня, детка, – прошипел Ксавье, – Медленно иди к кровати.

Подчинилась. Гордо подняв голову, прошла к большой двуспальной постели с алыми шёлковыми простынями и шикарным чёрным балдахином.

– Ляг на подушки и раздвинь свои длинные ножки, – хрипло прошептал мужчина.

Выдохнула воздух и забралась на постель. Перевернулась и расположилась в той позе, которую мне обозначили. Чувствовала себя, совершенно обнажённой, и имею в виду не тело, а душу.

Я смотрела, как Ксавье снимает пиджак, как расстёгивает рубашку, как кидает одежду на пол. Как освобождает всего себя от пут трусов.

Его тело безупречно. Взглядом впитывала каждый дюйм натренированного тела. Мужчина лёг рядом. Его рука коснулась моих складочек в интимном месте, проникая в меня указательным пальцем.

Ксавье рассержено прошипел:

– Сухо. Неужели я тебя ни капли не возбуждаю?

Он лёг сверху и опустил голову. Ртом поймал мой сосок и больно укусил. Вскрикнула. Его плечи напряглись. Я ощущала эрекцию, сильную, мощную, готовую к действию...

– Так не пойдёт... Сядь на край постели.

Сделала, как он велел, непонимающе взирая на Хозяина. Я не знала, что он задумал. Раньше мужчина так себя не вёл. Всегда было страстно, стремительно и долго. Но сегодня... Сейчас Роже ведёт себя иначе...

Мужчина тоже слез с постели и встал на колени, приближаясь к моим ногам. Руками раздвинул их и наклонил голову.

– Что Вы...

– Шшшш, детка, не порть момент, – прошептал он и языком коснулся клитора.

Моё тело охватила дрожь. Язык мужчины творил не воображаемые вещи. У меня закружилась голова от возбуждения.

Пальцы мужчины раздвинули мои складочки, и язык вторгся «туда». Я откинула голову и, не выдержав, громко застонала.

Ксавье отодвинулся и улыбнулся.

– А ты оказывается сладкоежка, – промурлыкал мужчина, – Мне нравится. Очень.

Почувствовала, как щеки заалели от интимности момента. Ксавье поднялся и устроился между моих бёдер. Не раз он брал меня стоя, лёжа, сидя... Но в этот раз было как-то по-другому. Его член был толстым, прямым и большим. В первый раз... Могу сказать, что долго после нашего первого раза приходила в себя. Не каждый день имеешь дело с таким агрегатом. Тем более в первый раз...

Улыбнулась и потянула руки к мужчине.

Он тёрся об меня своей твёрдостью, заставляя тело изгибаться от желания.

– Вот теперь ты готова...Мокрая, влажная... Моя, – последние слова он глухо рычал.

Резко, Ксавье вошёл меня по самый ствол. Остановился, чтобы я привыкла, приняла его в себя. Секунды погодя, вышел и вновь проник, уже сильнее, быстрее, жёстче.

Обхватила его ногами, губами приникая к его шее, слегка покусывая её. Мужчина застонал и вышел из меня. Нащупав на прикроватной тумбочке презерватив, он распаковал его и надел на член.

– Повернись, – грубо скомандовал он.

Перевернулась и встала на четвереньки. Раздвинула ноги, легла грудью на постель, закусила губу.

– Люблю твою попку. Маленькая, упругая и моя.

Он приблизился ко мне сзади. Прошипев что-то по-итальянски, стал с безумством вбиваться в меня, причиняя невыносимую боль. Я сильнее прикусила губу, моля, чтобы всхлипы не вырвались на волю, чтобы хозяин не услышал их, чтобы завтра я могла ходить...

Полчаса спустя, комната Ксавье Делакруа

Я повернулась на бок, чтобы Ксавье не увидел слёз, натянула по подбородок одеяло и сглотнула накопившуюся слюну. Вымученно улыбнулась. Всё начиналось так мило, так страстно, так искренне, а потом... Потом вновь боль, вновь шлепки, вновь кровавая дорожка по бёдрам.

Мужчина вышел из душа, с полотенцем на бёдрах.

– Не хочешь в душ? – поинтересовался он безразличным тоном.

Кот наелся сметаны и возможно отпустит мышку в норку...

– Я бы хотела к себе в комнату. Поздно уже.... Спать хочется.

Мужчина хмыкнул.

– Я тут остаюсь на неделю. Нужно решить кое-какие дела. Так что, можешь, смело перетаскивать свои вещи на это время сюда. Иди в душ, а потом будем спать.

Сжала губы, широко раскрыла глаза. Здесь? Неделя?

Я не выживу... Обычно Роже приезжал на пару дней. Пару раз было на долгий срок и это было самым настоящим кошмаром. Но подобных недельных вылазок не было уже три месяца.

Не дала мыслям затуманить разум, и, откинув покрывало, побежала в ванну. Закрыла дверь и пошла в душевую. Включила тёплую воду и подставила струе лицо.

Я справлюсь. Справлюсь! Должна!

Он пробудет здесь неделю, а потом уедет. Может опять на месяц? А может больше?

Я простояла под душем ещё некоторое время. Выключила воду, вытерлась и пошла в постель. Когда вышла из ванны увидела, что Роже, развалившись на кровати, спит.

Присела на краешек постели и съёжилась от холода.

– Шелли, не дури, ложись, – пробормотал Делакруа.

Я приоткрыла рот от удивления. Шелли... Так меня только мама называла. Только она.

Я прилегла и сразу же очутилась в крепких объятьях мужчины.

– Расслабься, я сегодня больше ни на что не способен, – прохрипел Ксавье.

Я не смогла расслабиться в руках мужчины, не смогла быстро уснуть, не смогла уменьшить страх перед завтрашним днём.

А что будет завтра? Вероятно, развернётся ад. Завистливые девушки, то ещё зрелище...

Глава 3

«Рыданиями ничего не достичь, объятия в трудный момент не помогут... но радость надо делить с тем, кого любишь. А с пустотой и отчаянием лучше справляться самому.»

Анджелина Джоли

Я проснулась от солнечных лучей, освещающих моё лицо. Я лежала на боку почти у края большой кровати. Потерла пальцами глаза, взбодрилась. Замерла и прислушалась. Никакого намёка на присутствие Хозяина не было. Ни дыхания, ни каких-либо телодвижений. Едва не выдохнула с облегчением. Не хотелось просыпаться одновременно. Это было бы... Как-то странно. Не по правилам.

Я помнила, что Ксавье сказал принести свои вещи в эту комнату. Содрогнулась от осознания, что секс будет каждый день недели.

Перевернулась на спину и уставилась в потолок. Горько усмехнулась. Я терпеть не могла эту жизнь и постепенно начинала ненавидеть мать. Отец был прав. Лекарствами мы поддерживаем Армана, но он никогда не станет прежним, не поправится, и приступы всегда будут сопровождать в течение жизни в виде полу свежего овоща. Я люблю брата, иначе не стала бы жительницей борделя. Но часто задумывалась, а самому Арману это нужно? Он испытывает боль изо дня в день, его пичкают лекарствами, уколами... Он живёт не потому, что хочет, а потому что мы без него не можем. Любовь творит чудеса, а в моём случае прибавляет очередную унцию боли.

Поднялась с кровати, натягивая простыню на голую кожу. Нужно найти платье и идти в свою комнату, пока мужчина не вернулся.

Быстро отыскала нужную вещь, нацепила на себя. Пригладила волосы руками и открыла дверь.

– Ты куда-то собралась, малышка?

Как вкопанная смотрела в лицо мужчины, задрав слегка голову. Сглотнула.

– Без этого платья, ты гораздо желанней, – проурчал его голос.

– Доброе утро, месье Делакруа. Мне нужно подняться к себе...

Мужчина остановил меня взмахом ладони.

– Нет. Не нужно, – Ксавье развернулся и крикнул, – Мари!

Белоснежка появилась почти мгновенно, щеголяя в шёлковом расстёгнутом халате, из-под которого виднелось кружевное алое бельё.

Ксавье хищно её оглядел, и я невольно покрылась мурашками от страха. А что если он захочет тройничок? Что, если устал от меня и отдаст тому, кто больше заплатит? А сам возьмёт в постель эту блондинку?

– Принеси вещи Шарлотты в мою комнату. Она будет жить в моей спальне.

– Месье Делакруа, – начала говорить Мари, то и дело, бросая в меня взглядом испепеляющие молнии.

– Иди, – рявкнул Ксавье, – И прикройся.

Мари натянуто улыбнулась и удалилась. Я чувствовала некое удовлетворение. Мне нравилось, когда эта змея не получала желаемого.

Я отошла назад, давай проход Роже. Мужчина закрыл дверь и осуждающе на меня посмотрел. Опять что-то не так сделала? Сглотнула слюну. В животе заурчало. Я смутилась от этого звука и опустила глаза.

– Сейчас Мари принесёт одежду и иди, ешь. Меня до вечера не будет, можешь заниматься своими делами. И, Шарлотта, без фокусов.

Фокусы? А я когда-нибудь что-либо вытворяла? Насколько известно нет. Такое поведение, было не в моём стиле.

– Месье Делакруа...

– Шарлотта, мы с тобой любовники и знакомы полгода. Будь добра, называй меня по имени. Я чувствую себя старым.

Хмыкнула. Ему всего тридцать. Хотя если учесть, что он старше меня на девять лет.... Комплексует что ли?

– Брось, Шелли, не забивай этой ерундой голову.

– Ксавье, – пискнула я, пятясь назад, – Мне нужны деньги.

Мужчина потёр переносицу между глаз.

– Получишь всю сумму в конце недели.

Прикусила губу. Сердце стучало от страха.

– Мне нужны деньги сейчас. Пожалуйста. Мы оба знаем, что я в этом месте не по призванию нахожусь.

– Я это лучше всех знаю. И это одна из причин, почему я тебя имею.

Ксавье приблизился ко мне. Его глаза неотрывно смотрели в мои. Он облизнул губы.

– Ты прекрасна, Шелли. Даже в мятом платье, со спутанными волосами, припухшими губами и с глазами, наполненными слезами. Только дьявол знает, почему я от тебя не устал. Может, это загнанное выражение лица и дрожь в голосе? Или это не желание подчиняться мне. Тем не менее... Ты предпочитаешь мою постель, мои деньги, мой член.

У меня перехватило дыхание от его слов.

– Ты знаешь, что деньги нужны не мне, – прошептала я, – Они для брата... Я никогда бы, не легла в постель, к тому, кого не люблю. Но так сложились обстоятельства.

Слёзы потекли из глаз.

– Я терплю каждый раз от тебя жёсткость, которая проявляется на следующий день неприятной болью. Я молчу, не жалуясь... Потому что у нас договор. Ты меня трахаешь, и за это платишь деньги.

Мужчина схватил меня за затылок.

– Именно. Я. ТЕБЯ. ИМЕЮ. Как захочу, когда, сколько, где...

Сжала зубы.

– Делай, что угодно... Только плати.

Ксавье отпустил мою голову.

– В будущем, из тебя выйдет безупречная шлюха... А пока, ты мне не надоела, будешь играть по правилам, – мужчина дико усмехнулся.

В груди всё рокотало. Почти всегда Ксавье вёл себя, как настоящий ублюдок. Мне безумно хотелось посмотреть на ту, в которую он влюбится. Будет ли она шлюхой или богатой наследницей, было неважно. Мне хотелось, чтобы мужчина почувствовал эту зависимость от эмоций.

Мне нужны были деньги из-за любви, из-за чёртовой ответственности. Другая, на моём месте, плюнула бы на все и высказала всё матери. А я не могу, я ведь добрая... Безотказная. И порой мне кажется, что бесхребетная.

– Я переведу часть недельной суммы на счёт твоей матери, остальную часть, когда уеду. И, Шарлотта, – Делакура сделал паузу, –

Ты должна очень и очень стараться сделать меня за эту неделю довольным.

От его слов по спине побежали мурашки. Словно тысячи игл проникли под кожу, заставляя сжать зубы, чтобы не закричать в голос.

– Обещаю, – выдавила я, – Ты не пожалеешь.

– Вот и прекрасно.

Хозяин окинул взглядом комнату.

– Уберись здесь, – сказал он и сел в кресло, – Только разденься для начала.

Я глотала слёзы, пока одежда падала к моим ногам, нежно спускаясь по телу. Я переступила, через платье, перебарывая свою стеснительность. Выпрямилась и посмотрела на Ксавье.

Слышала, что, когда стоишь голой перед мужчиной, считаешь себя красивой, желанной, особенной. Конечно, если это тот самый человек. Я чувствовала себя грязной, опороченной, очернённой. Я не думала, что красива, что желанна... Хотя жажда страсти во взгляде Ксавье говорила о многом. Интересно, что он во мне нашёл? Пожалуй, кроме длинных ног и больших глаз, во мне не было ничего интересного. Умом мужчину не понять...

– Тебе нужно приглашение, чтобы застелить постель? И подобрать вещи с пола? – усмехнулся мерзавец.

Я выдавила улыбку и, развернувшись, пошла к кровати. Кусала до крови губы, пока взбивала подушки, поправляла простынь, расправляла одеяло... Руки, тряслись, глаза, наполненные слезами, перед собой ничего не видели из-за испытанного унижения...

– Знаешь, Шелли... Я часто вспоминаю тот день, когда впервые увидел тебя.

Остановилась, как вкопанная, услышав хриплый голос мужчины.

– Загнанная, пытающаяся выдавить улыбку жизнерадостности...

Ты сразу заинтересовала меня. Длинные ноги всегда были моей слабостью, – Ксавье замолк.

Но я спиной ощущала его взгляд.

– Да, я тоже вспоминаю тот день, – пробурчала себе под нос, – День моего падения...

– Говори громче, малышка, тебя не слышно, – приказал Делакура.

Я наконец-то застелила постель и принялась собирать вещи с пола.

– Я сказала, что тоже помню тот день в Париже, – громко проговорила я.

– Замри!

Стоя в позе «рака», напряглась, когда услышала приближающиеся ко мне тяжёлые шаги мужчины.

– Я не планировал отыметь тебя сейчас... Но моё тело и желание говорят об обратном. А так как ты уже оплачена...

Сглотнула слюну. Снова? Опять? У меня даже не будет передышки... Хотя исход был и так ясен, когда Ксавье принудил меня убираться нагишом.

Его тёплые руки накрыли мои бёдра, приближая к себе. Я чувствовала под штанами эрекцию. Прикусила язык, чтобы не просить о пощаде. Деньги. Дьявольские финансы заставляли меня терпеть посягательство на моё тело. Многие могли бы сказать, что есть другой выход. Но я его не вижу. Столько, сколько платят мне за удовлетворение этого мужчины, не заплатят нигде. Благодаря мне, у Армана есть шанс на жизнь... Терпение, Шарлотта, только чёртово терпение.

Ксавье поглаживал мои ягодицы, разогревая их. По телу прошла приятная дрожь. Я была не властна над физической реакцией в начале сексуальной прелюдии, но потом похоть мужчины заходила так далеко, что никогда не было «медленно и нежно».

– Иди к кровати, – приказным тоном проговорил ублюдок.

Стиснула зубы, выпрямилась и, сделав два шага, оказалась у подножья постели.

– Наклонись и обопрись.

Подчинилась.

– Ноги раздвинь, – раздражённо проворчал Роже.

Поставила ноги по ширине плеч, опустила голову и стала ждать. Тягучие поглаживания его рук по спине, расслабили моё тело. Когда ладонь коснулась правой ягодицы, заволновалась.

– У всех у нас, свои особые предпочтения, ты знаешь это, Шарлотта...

Его хриплый голос и частое дыхание говорили мне о крайней степени возбуждённости. И было лучше, если бы мужчина закончил «дело» быстро. Но он, терпеливый сукин сын. Любит оттягивать своё удовольствие, посредством моей боли.

Резкий шлепок по попе сопровождался стоном Ксавье. Я сжала губы, чтобы не закричать.

– Тебе не нравится, и знаешь, меня это безумно заводит, – прошипел мужчина, сжимая ягодицу.

Я слышала, как он стянул с себя штаны, как отбросил их в сторону. Придвинувшись, он подхватил руками мои бёдра и подстроил под свой член таким образом, что тот оказался прямо перед «входом».

Я в отличие от него, не была возбуждена. Знала, что скоро будет адски больно, что снова пойдёт кровь, что вновь откроется рана. Не столько физическая, сколько душевная.

– Когда-нибудь ты закричишь от наслаждения, – прошептал он и полностью погрузился в меня.

Из груди вырвался крик. Выдохнув воздух, зажмурилась и сильнее вцепилась руками в простыни. Казалось, пальцы приросли к ней...

Мужчина вдавливался в меня с невероятной силой, сильнее сжимая ягодицы руками. Его дыхание участилось, а вместе с ним движение бёдер и члена. Скоро кончит. Я чувствую это... Слёзы текли из глаз. Хотело рукой зажать рот, чтобы он не услышал рыдания. Но разве он поймёт? Конечно, нет. Таким, как он ни до кого, кроме себя нет дела.

Услышала, как открылась дверь, как кто-то резко выдохнул.

– Месье, – прохрипела Мари.

А это была именно она. Никто бы не посмел без предварительного одобрения сюда войти.

Ксавье прорычал.

– Вон пошла!

Дверь громко захлопнулась. Из моих глаз новым потоком хлынули слёзы. Да что же это такое? Теперь надо мной будут смеяться. Найдут из-за чего... Вот так и рождаются комплексы, вот так и уничтожает отчаянье.

Хозяин несмотря на появление Мари не остановился, а наоборот... Казалось, мои руки не выдержат и я повалюсь на колени. Я из последних сил держалась, терпела... Сгорала от стыда. Наконец-то, мужчина замер.

– Чёрт, – пробормотал он, – без резинки...

– Я на таблетках, – произнесла я непослушным голосом.

– Знаю, но...

– Член превыше всего, – проговорила себе под нос.

Ксавье вышел из меня и отстранился. Я поднялась на ноги и стоя спиной к нему спросила:

– Я могу пойти в ванну?

Сзади послышался удовлетворённый смешок.

– Не забудь снова прибраться и комнату проветри. И пожалуйста, прекрати лить слёзы. Это тебе не мамочкин дом.

Буквально ощутила, как мужчина с неприязнью выплёвывает эти слова. Иногда мне хотелось плюнуть в него, наорать, стукнуть... Но как я могу? Только переспав с ним я получаю семьсот евро. И это одна ночь. А эта неделя подарит моему брату почти пять тысяч. Это очень много.

Да, полгода назад, я потребовала слишком мало. Всего пятьсот, осознавая, что Делакруа мог дать больше. И дал... Но повышать планку до тысячи за раз, не осмеливалась.

Съёжившись, обхватила руками плечи побрела в ванную. Мне нужно было расслабиться, нужно было смыть с себя его прикосновения, его жестокость.

Закрыв тихо дверь, спустилась по ней спиной и села на холодный кафель. Подтянула колени к груди. Из горла вырвался стон. Каждый раз, я не могла поверить, что нахожусь здесь, что продаю тело, словно колбасу на ярмарке. Регулярно, твердила себе, что рано или поздно это закончится. Не хотела думать об этом, потому что, было два варианта моего освобождения из этого Ада. Смерть матери или брата. В первом случае, навсегда окажусь прикованной к Арману, во втором, буду виноватой во всем. Мама просто спишет смерть брата на меня. Мол, мало старалась, мало зарабатывала. Я не хочу винить её за такое отношение. Но обида уже давно засела в груди и проявляется с новой силой, после проведенного времени с Роже.

Поднялась с пола и подошла к раковине. Включила воду и ополоснула лицо ледяной водой. Посмотрела в зеркало. Криво улыбнулась. Глаза покраснели от слёз. Губы покусаны от сдерживаемых рыданий. Волосы растрёпаны, лицо осунувшееся. Большие зелёные глаза в обрамлении густых ресниц казались неживыми, пустыми.

Прикрыв веки, посчитала до десяти, выравнивая дыхание. Нужно помыться, смыть его сперму, пахнуть гелем для душа, чистотой.

Не знаю, сколько я простояла под тёплой водой, раз, за разом намыливая, проводя губкой по коже, но когда вышла из ванной, комната была уже прибрана, окна нараспашку. На кровати лежали джинсовые шорты и белая обычная майка.

Видимо, Мари уже побывала здесь. Я заметила несколько стопок с одеждой на полу возле окон. Тяжело было на кровать бросить? Да собственно зачем? И так сойдёт...

Хотелось визжать от досады и безысходности. В груде барахла отыскала трусики и бюстгальтер. Белое кружевное бельё. Ксавье любил такое. Максимум откровенное. Быстро переодевшись, убрала всё «приданное» в шкаф, стоящий перпендикулярно кровати.

Интересно, я смогу сегодня поесть? Хотя и аппетит совершенно пропал.

Двадцать минут спустя

Кухня нашего «развлекательного» дома была огромной. Такую, можно было увидеть на картинках в модных журналах по интерьеру. Всё выполнено в строгом стиле. Ни грамма намёка на домашний уют или доброжелательность. Чёрно-белые тона всегда намекали на консерватизм. Посреди помещения стоял большой деревянный, овальный стол с чёрной скатертью. Белый кухонный гарнитур оттенял тёмные обои, холодильник. На стене, параллельно мебели висело пять картин. Одна большая с розовым фламинго посередине, другие с различными рисунками по кругу от первой.

У стола стояли пять стульев, я подошла к одному и отодвинула. Затем направилась к холодильнику. Открыла его и посмотрела на содержимое. Там было много всего. Я достала питьевой йогурт, банан, киви и яблоко. Быстро нарезав фрукты, выложила в глубокую тарелку и залила йогуртом. Сев за стол, не успела поднести ложку с едой ко рту, как услышала:

– Поговаривают, Хозяин очень долго вдалбливался в тебя, от того, что не мог кончить.

– Нехорошо собирать сплетни. Это может плохо закончиться, – протянула я, сжимая в руке ложку.

За моей спиной стояла ещё одна жительница борделя. Петра. Рыжеволосая бестия с тонкими ехидными губами, длинными ногами и кривым носом. Она была спала с Ксавье до меня. И её это бесит. Бывшая, которой более ничего не светит... Почему? Ещё одно правило. Два раза в один колодец...

– Ты мне угрожаешь, соплячка? – вкрадчиво прошипела рыжая.

Я повернулась.

– Ты старше меня на четыре года. И Петра... Дай мне поесть. А то от душераздирающих разговоров у меня проснулся аппетит, и испортилось настроение.

– Он не будет твоим, – рявкнула девушка.

Закатила глаза.

– Мне тебя жаль...

– Это тебе-то жаль? – хмыкнула Петра, – я была его любовницей дольше, чем ты.

– Не бесись только из-за того, что ты ложились не только под него. Что он сам, будучи с тобой, подбирал клиентов. А я... Только его.

Мило улыбнулась.

– И что? Много денег не бывает, – пожала плечами девушка, как будто, так и надо.

Какая она красивая. Даже можно сказать, аристократичная. Хотя с нашей профессией это звучит парадоксально.

– И запомни, большеглазая. Он мой. И скоро он тебя бросит... Под кого-нибудь. Уж я этого добьюсь!

Я вернулась к своей тарелке. Угрозы Петры меня не впечатляли. И если честно, было плевать. Старалась держаться при девушках, не показывать слабину. Но и у стен есть уши. Мне всегда морально плохо из-за таких стычек. Я не люблю юлить, хамить, говорить загадками или унижать. И от потери «себя» в такие моменты мне становилось грустно. Как будто кошки скребутся когтями, прорываясь на свободу. Заставляя меня усомниться в себе. Всегда считала, что сила в душе. Что нужно уметь прощать и идти дальше. Не заикливаться на мелочах, обидах, словах... Но в последний месяц это стало трудновыполнимым.

Я съела весь фруктовый микс, чувствуя, как насыщаюсь витаминами.

Встала и пошла, мыть посуду. В доме были свои правила, свой порядок. Например, каждая убирает за собой. Поела – помой. Пролила – вытри. Необязательно это делать за всех.

Теперь, пока Ксавье занят по работе, до вечера есть свободное время.

Вышла на улицу с чёрного входа и направилась в любимое место, где мысли витают в облаках. Где я могу на минуту стать собой. Природа – единственное, что у меня осталось. Это единение дарует мне спокойствие, умиротворённость. Матушка Земля принимает меня такой, какая я есть. Не пытается подстроить под себя. Она не пользуется мной, не требует. Как бы я хотела быть свободной. Полностью и без остатка. Парить без крыльев и наслаждаться дуновением ветра. Ощущать босыми ногами свежую ароматную траву. Вдыхать сладкий запах цветов и смотреть, как облака сменяют формы.

Я остановилась перед большим дубом. Посмотрела вверх и улыбнулась. Подпрыгнула и, ухватившись за ветку, потянулась. Спустя минуты стараний сидела на дереве, облокотившись на ствол, и смотрела на раскинутое поле, на стоящий вблизи дом и вспоминала...

Глава 4

«Это твоё единственное сокровище...Пока ты непорочна, ты еще хоть чего-то стоишь, но, как только потеряешь свою чистоту, превратишься в ничто. Я слушала её, но никак не могла взять в толк, почему именно та, самая постыдная и, судя по всему, тесно связанная с понятием греха, часть моего тела одновременно является столь ценной и важной.»

Исабель Альенде

Франция, Париж

Полгода назад, квартира Делакруа

Меня трясло. В горле пересохло от абсурдности возникшей ситуации. Как я могла согласиться на такое? Отдать тело за деньги? Отдать то единственное, что было моим? Боже, это было невероятно! Глупо, страшно и обнадеживающе.

Я стояла посреди огромной квартиры мужчины. Маркос нас довёз и уехал по каким-то делам.

Сейчас, будучи в ступоре смотрела на жильё «сутенёра». Двухэтажное помещение, красивое, дорогое ...

Сразу видно, что Делакруа богатый человек. Он любил классику в интерьере, а так же технику. На белоснежных стенах висели картины с абстракцией. По углам стояли колонки от домашнего кинотеатра. Посреди помещения располагался чёрный кожаный диван. На стене напротив него висел огромный плазменный телевизор. Окна были большими, почти в пол. Их закрывал красивый белый тюль и богатые шторы цвета горького шоколада с серебряными вкраплениями на них.

Красиво, но как-то суховато.

– Нравится?

Я услышала ЕГО голос позади меня. Нервная дрожь вновь прошла по телу. Мне резко стало холодно. Низ живота стянуло тугим узлом.

– Какая разница, – проговорила я дрожащим голосом.

Мужчина усмехнулся.

– Да, действительно. Я приготовил тебе ванну в гостевой комнате. У меня деловая видеоконференция. Затянется на пару часов. Расслабься.

Расслабиться? Серьёзно? В квартире незнакомца, который предложил мне быть шлюхой... Абсурд пахнет деньгами.

Молча, кивнула.

– Куда мне идти?

– Я провожу.

Мы подошли к лестнице и стали подниматься. Она не была витиеватой или какой-нибудь замысловатой. Обычная, из красного дерева с коричневым ковром. Мне стало интересно, сам ли мужчина участвовал в обустройстве жилища. Хотя, вероятно, глупо думать так. Занятой человек с кучей скелетов в шкафу и за диваном, вряд ли стал бы опускаться до таких мелочей.

Поднявшись на второй этаж, Роже провёл меня в комнату. Она была небольшой, с ванной, большой кроватью, двумя прикроватными тумбочками.

– Потом осмотришься, – прохрипел его голос.

Делакруа открыл дверь. Мы вошли в уборную, и я едва ли не ахнула.

Большая ванна была заполнена водой. Рядом на пластмассовой дорожкой тумбочке стояла бутылка вина, шоколад и бокал.

– Тебе нужно выкинуть все мысли из головы, выпей. И ещё, Шарлотта. В ящике тумбы найдёшь принадлежности для бритья. Я люблю гладкие и ухоженные киски. Запомни это.

Я покраснела от интимности его наставления. Это так пошло, так странно и неприятно.

Мужчина рассмеялся.

– Жду не дождусь момента, когда мой член погрузится в тебя.

Делакруа ушёл, а я осталась одна. Смотрела на воду, понимая, что всё. Назад пути нет, и не будет. Если такова цена за жизнь Армана, то пусть. Я потерплю.

Медленно разделась, бросая одежду на пол. Освободила волосы, которые каскадом упали на хрупкие плечи.

Приблизилась к ванне. Посмотрела на бутылку вина. Выдохнув воздух, схватила ее и наполнила бокал до краёв. Отпила красную

жидкость. Вкусное. Сладкое.

Поморщилась и поставила бокал на место. Я перекинула ногу через бортик ванны и погрузила её в воду. В самый раз. Полностью залезла и откинула голову назад, устраиваясь удобнее.

Слёзы хлынули из глаз, и я не удержалась, зарыдала в голос. От обиды на мать, которой всё равно, где и кем я работаю. На отца, которому тоже по сути дела наплевать на нас, на жизнь, которая раз за разом окунает меня в дерьмо.

Я вытерла слёзы мокрой рукой и взяла бокал с вином. Полностью осушила, заела половиной шоколадной плитки.

Когда тело полностью расслабилось, я поняла, что меня начало клонить в сон. Вытащила затычку из ванной и стала ждать, пока вода исчезнет. Через десять минут, я стояла с включённым душем, сжимая в руках одноразовую бритву. Это невероятно. До сих пор не верила, что о таком вообще говорить можно. Вслух, прямо...

Я намылила лобок и стала уничтожать волосы. Нельзя, чтобы он злился, нельзя...

Думала, а стоит ли говорить о девственности? Стоит предупреждать об этом? Я боялась. А вдруг откажется? Вдруг отправит меня обратно домой, без денег, без надежды... К матери, которая будет причитать, плакать и обвинять.

Сглотнула слёзы и выкинула бритву в мусорное ведро. Я старалась выбрить всё... Не зная, как нужно. Как он любит...

Вытерлась, обернулась мягким чёрным полотенцем, взяла бутылку вина и вышла из помещения. Меня встретила прохлада и совершенно чужая комната. Сейчас, я могла зацепиться взглядом за детали. Спальня была выполнена в фиолетовых тонах. Всё, кроме прикроватных тумбочек было тёмно-фиолетового цвета. Даже постельное бельё, мягкий ковёр под босыми ногами. Мне было лень рассматривать картины, висящие на стенах, вазы с искусственными цветами, шторы с красивыми узорами.

Я села на кровать и отпила из бутылки вино. Шоколадку положила на колени, разломала и положила на язык кусочек. Он растаял, придавая алкоголю свой особенный вкус.

Осушив всю бутылку полностью, смутно поняла, что сильно опьянела. Так, что комната перед глазами кружилась, а из груди вырывался истеричный смех.

Боже, в первый раз в жизни напилась, ради первого секса. Символично, да?

– Я смотрю, ты времени даром не теряла, – услышала я насмешливый голос Ксавье.

Посмотрела и увидела, как мужчина стоит в проёме двери. Рассмеялась.

Делакруа стал приближаться ко мне. Его расплывчатый силуэт в тускло освещённой комнате вызвал у меня трепет и страх.

Он подошёл и, раздвинув ногой мои колени, разместился между ними. Я закинула голову вверх и неожиданно икнула.

– Нужно было так напиться? – пробормотал Делакруа, – Но с другой стороны, будет меньше возни. Выгода есть везде.

Постойте. Выгода? Я? Да он точно чокнутый!

Его пальцы коснулись моего подбородка, погладили его. Потом спустились к узлу на полотенце. Одним движением, мужчина сдёрнул единственную вещь на мне. Мои соски отвердели от внезапного холода. Всё время я смотрела на Ксавье. Я видела, как он облизнулся, как похотливо блеснули его глаза.

– Откинься на спину.

Легла. Ноги оставались всё в том же положении: согнуты в коленях, опирались на пол.

– Я как увидел тебя, сразу захотел. Знаешь, это дорогого стоит, – прошептал он.

Мне нравились его слова. Они были бальзамом для души, но, в то же время, я понимала, что это всего лишь мишура для создания атмосферы. Муляж, иллюзия, ложь...

Его пальцы скользили по моему телу, которое покрывалось мурашками. Я закрыла глаза, прогоняя пьяный дурман, который заставляет меня поверить в чудо. Не нужно было столько пить. Ох, не нужно было...

Я слышала, как мужчина снял рубашку, как расстегнулась ширинка... Теперь мне стало по-настоящему страшно. Хотелось вскочить и убежать. Даже будучи под градусом, всё сознавала и понимала. И это, пожалуй, доказывало, что вино не так уж и сильно на меня подействовало.

Мужчина взял мои ноги и придвинул бёдра к себе. Я почувствовала, какой он твёрдый и большой. В горле пересохло.

Зажмурилась, пытаясь абстрагироваться от происходящего.

– У тебя прекрасная киска, малышка. Это меня заводит, – прохрипел Ксавье, – И сильно.

Его пальцы коснулись лона и провели пальцем вдоль него. Я дёрнулась от неожиданности.

– Не терпится? Перевернись. Залезь на кровать и встань на четвереньки.

Я подчинилась.

– Раздвинь свои сексуальные ножки.

Слышала, как Делакруа сам забрался на кровать, как скрипнул матрац от его веса.

Его руки коснулись моих бёдер, а его член стал тереться об мою попку.

– Моя любимая поза. Заводит, когда видишь перед собой аппетитную часть тела женщины.

Я промычала что-то непонятное в ответ.

Ксавье лишь хрипло рассмеялся.

Пальцами руки он нащупал мои половые губы, раскрыл их и ввёл головку члена. Я почувствовала дискомфорт.

– Я буду иметь тебя жёстко, потому, что плачу тебе за это. А раз ты получаешь деньги, то главное – моё удовлетворение. Так что, мотай на ус, девочка... Я всегда беру то, что моё. Как и где захочу.

От его слов мне стало дурно, по-настоящему.

Его бёдра сделали резкий выпад, и его член вошёл в меня на всю длину. Я закричала от адской боли.

– Да, мать природа размером не обидела. Ничего, привыкнешь...

Я стонала от боли, от трения наших тел, казалось всё «там» было сплошной открытой раной. Он сжал мои ягодицы и продолжал интенсивные движения. Я уже закусила до крови губу, что вновь не закричать. Я пыталась наладить дыхание, хоть как-то прекратить чувствовать «это» внутри себя. Но ничего не получалось. Чем сильнее он входил в меня, тем отчётливей я ощущала его длину.

– Такая тугая... У тебя, вероятно, я второй, – прорычал он.

Он не понял... Я чуть не выдохнула с облегчением.

Мужчина совершил ещё несколько болезненных резких выпадов и быстро вышел из меня. Я почувствовала на попе что-то мокрое...

– Это было лучше, чем я предполагал. А теперь иди в душ и ложись спать. Завтра обговорим все детали наших совместных планов.

Когда он слез с постели, мои колени подогнулись, и я окончательно рухнула на кровать.

Сердце стучало, как ненормальное. К горлу подобралась тошнота.

– У тебя кровь, – равнодушно сказал Ксавье, – Не волнуйся, так бывает... Скоро, твоя щёлочка привыкнет к моему размеру и не будет таких последствий.

Так и хотелось прокричать ему в лицо, что это было не только из-за габаритов его оружия, а из-за девственной плевы, из-за грубости...

Но я молчала, сжимая кулаки. Ждала, пока он уйдёт...

Только за ним закрылась дверь, как я на дрожащих ногах спустилась на пол. Как еле дошла до душевой, как закрылась в ней и включила воду... Я намыливала себя много раз, мочалкой чуть ли не сдирая кожу. Я коснулась себя там и взвыла от боли.

Кулаком стукнула по стеклянной дверце, чувствуя, как эмоции разрывают меня изнутри. Мне казалось, что проще было бы умереть, чем терпеть такое...

Выключила воду, вытерлась и вернулась в комнату. Залезла под фиолетовое одеяло, повернулась на бок, положила руки под голову и стала плакать. Об потерянной невинности, о шансе подарить себя любимому человеку... О том, что я такая дура, раз пошла на торговлю телом. Оправдывало лишь то, что это было на благо здоровья брата...

Я не заметила, как высохли слёзы, как глаза закрылись, как я провалилась в сон, полный кошмаров.

На следующее утро

Я проснулась от жажды питья и желания быстро справиться естественные нужды. Откинула одеяло и встала с постели. Вчерашнее испытание дало о себе знать. Мне было больно ходить. Я открыла ванну, зашла и села на туалет. Воспоминания бурным потоком картинок затопили голову. Я запустила руки в волосы и слегка натянула их.

Нужно собраться. Просто надо. Привести себя в порядок, спуститься к нему, поговорить... Заключить сделку и выслать деньги матери.

За полчаса я умылась, оделась, заплела косу и спустилась в низ. Я долго ходила по квартире в поисках мужчины, пока не услышала его голос.

В мгновение, Ксавье вышел из какой-то комнаты и посмотрел на меня из-под опущенных ресниц.

– Я перезвоню, Маркос, – рыкнул он в трубку, – Не твоего ума дело.

Делакруа выключил мобильный телефон и положил его в карман.

– Как спалось, Шарлотта? – спросил он, – Ты нашла кухню?

Покачала головой.

– Это хорошо, так как мы сейчас поедем завтракать в ресторан, там поговорим и потом я отвезу тебя в одно место.

Это куда? Какое такое место? У него нет названия? А если он маньяк?

Я хлопнула себя по лбу. Раньше надо было думать, Шелли, раньше...

– Ты сегодня какая-то странная, – пробормотал Ксавье.

– Видимо, полнолуние, – ядовито ответила ему.

Мужчина вздёрнул бровь.

– У кошечки, иногда, прорезываются коготки? Я люблю, когда меня царапают... Но только в постели. Так что, усвой раз и навсегда, что не нужно мне хамить.

Я это и без него поняла. И не собиралась. Просто глупо говорить о человеке, когда ничего о нём не знаешь.

Опустила глаза и затопталась на месте.

– Ладно, идём.

Полчаса спустя мы сидели в каком-то миленьком ресторанчике. Официант принёс яичницу с беконом, пару тостов, овощной салат и знатную чашку с капучино. Я так сильно хотела, есть, что буквально набросилась на еду.

– Ешь медленней, смакуй. В течение двадцати минут почувствуешь, как насыщаешься, – проворчал мужчина.

Мне стало неудобно, что я веду себя, словно оголодавшая девушка с улицы. Я начала кушать маленькими кусочками, тщательно прожёвывая пищу.

– Итак, малышка. Теперь поговорим о нашем договоре.

Я проглотила и внимательно посмотрела на Ксавье.

– Слушаю.

Мужчина улыбнулся.

– Ты будешь спать только со мной, пока не надоешь. Дальше, будешь ложиться под того, кто больше заплатит. Шестьдесят процентов от суммы идёт ко мне в карман.

– А пока я с Вами?

– Вся сумма твоя, – просто ответил Делакура, – Ты будешь жить в «Развлекательном доме».

– В борделе? – переспросила я.

Мужчина поморщился.

– Бордель – это слишком грязное слово. В моём доме, элитные шлюхи. Только для богатых людей. Девушки раз в три месяца проверяются у врачей, так же их обеспечивают одеждой. По необходимости, конечно. Все в доме лишены интернета и все подписали контракт.

От шока я не могла сосредоточиться. Мне отвезут в бордель? Я буду ложиться под других? Холодный пот прошиб мой лоб мелкой испариной.

– Контракт? И что в нём? Могу я его почитать?

– Конечно. Ради этого мы здесь. Мой юрист составил его.

Ксавье протянул мне папку.

Я открыла её и стала читать. По мере поглощения информации, я всё больше не верила в происходящее.

– Меня не устраивает так называемая зарплата, пункт про телефонные звонки и срок нахождения в... в... доме.

– И что тебя конкретно не устраивает? – прищурено прорычал Ксавье.

– Семьсот евро, не меньше. За ночь. Я не хочу терпеть грубость и издевательство над моим телом за маленькие деньги. Мне нужно звонить матери раз в неделю, и я заключу контракт не на пять лет, а на год. Если захочу остаться перезаключим...

Я выпалила все претензии на одном дыхании. Явно, что «сутенёру» это не понравилось. Он сжал челюсть и процедил сквозь зубы:

– А попочка не слипнется?

– Вы богатый человек и можете себе позволить такие траты. Маме я должна звонить. У меня больной брат... И хотелось бы, знать, деньги

за вчерашний сеанс...

– Пиши номер счёта, – процедил француз сквозь зубы.

Внутренне улыбнулась. Молодец, что не пошла на поводу, и высказала ему претензии.

– А есть...

Мужчина протянул ручку.

Я быстро написала номер счёта, который помнила наизусть и протянула обратно папку Делакруа.

– Я внесу изменения.

– Хорошо, – тихо ответила ему.

Аппетит пропал, и я просто смотрела в тарелку.

– Когда мы поедем? – спросила его.

– Можно сейчас.

– Да, только позвоню маме. Ведь деньги сегодня перечислите?

– Безусловно, – шипел мужчина.

Я встала из-за стола и вышла на улицу. Набрала номер мамы и стала ждать ответа. Жаннет взяла трубку на пятом гудке. Я сказала маме, что уезжаю по работе, и аванс переведут сегодня. Она, конечно, обрадовалась, взбодрилась. Всё щебетала про Армана... А обо мне, даже не спросила. Ни что за работа, ни куда я еду... Почему буду звонить раз в неделю. Мне стало так горестно, что захотелось послать всё к чертям собачьим.

Ксавье коснулся моего плеча. Я вздрогнула.

– Поехали. Сначала в магазин. Купим тебе одежду, а потом уже на место.

– Ладно, – прошептала я.

Тучи заполонили небо, и казалось, природа полностью поддерживает меня в моём безудержном отчаянье, которое я вырыла себе сама.

Глава 5

«Прошлое – это лишь пролог.»

© У.Шекспир

Наши дни

Никогда не знаешь, что произойдёт в тот или иной момент. Нити судьбы так хитро сплетаются, что порой находишься в полном недоумении от происходящего.

Я не была из той породы людей, кто прогрызает путь к солнцу, через многочисленные трупы. Наверное, из-за своей мягкосердечности я постоянно попадаю под раздачу. Всегда возникает вопрос: «А если бы я отказалась?»

Но поздно сожалеть о прошлом, потому, что оно уже давно позади. А у меня ещё полгода контракта, после которого смогу отсюда уехать. И многое может произойти за это время. И именно это меня пугает больше всего.

Я живу в комнате Делакруа уже три дня. Долгих, мучительных и напряжённых. Ксавье появляется ближе к вечеру и со всем знанием пользуется моим телом.

Петра всячески меня прессовала. Обычно это были обычные женские шпильки, вроде того, что у меня глаза, как у рыбы или, что ноги кривые. Хотя это и не было правдой. Но, всё же, слушать подобное в свой адрес неприятно. Я старалась фильтровать нападки, но это было не так-то просто с моей самооценкой.

И сейчас, стоя перед большим зеркалом, критически себя оглядывала. Я всегда хотела быть чуть ниже и чуть полнее. Чтобы грудь была по больше, а ноги не выглядели, словно спички.

Вздохнула и накинула шёлковый халат. Большую часть времени я проводила или на дереве, или в комнате.

Кроме чтения мне не оставалось ничего. Я любила погружаться в выдуманные миры, где побеждает чистая и светлая любовь. Только каждый раз становилось грустно. Ведь меня эта любовь не ждёт. Она даже не догадывается о моём существовании.

Я залезла на кровать, взяла книжку с тумбочки, открыла и продолжила читать. Сегодня это была история о красавице и чудовище. Прекрасная сказка с добрым концом и огромным смыслом. Видя перед собой чудовище, прекрасная героиня, тем не менее, полюбила его. Разглядела в нём человека, чуткого и внимательного. Я хотела бы разглядеть в Ксавье человека, но никак не получалось. Хотя если посмотреть, в жизни бывают ситуации намного печальнее моей. Кого-то насилуют в раннем детстве, раз за разом, ломая психику, кого-то, вынуждают продавать наркоту. Мне же, выпало спать с человеком, лишённого самого главного: человечности. Хотелось бы мне знать, что у Делакура на уме. Почему он держит меня при себе, почему не отдаёт другим, почему наслаждаясь сам, не дарит наслаждение мне? Может, у него такая натура, а может и его сделали таким. Ведь характер закаляется со временем, ведь не просто так он стал владельцем борделя? И я думаю, что это не единственное незаконное предприятие, которым управляет мужчина.

Что может быть хуже, нежели продавать в пользование женщин? Наркотики? Вполне вероятно. Ведь Роже ездит постоянно куда-то. Иногда даже приезжает с побитыми костяшками пальцев, ссадинами...

Я не хотела слишком погружаться в раздумья о его жизни. Больше беспокоило моё благополучие. Тело каждый день болело от его настойчивого внимания. С каждым разом, я боялась, что будет ещё хуже. Что он захочет играть в ролевые игры, где я подопытная, а он Хозяин. Хотя в принципе, так оно и было. Он приказывал, я выполняла. Не слушалась, получала больные шлепки. Но в обычных отношениях, это приносило бы удовольствие, а не стыд.

Я прочитала несколько страниц и отложила книгу в сторону. Не было желаний предаваться мечтам, когда в голове постоянно висело, словно Дамоклов меч ненавистное имя.

Я чувствовала себя узницей, запертой в тюремной камере. Выходить из комнаты не хотелось. Там, за дверью рыщут гиены, жаждущие насладиться кровью и слезами.

Невольно вспомнила разговор с матерью. Я звонила ей. Вчера. Мне так хотелось выговориться, поплакать. Чтобы меня поддержали, успокоили... Но я молча слушала, как дела у Армана. Без рецидивов. Лекарства помогают ему держаться. Мама так же поведала о приезде отца. Обозвала его эгоистичным ублюдком, который заботится только

о себе и новой пассии. Жаннет сказала, что Поль спрашивал обо мне, и крайне разозлился, что она не знает, где я работаю и почему зарабатываю так много. Пришлось маме солгать, на ходу придумав предприятие, где я – помощница генерального директора. Да, надеюсь помощница из меня отменная...

С грустью посмотрела на окно, за которым уже виднелся закат. Скоро придёт Ксавье, скоро опять возьмёт меня, словно надувную куклу. Снова, я буду беззвучно рыдать в подушку, желая, чтобы всё закончилось.

Но Ксавье не появился не через час, ни через три. Я беспокойно ёрзала в постели, не понимая, почему до сих пор его нет. Глупое волнение забралось под кожу. Я прогнала его. Нужно радоваться этому, а не сеять беспокойство.

Я укуталась в одеяло и закрыла глаза. Может, сегодня смогу поспать безмятежно, без заложенного носа и разбитого сердца.

* * *

Сквозь сон слышала, как открылась дверь, как зашелестела одежда. Мужчина лёг рядом, накрылся и обнял меня. Я старалась дышать ровно, не подавая знаков, что проснулась. Ксавье провёл рукой по моему бедру, после чего оттянув резинку трусиков, пальцами добрался до клитора. Выдохнула и попыталась перевернуться на бок.

Хозяин не позволил, удерживая меня на спине. Его пальцы заскользили вниз и, раскрыв складочки, проникли глубоко в меня. Невольный стон вырвался из горла.

Я услышала хриплый смех. Мужчина продолжил движения, всё ускоряя их. Я не выдержала и распахнула глаза.

– Доброй ночи, малышка, – прохрипел его голос.

Я промолчала, не желая говорить.

– Не волнуйся, у меня нет сил, чтобы взбираться на тебя. Поэтому просто лежи и наслаждайся. Я сегодня добрый.

Добрый? Он? Я чуть не захохотала в голос от абсурдности этого выражения.

Ксавье продолжил свою пытку пальцами до тех пор, пока не застонала от невольного удовольствия.

И как только это произошло, он убрал руку из трусов и отвернулся от меня. Неудовлетворённое желание беспокоило меня? Нет. Уж лучше так, чем он захочет воспользоваться положением...

– Ты испытывала оргазм с тем, с первым? – неожиданно спросил Ксавье.

– Что?

Он повернулся ко мне, и в темноте я увидела, как с ненавистью блестят его глаза.

– Ты прекрасно слышала меня, Шарлотта, – прошипел он.

– Нет, – прошептала я.

– Значит, я буду первым, – улыбнулся мужчина и закрыл глаза.

Чёрт возьми, в какую игру он играет?

Выровняла дыхание и прикрыла глаза. Сон не шёл. Мерзавец разбудил, возбудил и начисто лишил сна.

Я перевернулась на живот и вновь стала думать. Теперь о странном вопросе Ксавье. С чего вдруг интерес? Почему именно сейчас, а не полгода назад? Если бы он не был так очарован собой, то заметил бы, что он у меня первый... С этими мыслями, я улетела в царство Морфея, где меня преследовал Делакура с плеткой.

Утро следующего дня

Я медленно открыла глаза и увидела Ксавье, который стоял на коленях прямо перед моей головой. Мощная эрекция, как по указке показывала на меня. Я округлила глаза и сглотнула.

– Доброе утро, малышка. У меня сегодня напряжённый день и ты послужишь снятию этого напряжения. На колени, – его хриплый голос, словно напильник, прошёлся по моей коже.

Я подчинилась, зная, что иного выхода нет. Деньги, мать их!

– Оближи, – приказал он, приближая пах к моему рту.

Открыла ротик, высунула язычок. Мужчина схватил меня за голову и резко вошёл по самые гланды. Я стала задыхаться.

Ксавье вышел и вновь вошёл.

– Вот так... Я не люблю милости. Хочу брать тебя, как мне хочется!

Его член скользил в меня. Я чувствовала, как заученно раскрывается головка, как его вкус окутывает мою гортань, как он становится больше.

– Смотри на меня, когда сосёшь мой член, – рявкнул он.

Я подняла глаза, и мужчина удовлетворённо замяукал. Его синие глаза закатились. Он резко вышел из меня и опрокинул на спину. Раздвинул мои ноги и лицом уткнулся в мою интимную зону. Его палец проник в меня, пока язык кружил над клитором. Я выгнулась. Тепло разлилось по телу, во рту пересохло, даже пальцы ног слегка онемели... Ксавье, вынул палец и облизнул.

– Ты вкусная, – прохрипел он.

Его руки сжали ягодицы и придвинули к себе. Его язык стал проникать в меня, облизывая всё, что было ему представлено.

Я ощущала, как какой-то цветок распускается в низу живота, как становится больно его сдерживать.

Делакруа стал усерднее сосать. Его палец уверенно теребил клитор. Выгнувшись дугой, я позволила себе отпустить напряжение...

Меня сотрясала дрожь. Всё тело было словно электрический прибор. Меня колотило. Я слышала стоны, свои...

Ксавье удовлетворённо рассмеялся. Он отстранился и слез с кровати.

– Ты прекрасна, когда кончаешь, Шелли.... Но, ты же не думаешь, что это конец? – игриво промурлыкал он, – Через два часа жду у себя в кабинете. Надень чулки...

Я лежала, не веря тому, что только что произошло. Какого чёрта, спрашивается? Почему он был сегодня таким... Мягким? Может, это отвлечение? Он хочет что-то от меня... Плохое?

Я была в чистом недоумении. Села на кровати, чувствуя под собой влажность. Посмотрела на пятно и ахнула.

Чёрт возьми, это же, как надо получать удовольствие от оральных ласк, чтобы самому кончить без воздействия с моей стороны?

Сглотнула. Нужно помыться и убрать постель. Я не буду на этом спать, ни за что!

Два часа спустя

– Он тебя ждёт, Шарлотта! Поторапливайся! – рыкнула Мари, как только зашла в комнату.

Женщина презрительно сморщилась.

– В этом собираешься идти?

А что ей не нравится в моём одеянии? Слишком короткое зелёное платье? Или чёрные чулки, на подвязках, в купе с туфлями на шпильке?

Честно признать, я не так-то и старалась раздеться. Достала с вешалки, то, что попало первым и вуа-ля, никакой фантастики.

– А в чём проблема? – посмотрела прямо в глаза Мари, – Как мне было велено, так и оделась.

Мари цыкнула. Её облегающий сарафан выставлял напоказ грудь. Соски просвечивались сквозь ткань.

– Никогда не думала, что у такого мужика будет подобный... Вкус.

Вздёрнула бровь.

– Ну, ничего, Шарлотта. Он вскоре одумается. Обещаю, – алые губы надзирательницы расплылись в улыбке, – Бегом в кабинет. А то и мне достанется за твою нерасторопность.

Я стиснула зубы, чтобы не огрызнуться. Как же меня всё достало, хоть на луну вой.

Одёрнув платье, пошла вслед за Мари, которая давала ядовитые советы:

– Презервативы в левом ящике рабочего стола. Не забудь надеть на него, а то мало ли... Заразится.

– Непременно, – процедила я сквозь зубы.

Мари расхохоталась и отдалилась от меня. Я же дошла уже до нужной двери и постучала.

– Входи, Шелли, – услышала бархатный голос мужчины.

Зашла и посмотрела на Ксавье. Он сидел за столом, печатая что-то на компьютере. Белая футболка облепляла его грудь, словно вторая кожа. Мощная золотая цепь висела на шее. Его лицо было напряжено, пальцы постукивали по клавиатуре, что-то целеустремлённо печатая.

Сглотнула накопившуюся слюну.

– Не стой, как вкопанная. Сядь на диван, – скомандовал мужчина.

Я подошла к белому кожаному дивану и села посередине. Кабинет Делакура был весьма уютным. Весь в бело-зелёных тонах, он освежал искусственную обстановку дома. Если смотреть со стороны входа, то слева стоит тот самый диванчик с деревянным, узорчатым столом. С другой стороны окна с зелёными шторами, располагался рабочий стол, пара стеллажей с документацией и кофе-машина.

Люстра была в виде лилий. Красивая. Я бы сказала, что выбирала её женщина.

– Будешь кофе? – неожиданно спросил Ксавье.

– Не отказалась бы, – промямлила я, не ожидая подобного предложения.

Мужчина поднял на меня взгляд.

– После того, что между нами было, могла быть и смелее, – фыркнул он.

Я стала наблюдать, как Роже встал из-за стола, как подошёл к кофеварке, как насыпал туда кофе и налил воду.

– Ты, сейчас, видимо думаешь, почему я тебя пригласил сюда, – начал говорить слегка насмешливым тоном.

– А ответ не очевиден? – выпалила я.

Ксавье окинул меня похотливым взглядом.

– И это тоже, безусловно. Тем более, в чулках и на каблуках ты пробуждаешь во мне фантазии. Но я настолько загружен кое-какой проблемой, что пока не до секса.

– Удивительно, – пробормотала себе под нос.

Мужчина широко улыбнулся.

– Я рад, что смог тебя поразить.

Кофе был готов и Делакура разлил его по двум чашкам.

– Как ты предпочитаешь?

– С сахаром и молоком, – услышала свой голос.

С какой стати он готовит мне кофе, спрашивает о вкусах... Что ему, чёрт возьми, нужно?

Мужчина поставил кружки на стол прямо передо мной и сел рядом. Провёл рукой по моей ноге, задерживаясь на коже между чулками и трусиками.

– Дело в том, что в Париже среди бизнесменов будет проходить ежегодный бал-маскарад. Не скажу, что люблю это мероприятие, но, тем не менее, оно поспособствует налаживанию неких финансовых связей.

– И какова моя роль в этом? – с дрожью в голосе спросила я, – Мне нужно с кем-то... С кем-то...

– Нет, – рявкнул Ксавье.

Я даже дёрнулась.

– Пока ты должна заботиться только о том, как ублажить меня, – прорычал мужчина, – ты будешь меня сопровождать на приём. Но инкогнито. Я добуду тебе приглашение. Так как все там будут в масках, то тебе не составит труда походить по залу, послушать разговоры, выпить шампанского.

Ксавье взял чашку кофе и сделал глоток.

– За вечер получишь тысячу евро.

Я на миг задержала дыхание.

– То есть, мне требуется просто быть гостьей, слушать разговоры, наблюдать... И всё?

– В точку. Я бы взял Мари или кого-нибудь ещё... Но они не настолько преданы. Могут просто слить информацию обо мне. А ты нет, – он пальцами коснулся моих губ, – Ты не такая.

– Могу я взять кофе? – прошептала я.

– Да, конечно, – улыбнулся он и убрал руки.

Наклонившись, аккуратно взяла чашку. Сделала глоток и закрыла глаза от удовольствия. Вкусно как.

– Так что ты думаешь?

– Насчёт приёма? Согласна, естественно, – хмыкнула я.

Если мне столько заплатят за простой приём, то ради Бога... Но стоит уточнить.

– А точно...

Мужчина закатил глаза.

– Никакого секса, если только после и за отдельную плату. И только со мной. Если ты это хотела уточнить?

– Да, – тихо проговорила я, – как-то не хочется неожиданно участвовать в оргии...

– Лучше побереги свои мысли. Приём послезавтра. Завтра же поедем в город, купим костюмы. Так же введу в курс дел, к кому стоит прислушаться, а к кому вообще подходить не стоит.

– Хорошо.

Звонок мобильного привлек внимание Ксавье.

– Ступай, – буркнул он, и, встав с дивана, направился к столу.

Уходя, я слышала, как мужчина на кого-то рычит, угрожает... Не хотела бы я быть на месте оппонента.

Его предложение было странным. Нет, я понимаю, почему он предложил именно мне. Зависимость от денег и мягкий характер.

Но почему он захотел, чтобы я вырядилась, словно... Да, сравнение явно не подходящее. Я получаю деньги за секс и живу в «развлекательном» доме, где женщины торгуют собой.

И даже спя с одним мужчиной, чувствовала себя опороченной.

Я шла в «нашу» комнату опустив глаза.

– Ты только посмотри, Тереза, кто это там крадётся, – звонкий женский голос противенько рассмеялся.

Я подняла глаза и выдохнула. Видимо, избегать их бессмысленно. Не в одном помещении.

– Сильвия, отстань от неё, – Тереза мило улыбнулась, – Кто знает, чем она там занималась.

Сили фыркнула.

– Святое дерьмо, Терри! Она трахается с боссом, и он ей отваливает кучу бабок. Неужели ты ей, не чуточки, не завидуешь? В то время, как тебя порют, она, – Сильвия показала на меня пальцем, – купается в шелках!

Мало кто знает, что деньги идут на брата. Точнее никто, кроме Маркоса и Ксавье. И это большой камень преткновения.

Тереза была адекватной девушкой. Вероятно, единственной, среди этого стада овец. Но девушка, была ведомой. Так что, я и её обходила стороной. Никогда не знаешь, за чьей спиной она стоит. Сегодня за Сильвией, завтра за Петрой.

Я приблизилась к девушкам, желая пройти дальше. Сили меня не пропустила, удерживая за руку.

– Ты за это заплатишь, стерва, – прошипела мне на ухо.

– Сили, идём. Прекрати. За что она заплатит?– начала ныть Терри.

– Отпусти, – процедила, сквозь зубы, – Или закричу.

Девушка усмехнулась.

– Давай, попробуй.

Была-не была...

Я открыла рот и заорала, что есть мочи. Мою руку сжали ещё сильнее, дёргая на себя. Я набрала полный рот воздуха, желая повторить.

– Заглохни, тварь. Думаешь, раз фаворитка Хозяина, то всё можно? Нет! – прорычала Сили.

– Что здесь происходит?! – прогремыхал в коридоре до ужаса злой голос Ксавье.

На мой крик уже сбежалось половина женщин.

– Месье, Шарлотта пыталась меня ударить, – начала лепетать Сильвия, отпуская мою руку.

– Это правда?

Я повернулась к мужчине.

– А ты как думаешь? – вздёрнула бровь и подняла руку вверх.

На ней красовались отпечатки пальцев девушки. Так как у меня нежная кожа, то любой удар, нажим на кожу выявляется посинением.

– Сильвия, – проскрежетал Делакура, – Неделю берёшь самых придирчивых клиентов и отрабатываешь бесплатно. Будет тебе уроком трогать то, что принадлежит мне. Это касается всех, – рывкнул Ксавье, – Увижу на Шарлотте хоть синяк, участь у вас будет гораздо хуже, чем у этой грязной шлюхи.

Мужчина посмотрел на меня. На мгновение, показалось, что его взгляд смягчился.

– Шелли, иди в комнату.

Я кивнула и прошла между полыхающими злобой и ненавистью девушками. Внутренне я ликовала. Они может, и будут доставать меня, но никто не осмелится делать это, настолько открыто. И даже если попробуют, пригрожу великой силой.

Терпение. Ему всегда приходит конец. Я не хочу волноваться ещё и о стычках. Мне это настолько осточертело, что прибегла к грязному способу, а не решила проблему сама. Но может, стоит иногда перекладывать проблему на чужие плечи, чтобы чувствовать себя защищённой, хоть и на время?

Я зашла в комнату, закрыла дверь на засов и широко улыбнулась.

Впервые за полгода я выберусь отсюда. Схожу на бал, развлекусь, развею скуку и немое ощущение бесполезности.

А ещё... Эти стервы будут опьянены завистью. И мне искренне хочется посмотреть на их зелёные лица, когда завтра я уеду вместе с их любимым сутенёром.

Глава 6

Я выдохнула воздух сквозь стиснутые зубы. Атмосфера в доме накалилась до предела. Мари смотрела на меня с ещё большей ненавистью, если такое вообще возможно. Сильвия не показывалась из своей комнаты из-за поразительного наплыва клиентов. И это лишь за день? Кажется мне, что Ксавье подсобил ей мужиками. Что ж, какая профессия, такой и характер.

Я медленно, практически бесшумно прошла в гостиную и села на диван. Я уже собралась в поездку, надев короткое платье в клеточку цвета мокко. Волосы были собраны в высокий хвост, уши свободны от серёжек. Обула я белые лакированные балетки. Этот стиль мне нравился. Не откровенный, не вульгарный, а милый и естественный. В этом наряде я чувствовала себя собой.

Я рассматривала наманикюренные ногти, когда услышала звонкий стук каблуков по паркету.

– Шарлотта, – холодно проговорила Мари, вплыв в помещение.

Её глаза сверкали синим пламенем, грудь вздымалась от негодования.

Мне так и хотелось спросить: «Тут, что каждая по уши влюблена в этого мерзавца»?

Я не понимала такого ажиотажа к персоне Роже. Да, он неплохо сложен, недурен собой, богат... Но это ведь не то, ради чего любят. Возможно, это важно только для меня. А для остальных – шелест денег в его кармане.

– Как же получилось, что ты едешь с ним? – произнесла Мари, теребя локон белокурых волос.

– Тут всё просто. Его желание – Закон. Он здесь Король, Царь и Бог. Он говорит, я делаю, – улыбнулась девушке, – Так что, все вопросы к Хозяину.

– А ты не так проста, как кажешься. Не такая скромная, нежная, самоотверженная... Ты ещё принесёшь нам проблемы, Шарлотта.

Я не удержалась и рассмеялась.

– И это-то в борделе? Серьёзно? То, что ты шлюха – уже проблема, что все женщины здесь торгуют телом уже полный вынос

мозга по фазе. А ты говоришь, что я источник проблемы, – я перевела дыхание, – Мы обе знаем, кто является проблемой.

– Да, тот, кто платит тебе, – прошипела Мари.

– Если я сплю с ним, не значит, что мне это нравится. Мне нужны деньги, как и всем тут.

Я пожала плечами. Почему всё вешают на меня? Это несправедливо!

Мне, конечно, льстило, что после стычки с Сили, девушки стали как-то по-другому смотреть на меня, не без злобы и зависти, конечно, но уже не гиенами на мышь. Я улыбнулась.

– Будь проще Мари. Мне осталось полгода. После, можешь забрать его себе, если возьмёт...

Последние слова я шептала. Но девушка меня слышала, так как стояла рядом.

Её лицо стало пунцовым от злости.

– Чёрт, и тронуть тебя нельзя. Но можешь мне поверить, выскочка, ты ещё получишь своё, – прошипела она.

– Жду не дождусь, – пробурчала себе под нос.

Мари распрямила спину, выпятила грудь вперёд, окинула меня уничтожающим взглядом и вышла из гостиной.

– Дурдом, – пробормотала себе под нос.

– Хорошо, что ты уже готова.

Ксавье появился передо мной так внезапно, что я ойкнула. Хотя в принципе должна была ожидать его с минуты на минуту. Мужчина был элегантно одет. Как обычно в костюм-тройку серого цвета, белую рубашку. На ногах красовались чёрные лакированные туфли. Подбородок гладко выбрит, синие глаза с холодной точностью оценивали малейшее изменение моей мимики. И это было неприятно. Будто под кожу вонзилась тысяча маленьких и острых иголок, забираясь глубже.

Я прикусила губу и встала с дивана.

– Да. Было велено собраться за час. Я успела пораньше, – мои губы расплылись в фальшивой улыбке.

– Ты красива, Шарлотта. Как сам Париж манишь, и в то же время заставляешь бояться...

Я промолчала. Заслушалась поэтичностью его слов. Они оставили во мне некий осадок недосказанности. Привкус кофе, но без молока.

– Идём. Нам предстоит познавательная поездка, – прохрипел мужчина.

Кивнув, взяла чемодан и покатила его к выходу за ручку.

Краем уха слышала, как мужчина даёт распоряжения Мари, как та предлагает свою кандидатуру на посещение приёма. Как Ксавье рычит на женщину... Не знаю почему, но мне нравилась его реакция на неё. Моё женское эго ликовало, пело от удовлетворения, что мужчине не нравится Мари, да и любая дура, живущая здесь. И только об этом подумав, мысленно осекла себя. Ведь я одна из них и Делакруа тоже попользуется мной, да выкинет.

Ничто никогда не представит возможности вымыться от этой сплошной грязи. Ничто.

Через десять минут, мы сели в чёрный мерседес, и выехали с территории дома. Погода была превосходная, а небо голубое-голубое. Я смотрела на плывущие облака и пыталась разгадать образы, в которых они предстали.

– Завтра маскарад. Сегодня будешь штудировать фотографии нужных мне людей. Твоя задача подслушать их разговоры, не более. Не влезай с ними в дискуссии, даже не разговаривай. И особенно, не говори с кем ты пришла.

Я повернула голову и посмотрела на орлиный профиль Роже. Мужчина не отрывал взгляд от дороги. Его руки напряглись на руле. Он чем-то обеспокоен. Нервный какой-то.

– Ты поняла, Шелли?

– Д-да, – промямлила я.

– Вот и прекрасно, – буркнул Делакруа, – ослушаешься, будешь наказана.

– Отшлёпаешь? – фыркнула я и закрыла сразу же рот.

С каких это пор я стала такой разговорчивой?

Ксавье посмотрел мне в глаза. Я замерла от его взгляда полного желания. В горле пересохло.

– Оттрахаю. Прямо на месте совершения ошибки, – хрипло пропел он и отвернулся.

Я съёжилась. Да, наказание ещё то... И мне, действительно, стоит бояться.

Не зная, что ждёт меня впереди, я теребила подол сарафана. Страшно? От неизвестности всегда страшно. Несмотря на радость

поездки, поджилки тряслись от предстоящего мероприятия. Я толком не знала, кто будет на приёме, кого мне нужно будет «пасти», как себя вести среди бомонда Парижа?

И самое важное... Разрешит ли Ксавье повидаться с мамой. Как ни крути, мне нужно было её увидеть, посмотреть как там Арман. Увериться, что мои деньги помогают им. Да, я малодушная. Слишком, чёрт возьми, добрая. И это всю жизнь играет против меня.

– О чём задумалась? – внезапно поинтересовался Делакруа.

– О потреблении, – пожалала плечами, – о том, что из-за моего характера все мной пользуются и им это нравится.

– А тебе это нравится?

Мужчина неотрывно смотрел на дорогу, но я видела, как его кулаки сжались.

– В том то и смысл, – горько усмехнулась, – Что мои чувства не имеют значения.

– Ты не права, – пробормотал он.

Я удивилась словам, но предпочла их не комментировать. Пусть думает, что не расслышала. Ведь, вероятно, Ксавье сказал это для себя. Тем более, к чему врать, что мои эмоции имеют ценность?

Я смотрела на меняющийся пейзаж, время от времени считала мелькающие деревья. И не заметила, как глаза закрылись, и я погрузилась в сладкую дорожную дрему.

Некоторое время спустя

– Шелли, мы приехали.

Я почувствовала, как чья-то ладонь провела по щеке, как губы коснулись лба. Открыла глаза и сфокусировала взгляд.

– Уже?

Голос хрипел, и до сих пор не могла понять, где я собственно. Ксавье хищно улыбнулся.

– Ты проспала чуть больше часа. А сейчас мы приехали ко мне на квартиру.

Туда, где он меня отымел? Лишил невинности?

На глаза навернулись слёзы.

– Шарлотта, будь добра, уволь меня от истерик. Выходи из машины, и идём домой. Экономка как раз прибралась и приготовила

обед. Отдохнём и поедем по магазинам. У меня тоже нет маскарадного костюма.

Вытерев слёзы, вышла из автомобиля и сильно хлопнула дверью. На это Ксавье лишь закатил глаза.

– Совсем ещё ребёнок.

– Значит, ты педофил, – процедила, сквозь зубы.

В последнее время меня всё больше стала раздражать снисходительность к себе. И это помимо помыкания, использования в собственных целях.

Мне надоело чувствовать себя предметом роскоши, хотя нет. Не роскоши. Ведь я всего лишь грёбанный товар.

Делакруа обошёл машину и взял меня за руку.

– Не нужно меня раздражать. Ты знаешь последствия, – прорычал он мне в лицо.

Ещё бы не знать... У этого мужчины всё сводится к одному – к сексу.

Через десять минут я уже сидела за обеденным столом. Красивая кухня, вид из окна... И кто бы знал, как я всё это ненавидела. Как вспомню, свой первый раз, так сердце начинает болеть. Сама виновата. Не видела другого выхода и не вижу. Сама позволила ему взять себя, сама заключила сделку. Так что, заслужила то, что имею.

Ксавье поставил передо мной тарелку с супом. Я взяла ложку и зачерпнула жидкость. Поднесла ко рту и подула.

– Ешь, не горячее, – проговорил Делакруа.

Посмотрела на него и засунула ложку в рот, проглатывая суп. Куриный, с зеленью и пересоленный. Экономка? А может, ещё одна содержанка?

– Маргарет не сильна в кулинарии, но вполне терпимо. Она готовит редко.

Прикусила губы. Он как будто бы прочитал мои мысли.

Молча, доела суп, и отодвинула тарелку.

– Могу я освежиться после дороги? – робко спросила я, исподлобья наблюдая за Ксавье.

Он, кивнул.

– Через час будь готова. Завтра приём и у нас полно дел.

Хмыкнула. Развернулась и ушла. Я и так знала, что мы едем по магазинам. Неужели Делакруа думает, что я буду нежиться в пене

полдня?

Я вошла в ту самую комнату, в которой всё произошло. В глазах появились слёзы от воспоминаний. Не так я планировала жить. Я всего лишь хотела быть счастливой. Получить учёную степень, устроиться на работу, выйти по любви замуж и родить парочку детишек. А что в итоге? Я личная шлюшка владельца борделя и вероятно, бандита. Ни образования, ни любви, ни счастья... Лишь пучина неприятия и обречения.

Мы на многое идём ради семьи, но оглядываясь назад, понимаем, что семья этого не ценит. Но в свою очередь, продолжаем горбиться, чтобы сделать лучше. Но только не себе.

Я разделась и аккуратно сложила одежду на постель. Уже в ванне зашла в душевую кабинку и подставила тело под тёплую воду. Она смыла с меня дорожный налёт пыли и дала мне вздохнуть полной грудью.

Через полчаса я сидела внизу, на шикарном диване чёрного цвета закинув ногу на ногу. Ксавье спускался по лестнице, на ходу затягивая галстук на шее. Так и хотелось посильнее затянуть.

– Не думал, что ты так быстро, – улыбнулся мужчина.

– Так получилось.

Мужчина подошёл ко мне и протянул руку.

– Идём.

Я подозрительно посмотрела на него. И встала с дивана, вложив ладонь в его руку.

Она была тёплая, большая, крепкая.

Мы вышли на улицу и сели в машину. Ехали недолго, примерно час. Делакура остановил у торгового центра «Les Quatre Temps». Это было красивое здание с модными бутиками. Один раз я ездила сюда с однокурсницей. Красиво, дорого и не позволительно для меня. Элисон, моя на тот момент подруга, накупила кучу платьев, потратив значительную сумму с кредитки отца. Мне же оставалось быть просто невзрачной девушкой с деньгами только на проезд. Выйдя из машины, посмотрела на небо. Кристально чистое, оно будто бы сияло.

– У нас максимум два часа, – отрезал Ксавье.

Я промолчала. А что я могу сказать по этому поводу? Что мне времени мало. Да и вообще, не люблю по магазинам ходить. Да и красота наряда для меня не имела значимости. Лишь предстоящий

приём и лишь деньги. Мы зашли в центр, поднялись на верхний этаж. Яркость красок привлекла моё внимание. На витринах красовались манекены в модных вещах. Девушки ходили из одного бутика в другой с горой сумок известных брендов.

– Нам нужно придумать образ, – раздался голос мужчины, – ты не должна выделяться, но и не должна быть серой мышью.

«Серая мышь» – какое точное определение. Не знала, что он так думает обо мне.

Делакруа закатил глаза.

– Шарлотта, выкинь ненужные мысли из своей прекрасной головки.

– Ты что, телепат?

Мужчина рассмеялся.

– Твоё лицо показывает всё, о чём ты думаешь. Так что, возьми на заметку: пока у меня стоит на тебя, не заморачивайся.

– Благодарю за разъяснение, – прошептала я, краснея.

Мы остановились у бутика с маскарадными костюмами. Интересно, в кого он хочет меня нарядить? Зашли и в нос сразу ударил запах насыщенного женского парфюма. Поморщилась. По обе стороны висели яркие пёстрые наряды. К нам подплыла женщина и, улыбнувшись пурпурными губами, поздоровалась.

– Добрый день, могу ли я чем-нибудь...

– Нам нужен чёрный парик для дамы, крылья ангела красного цвета и две маски для меня и неё, – перебил Ксавье. Крылья ангела? Парик? Серьёзно?

– Я спарюсь...

– Тебя не должны узнать. А твои волосы привлекают внимание.

Сглотнула. Чёрт бы его побрал!

– Пройдёмте за мной, маски расположены на нижнем стеллаже, парики висят рядом с масками, – женщина показала рукой расположение вещей, – Крылья сейчас принесу. Не уверена, что есть именно красные, но...

– Хорошо, – улыбнулся Ксавье и, взяв меня за руку, повёл к парикам. Я никогда не надевала на себя подобное безобразие. Знаю, что в них жарко...

Мужчина достал длинные чёрные волосы и протянул мне.

– Этот цвет тебе должен пойти. Надевай.

Я брезгливо взяла парик и кое-как нацепила на голову. Было странно, так как свои волосы сильно мешались.

– Нет, снимай.

Ксавье достал накладку рыжего цвета, подстриженную под удлинённое каре с чёлкой. Вернула «черноту» и сделала на своей голове хвост-пучок. Передела волосы и посмотрела в зеркало. Рыжий определённо не мой цвет. Не знаю, но для меня он слишком яркий...

– Шикарно, детка. После приёма у нас будет весьма продуктивная ночь, – промурлыкал Ксавье мне на ухо. – Идём к стеллажу, посмотрим маски.

Примерно час мы выбирали атрибуцию к балу: платье, туфли, украшения, крылья. Я вымоталась и хотела спать. Мы зашли в ресторан рядом с торговым центром «La Paradis» и сели за стол в самом углу помещения. В заведении было малоллюдно.

К нам подошёл официант и Ксавье заказал нам морепродукты.

– Итак, малышка, у тебя завтра невероятно важная роль. Я не буду вдаваться в подробности, ибо ты не поймёшь. Не выдержала и фыркнула.

– Куда мне, серой и глупой....

– Прикуси язычок и слушай, – рыкнул мужчина.

Его рука легла мне на коленку, и слегка приподняла платье.

– Завтра на вечере буду представители крупных компаний Франции. У меня есть собственный бизнес, который требует вложений. Он процветает, расширяется и приумножает мой капитал. Но с недавнего времени начались проблемы и я уверен, что в этом замешаны эти люди. Они будут завтра на приёме, и твоя задача будет просто мило улыбаться и слушать. И потом всё мне доложить.

– Вроде задача простая, – протянула я, желая, чтобы его рука исчезла с моей ноги.

Пальцы мужчины, словно щупальца продолжили путь вверх и коснулись резинки трусиков. Я затаила дыхание.

– Эти люди опасны. Они не благочестивые бизнесмены, участвующие в благотворительности. Так что имей в виду, что элитой там и не пахнет. Фотографии покажу тебе дома.

– А сейчас насладимся... Трапезой.

Прикусила язык, чтобы не ляпнуть чего-нибудь. Я хотела уже домой и спать. Хотела увидеть маму и Армана, хотела освободиться от

этой жизни. Но приходится лишь улыбаться и подчиняться.

Официант поставил перед нами тарелки с едой, разложил приборы, налил в бокалы красное вино и удалился.

Ксавье поднёс бокал к моим губам.

– Сделай глоток, малышка, – прошептал он. Подчинилась. Моя спина вытянулась, будто струна на гитаре.

– Расслабься, – услышала я.

Рука мужчины оказалась у меня в трусиках. Я сжала губы, чтобы не воспрепятствовать действиям. Пальцами раздвинул мои складочки и погрузил два пальца в меня. Я громко выдохнула. Мне было и приятно и неприятно.

– Не люблю, когда ты сухая... Неужели ты не возбуждаешься? – прохрипел мужчина. Его пальцы искусно гладили, проникали. Я старалась сидеть ровно, чтобы не привлекать внимание.

Чувствовала, как покраснела. Ксавье лишь тихо смеялся, продолжая двигать пальцами.

– Мокрая... Люблю, когда твоя киска течёт...

Он вынул из трусиков руку и поднёс пальцы ко рту. Облизал и закрыл глаза.

– Вкусная. Словно весна.

Я потупила взор. Я смущалась и не понимала подобных действий. Но, несмотря на все мои чувства, я хотела мужчину. Действительно желала и это мне не нравилось.

Взяла бокал с вином в руки и залпом осушила его. Придвинула к себе тарелку:

– Приятного аппетита, – пробормотала я.

– Я пообедаю позже... тобой, – хрипло рассмеялся мужчина, целуя меня в шею.

Глава 7

«Женщина, чтобы преуспеть в жизни, должна обладать двумя качествами. Она должна быть достаточно умна для того, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно глупа, чтобы нравиться мужчинам умным.»

© Фаина Раневская

День маскарада

Утреннее солнце залило комнату светом. Я потянулась в постели и посмотрела на спящего мужчину.

Сколько раз вот так его изучала и поражалась. Спокойное расслабленное лицо, едва заметная улыбка на губах и размеренное дыхание.

Усмехнулась. Физиология прекрасна. Даже не подумаешь, что отъявленный мерзавец может выглядеть таким невинным.

Мне хотелось провести рукой по его щеке, почувствовать однодневную щетину, которую он вскоре сбреет в ванне.

Почему возникло такое желание? А мысли? К чему изучать, сравнивать, надеяться неизвестно на что? Может, проведенное вместе время сказывается? А возможно, просто мой мозг окончательно ещё не проснулся и выдаёт крайне странные ощущения...

Отвернулась и закрыла глаза. Срочно нужно в душ, срочно нужно смыть с себя эту сонную негу и избавиться от наваждения.

Неправильно так думать об этом мужчине.

Свесив ноги с постели, сладко зевнула. Встала и, на цыпочках, побежала в душевую. Включила воду, встала под кран и подставила лицо навстречу струям прохладной воды. Мужские руки обняли сзади, и я вскрикнула от испуга. Меня повернули, и я увидела такую жажду в глазах Ксавье, что вздрогнула от наплыва непрошенных эмоций. Приподнял мой подбородок и наклонился. Его губы взяли в плен мои. Язык мужчины нежно вальсировал на моей верхней губе. Вода стекала по нам, заставляя кожу покрываться мурашками.

Ксавье прислонил меня к стенке душевой и приподнял бёдра, насаживая на себя. Из горла вырвался стон, когда я почувствовала его член глубоко внутри. Делакруа медленно двигался, сжимая мои ягодицы руками.

Резко выйдя из меня, мужчина прохрипел:

– Опускайся на колени, живо.

Сглотнула. Снова он разрушил момент.

Я подчинилась. Благо на полу был резиновый коврик, который не позволял ногам, а в моём случае коленам скользить. Я смотрела на естество Делакруа и мысленно содрогалась перед предстоящей процедурой.

Капельки воды яростно скользили по внушительную члену.

– Потрогай яички, – прохрипел Ксавье.

Я подняла голову и в мольбе уставилась на Роже. Тот лишь плотоядно усмехнулся и кивнул головой.

Чёртов узурпатор!

Протянула руку и взяла в руки мошонку. Слегка сжала, и услышала протяжный стон Ксавье.

– Язычком проведи по всей длине...

Вновь выполнила его просьбу-приказ, после чего вобрала головку в рот и стала сосать.

– Я хочу трахнуть твой рот... быть глубоко...

Любой каприз за ваши деньги... Как будто у меня есть выбор.

Он потянул за волосы.

– Открой рот шире, – прохрипел Делакруа.

Я раскрыла губы сильнее и почувствовала, как член Ксавье медленно погружается в меня. До конца. Я стала задыхаться. Мужчина выскользнул из меня, и на секунду, дав отдышаться, вновь вошёл, но уже резко.

Его движения были сильными, быстрыми. Мысленно думала, о том, что если меня вырвет, то будет очень и очень плохо.

Ксавье вышел из меня.

– Ты прекрасна. Поработай ручкой.

Выдохнула с чувством облегчения. Взяв член в руку, стала совершать незамысловатые движения. Мужчина поддался вперёд и кончил с диким стоном. Белая вязкая жидкость с запахом секса

орошала мою кожу. А вода потихоньку смывала с меня последствия утреннего секса в душевой.

Я поднялась на ноги и потёрла ноющие от стояния колени ладонями.

– Мойся. Я жду тебя в столовой.

Он вышел и закрыл душевую. Вот и всё, для чего я нужна. Но разве не я ли на это подписалась?

Я долго тёрлась мочалкой, пытаюсь стереть с себя его прикосновения. Вода заглушала слёзы. А что я ожидала? Нежности? Любви?

Когда же перестану быть глупой и наивной. Каждый раз унижаясь, веря в лучшее, меня окунали в реальность.

Выключила воду, насухо вытерла тело. Есть я не хотела. Ком в горле стоял.

Может просто лечь и полежать? Проигнорировать Делакруа и отдохнуть?

Но мечты о кровати развеялись, когда вспомнила, что Ксавье будет показывать фотографии. Приём будет в шесть часов вечера в элитном доме Парижа.

Выйдя из ванны, натянула на голое тело шёлковый халат бледно-розового цвета. Он лежал на постели, и, видимо, Ксавье купил его для меня. Хотя не удивлюсь, если его до меня кто-то носил. Влажные волосы заплела в косы и двинулась в столовую, где меня ожидал ОН.

Столовая комната в апартаментах Ксавье Делакруа

Ксавье сидел с газетой в руках и читал новости.

Она прикрывала его лицо. Пальцы левой руки стучали по столу, отбивая какой-то непонятный ритм, печатка на безымянном пальце блестела, отливая серебром. Мужчина уже был в брюках и белоснежной рубашке.

Я подошла к столу, с накрытым завтраком: круасаны, фрукты, сыр, ароматный чай – чего только душа не пожелает.

Отодвинула стул и тихо присела. Налила немного чая, взяла из тарелки сыр, откусив кусочек.

– Обиделась?

Услышала я угрюмый голос мужчины. Едва не поперхнулась от его реплики. Обиделась? Я не имею на это права.

– Из-за чего? – вопросом на вопрос ответила я.

Мужчина что-то проворчал и убрал газету, предварительно её свернув.

Ксавье невольно на меня посмотрел.

– Тебе идёт цвет. Я долго смотрел на витрину магазина нижнего белья.

– Благодарю, – пробурчала себе под нос и отпила из чашки.

Делакруа встал из-за стола, вышел из столовой и вернулся на место буквально через пять минут. Мужчина положил на стол несколько фотографий.

– Итак, расскажу о каждой персоне кратко, – проговорил мужчина, – Это Фабрис Дюваль. Он глава акционерного общества предприятия по энергоснабжению. У него есть жена, Патриция. Мой совет, старайся к нему не приближаться слишком заметно. Бабёнка ревнивая, увидит малейшее движение и устроит сногшибательную истерику.

Мужчина протянул мне фотографию замужней пары. На ней красовался низкорослый мужчина с пузом бегемота в обтягивающих джинсах и модной розовой футболке поло, не скрывающей его толстых рук. Сам же Фабрис был лысым, с серьгой в левом ухе. Он обнимал красивую длинноногую блондинку, с третьим размером груди в сверкающем красном платье. Поморщилась от отвращения.

– Его будет трудно не узнать, – фыркнула я.

Ксавье рассмеялся.

– Да. Пати с ним из-за денег и держится за кошелёк всеми отбеленными зубами.

– Понятно. Буду с ним осмотрительнее.

Делакруа положил передо мной следующий снимок. На нём был красивый блондин. Высокий. Зеленоглазый. Лицо его было, словно с обложки журналов мод, только жёсткое. Я бы назвала его колючим, но безумно привлекательным.

– Реми Моранси – мой самый главный конкурент. Не женат. Владелец сети игровых площадок во Франции, Италии и Румынии. Все они, безусловно, подпольные. Следующий, Жан Мартен, владелец стрип-клубов, которые параллельно отмывают деньги за счёт торговли наркотиками и последний, Готье Тобо, глава департамента

по уголовным делам. Помогает преступникам, любит деньги, и как я полагаю, хочет откусить львиную долю от моего бизнеса.

Я посмотрела на последних двух и вздрогнула. Жан Мартен, был невзрачным, тощим, в очках с залысиной на затылке. А вот, Готье Тобо, из департамента, был видным мужчиной, но в возрасте. По фотографии ему можно было дать лет пятьдесят.

Внимательно разглядывая фото, покрывалась холодным потом. Если все эти люди занимаются незаконной деятельностью, то и Ксавье тоже. Это и так было ясно. Но ведь помимо борделя, он ещё чем-то занимается. Но чем....

– Я поняла свою задачу. Почти всех будет легко узнать.

Посмотрела на мужчину. Он внимательно за мной наблюдал.

– К шести часам будь готова. Я приеду во время и не хочу тебя ждать, – отчеканил Хозяин, и, встав со стула, собрал фотографии и удалился.

А я как всегда... осталась одна в полной растерянности.

Франция, Париж

Квартира Ксавье Делакура, без пяти минут шесть

Я смотрела на себя в высокое зеркало. По плечам побежали мурашки. Длинное алое платье струилось по стройному телу, подчёркивая фигуру. Красивое платье, дорогое... Я в жизни не носила ничего подобного. Рыжий парик гармонично смотрелся с нарядом. И должна признать, что цвет мне шёл. На изящной шее красовалось бриллиантовое кольцо. Руки были упакованы в черные длинные ажурные перчатки. Губы я накрашила, по наставлению мужчины, красной помадой, глаза лишь слегка подчеркнула тушью. За спиной красовались чёрные крылья. Образ ангела, как планировал Хозяин, только падшего... Меня разве, что слепой не заметит.

Посмотрев на часы, выдохнула воздух и мысленно, пожелав себе удачи, двинулась к выходу. Туфли были не удобными. На высоких каблуках, я вообще чувствовала себя не уютно, а тут, при полном параде, мне хотелось забиться в угол и никому не показываться.

Спускаясь по лестнице, я услышала хриловатый голос мужчины. Сразу же узнала, кому он принадлежал. Маркос.

– Мадемуазель Боннер?

Увидев мужчину, закусила губу. Где Ксавье?

– Добрый вечер, – с неохотой поздоровалась я.

– Наш общий...друг, будет на приёме. Вот твое приглашение.

Когда я окончательно спустилась, то в руки мне попал красивый, пригласительный именной билет.

Вздёрнув бровь, вопросительно посмотрела на Марко:

– Эжени Гарон? Шутите?

Мужчина рассмеялся.

– Нисколько. У Ксавье есть свои ниточки. Он создал имя, фамилию. Но, советуя, не разглашать.

Мужчина мне игриво подмигнул, широко улыбаясь.

– Нельзя было что-нибудь попроще, не привлекающее внимание? – проворчала я.

– Когда ты злишься, становишься еще прекраснее, – заметил Марко, – Понятно, почему ты зацепила моего друга.

Фыркнула. Мне нравился Маркос. Он был не таким устрашающим, как Ксавье. От него исходило тепло, как от Делакруа холод.

Карие глаза с интересом рассматривали меня.

– Тебе идёт это платье. Но парик... Парик я бы убрал. Рыжий – не твой цвет.

– А мне, кажется, что вполне...

– Он делает тебя старше, опытнее, стервознее. Когда на самом деле ты добрая, великодушная, щедрая...

Сжала зубы. Меня так легко прочитать... Святая наивность... Именно из-за перечисленных качеств, страдаю всю жизнь.

– Не думай, что хорошо знаешь меня, Марко. А теперь идём... Не хочу опаздывать, а то мне от твоего друга попадёт, – натянуто произнесла я.

Мы вышли на улицу, сели в джип кареглазого и поехали по вечернему Парижу навстречу неизвестности.

* * *

Через час мы подъехали к дому, где проходило торжество. Он выглядел, словно сошёл со страниц журнала о средневековье. Красивый, статный, величественный с зелёным плющом на окнах. В

них горел свет, у порога входной двери стояло двое мужчин в масках. Охрана.

Машина въехала во двор. Перед тем, как вылезти я надела маску, закрывающую пол лица.

Марко вышел из машины. Обойдя её, как истинный джентльмен помог мне выбраться из неё, не зацепив крылья и платье.

Мужчина передал ключи парковщику.

– Вот мы и прибыли, – услышала я шепот Марко, – хватайся за меня, а то боюсь, упадёшь.

Мы шли медленно, но хотя бы уверенно опиралась на руку Марко. Подул ветер и я съежилась от зябкости. Остановилась и отцепилась от друга Делакура.

Сейчас жалела, что не взяла кофту, или куртку, чтобы накинуть на голые плечи. Гордо подняв подбородок, сделала следующий шаг. Одна. Мне целый день ходить по скользкому паркету. А если навернусь и сверну шею, то будет уже всё равно на мнение и поведение Роже.

Мы поднялись по лестнице и вручили пригласительные билеты охране. Мужчины осмотрели нас, что-то проговорили в наушники и, получив «ответ», открыли перед нами двери.

Убранство дома погрузило меня в некую негу. Марко поправил мне крылья. Я вздернула бровь, удивлённо смотря на мужчину.

– Смялись в машине, – пояснил он.

Я промолчала, рассматривая безукоризненную картину перед собой. Я без ума от подобного интерьера. Тёплый, богатый и старый. Казалось, я попала во времена «Анжелики». Высокие вазы, с алыми розами, украшали все углы. На стенах висели различные часы и картины. Под ногами простирался бордово-золотой ковёр.

– Эжени, не хотите ли пройти в зал? Мне, было, приятно познакомиться с Вами.

Марко широко улыбнулся, начиная играть свою роль.

– Месье Розе, – ответила улыбкой, – Не скажу, что с удовольствием, но с превеликим желанием.

Мы прошли вместо проведения торжества. Маркос шёл впереди, будто бы не со мной. Я же, цепляясь взглядом за детали, жадно рассматривала всё. Никогда в жизни не видела такой красоты. И я говорю не только об интерьере, но и о костюмах. Все мужчины, в основном в костюмах и масках, а вот женщины отличились в выборе

туалетов. Я уже заприметила легкомысленных нимф, намалёванных фей, грозных демониц... Вероятно, они планируют завлечь кого-нибудь в свои сети. Прямо пир для холостяков.

Пожелала им удачи и прошла вперёд. Мужчины с интересом поглядывали на меня. Внутренне съежилась. Я не привыкла к вниманию, и мне было неприятно чувствовать на себе заискивающие взгляды.

Мимо проходил официант и предложил шампанского. Я взяла бокал с подноса и поднесла к губам. Может, напиток, унесёт часть волнения и страха и мне станет чуть комфортней.

– Мне не хочется гадать кто Вы, чтобы не разрушить Ваш великолепный образ. Но позвольте заметить, Вы просто изумительны.

Медленно повернулась назад и натолкнулась на хищные глаза зелёного цвета.

Реми Моранси... Сглотнула. Воочию, он был намного привлекательней. Светлые волосы спадали на глаза. Половина лица было прикрыто чёрной замшевой маской. В белом костюме с чёрной рубашкой он смотрелся стильно, свежо, сексуально даже. Его улыбка была заразной и выдавала опытного оболъстителя женщин.

Боже, вероятно от его чар многие полегли... к нему в постель.

Облизала губы.

– Так давайте останемся инкогнито, – пропела я, – не будем, по Вашим словам, разрушать эту прекрасную дымку неведения.

Я сделала глоток холодного напитка.

– Вы одна?

Улыбнулась уголками губ.

– А Вы настырный. Но ответу на Ваш вопрос, – облизнула губу, – Да, я одна. А Вы? С женой? С любовницей или же невестой?

Мужчина раскатисто рассмеялся, привлекая к нам внимание.

– К счастью, не женат, не обручён, – он подмигнул мне, – но в любой момент можно это изменить.

Театрально взмахнула рукой.

– Увы, моя рука уже отдана, хотя сердце свободно. Но я чту клятвы, данные при помолвке. Так, что месье, придётся нам подыскать Вам девушку. Может быть, вон та фея?

Я показала на грудастую деву в зелёном одеянии и с крыльями бабочки.

– Уже была, не впечатлила.

Фыркнула.

– Да, Вам не угодишь!

– Сука, – прорычал Реми.

Я прикрыла рот рукой. Мужчина скооперировался.

– Это я не Вам, прекрасная незнакомка. Просто увидел знакомое... лицо, – шипел Моранси.

Я проследила за его взглядом и сжала кулаки. Ксавье Роже Делакура, собственной персоной, танцевал с какой-то девушкой в облегающем коротком платье цвета солнца. Она была без лифчика, да и трусиков я не наблюдала. Её светлые волосы были убраны в высокую причёску, на глазах сверкала стразами бриллиантовая маска. Губы, выкрашенные в розовый цвет, улыбались Ксавье. Так лучезарно, так искренне...

И он, вёл её в танце, руками проводя по тонкой талии. Было видно, что они не просто знакомые. Это больно отозвалось во мне. Делакура был одет в чёрный смокинг. Ворот красной рубашки был расстёгнут, давая повод залюбоваться его телом. Гладко выбритый, подстриженный и с улыбкой на лице, он казался таким счастливым, что захотелось заскрипеть зубами.

– Не поделили женщину?

Я старалась сделать вид, что меня ни капельки не волнует данная ситуация. Собственно и не должна была.

– Можно и так сказать, – буркнул мужчина, – Не забивайте голову ерундой. Давайте лучше потанцуем.

Он выхватил бокал и сунул ближайшему человеку. Его руки легли мне на талию и приблизили к себе вплотную. Я почувствовала запах его парфюма, от которого закружилась голова.

– Что у Вас за духи? – выпалила я.

– Понравились?

Я подняла голову вверх и подмигнула.

– Приятные. Вам они идут.

– Рад слышать.

Музыка сменилась ещё более медленным и сексуальным мотивом.

Мужчина вёл меня в неторопливой манере. Мне нравилось это. Я чувствовала опасность и томление. Реми меня не пугал. Привлекал,

интересовал, вызывал улыбку... И я знала, что его стоит сторониться. Но мне не хотелось.

Я повернула голову влево, и натолкнулась на взгляд Ксавье, которые были наполнены бешенством.

Он танцевал с той блондинкой, но смотрел на меня. И при этом ещё злиться? Ну, погоди...

– Вас тот мужчина буравит взглядом, – промурлыкала я, – Мне он неприятен... крайне.

Реми мигом схватил меня на руки и закружил. Я вскрикнула, испугавшись.

– Такую красавицу не должны беспокоить мои дела, – процедил он сквозь зубы и поставил меня на пол.

Дрожь прошла по моему телу.

– Как скажите, – взмахнула рукой, – Честно признать, мне Ваши дела совершенно не интересуют. Не льстите себе. Но спасибо, за танец.

Я мило улыбнулась, поправила маску.

– Приятно провести вечер, месье Незнакомец.

Развернулась и направилась вперёд. Мне было неуютно среди этих чужих лиц, но я улыбалась. Как будто чувствовала себя красивой, успешной и, пожалуй, счастливой.

Подошла к столу для фуршета и взяла закуску из форели. Заснув в рот, услышала:

– Пати, меня утомило твоё поведение. Иди, сходи, погуляй, – проворчал мужчина.

– Фаби, – взвизгнул женский голос.

Я взяла второй бокал шампанского и медленно повернулась. В нескольких метрах от меня стояла женатая пара Дюваль. Они будто сошли с того фото, которое показывал Делакруа.

Патриция была в ярко-розовом наряде с крыльями ангела за спиной и нимбом над головой. Её длинные волосы распущены и, завиваясь спиралями, спускались на плечи. Фабрис же красовался в золотом костюме с маленькими красными крыльшками и контейнером со стрелами за спиной. На глазах золотисто-серебряная маска, в руках красный лук... Моё представление, о Купидоне, совершенно отличалось от увиденного образа. Его большой живот, похожий на упругий мячик, делал Фабриса похожим на Карлсона.

Патриция демонстративно удалилась в сторону балкона.

– Эта женщина меня доконает, – пожаловался Фабрис, подходя к столу.

Ему налили ярко-красного пунша. Он залпом осушил бокал.

– Вот скажите, мадемуазель, что Вам, женщинам, нужно? Она меня пасёт, будто овцу на пастбище... Шагу нельзя ступить.

Вздохнула.

– Вы хотите честный ответ или же предпочтёте общее замечание?

Дюваль заинтересованно на меня посмотрел.

– Первый вариант.

– Ваша девушка...

– Жена, – оборвал он меня, – продолжайте.

– Ревнует. Боится, что её любимый мужчина найдёт себе более красивую женщину, чем она.

Я, конечно, солгала. Приукрасила действительность. Но я, же не могла сказать прямо...

– Вы идеализируете отношения, дорогая. У Пати красивое тело, но она, как и многие, жаждет моих денег. Пока они со мной трахаются...

Я театрально прикрыла рот от подобного слова. Специально... Пусть думает, что я непорочная девочка. Боже, веду себя, как стерва. Мне противно от своих действий. Но на кону деньги. Большие... Они помогут Арману, должны помочь.

– Извините, – промямлила я, – не привыкла к подобным выражениям.

Фабрис махнул рукой и засунул в рот канапе с сыром.

– Это безумно хорошо. Вы напоминаете мне этим мою, малышку, дочку. Эмилия... была прекрасным ребёнком, хорошей дочерью и милой девушкой...

– Мне жаль, – прошептала я, – терять близких, всегда тяжело.

– Вы тоже теряли? – серые глаза посмотрели на меня.

– Да. Родного человека и свою жизнь. Ведь очень часто, обстоятельства решают за нас.

Мы постояли минутку в молчании, предаваясь мыслям. Я думала о том, что потеряла не только брата, но и родителей. Нас никогда нельзя было назвать образцовой семьёй. Жаннет постоянно тряслась над сыном, отец любил меня больше, чем сына и мать. А я любила

всех и от этого страдала. Нужна ли любовь, чтобы потом мучиться от неё же?

– Прекрасная Незнакомка...

Я подняла взгляд и увидела перед собой Ксавье, Реми Моранси и ту блондинку, которая липла к моему Хозяину, словно чёртов лизун.

Сжала зубы от неприятного чувства ревности, которого не должно было быть. Улыбнулась сквозь стиснутые зубы.

– Прекрасный Незнакомец, – вторила я Реми.

– Не представитесь? – громко прозвучал голос блондинки.

Он был грубоватым и неприятным, что не вязалось с внешностью девушки.

– Это бал-маскарад, где настоящие лица прячутся за масками. Поэтому, предпочту, без имён.

– А это правильно, – выдохнул Фабрис, – Где же Пати?

Я невольно тронула его за плечо.

– Возьмите из вазы розу и ступайте на балкон. Может она гуляет?

Мужчина, в миг, расцвёл и, благодарственно кивая, отчалил от нашего, весьма неприятного, квартета.

– Мириам, не веди себя, как шлюха, – прикрикнул Моранси на блондинку.

– Реми, не будь занудой. Сам около рыжей вьёшься, как кобель возле суки, – гавкнула Мириам.

Округлила глаза от подобного хамства. Посмотрела на Моранси:

– Вероятно, я чего-то не понимаю...

– Это моя сестра... Сводная, – прошипел Реми.

– Даже не скажешь, что родственники. Воспитание говорит само за себя, – медленно проговорила я.

Услышала частое дыхание девушки.

– Да ты хоть знаешь, кто я? – провизжала она.

Закатила глаза.

– Мири, заткнись, – зашипел Ксавье.

Блонди поддалась вперёд.

– Да нет, пусть послушает!

Я начала закипать от этого цирка.

– Извините, но мое воспитание, не позволит высказать, во всех красках, все, что я о Вас думаю. Тем более мой жених...

– Какой жених? – прерывает меня Делакруа.

По его взгляду можно было сказать, что он очень зол.

– Традиционной ориентации, интеллигентный, любящий и просто превосходный человек.

– И Вы его любите? – вкрадчиво спросил Хозяин.

Усмехнулась.

– А, это, не Ваше дело, месье... Реми, я бы выпила...

– Делакруа! Моранси!

Я покрылась потом. Все звеня в одном месте с извращенцем, хамоватой бабёнкой... И мной...

Готье Тобо и Жан Мартен собственной персоной. Их было легко узнать, и я даже не задумывалась они ли это.

Ксавье весь напрягся.

– Извините, господа, но мы с прекрасной леди, удаляемся для более приятных дел...

Реми взял меня за руку и я, не препятствуя этому, позволила мужчине увезти меня в центр зала.

– Терпеть их не могу, – услышала я Моранси.

– Почему?

– Не забивайте свою голову, я уже говорил об этом.

Его голос, будто бархат, окутывал меня. Алкоголь добавил мне смелости и раскрепощённости. Я прижалась к нему.

– Позвольте один вопрос, – прошептала я.

– В обмен на Ваше имя и поцелуй.

Я задумалась.

– Тогда два вопроса.

Мужчина рассмеялся.

– А Вы та ещё торговка! Спрашивайте.

– Мне интересно, Вы говорите, что терпеть не можете этих молодых людей. Кого именно и почему?

– Для чего Вам это?

Я звонко рассмеялась.

– Женское любопытство? Бросьте, каждый из нас кого-то недолюбливает.

Моранси нагнулся и пошептал мне на ухо, касаясь его языком.

– Делакруа.

– Я так полагаю, это тот брюнет? – хлопнула пару раз ресницами.

Реми внимательно на меня смотрел.

– Да. И отвечу почему. Из-за него умерла моя девушка.

Я перестала улыбаться.

– Мне жаль...

Сегодня день откровений. Я не знаю, есть ли мотив у Жана или Готье, знаю, что Фабрис ни при чём, а у Моранси он определённо есть.

– Я ответил, теперь Ваш черёд...

Проглотила слюну.

– Меня зовут Эжени...

Как только фальшивое имя слетело с губ, мужчина прижал меня к себе ещё сильнее, нагнул голову и завладел моими губами.

Я не чувствовала той страсти, пылающей во мне в моменты близости с Ксавье. Да, и те вспышки были непостоянны. Лишь тогда, когда он вёл себя, не как козёл. По началу...

Реми был настойчив, но нежен. Его язык не вызывал ни капли эмоций, желания.

Он освободил мои губы и прошептал в них:

– Ведь нет жениха, не так ли?

– Я говорила ранее, что он есть, но нет любви и страсти, – прошептала в ответ.

Мы стояли, обнявшись, пока кто-то не оттащил Моранси в сторону. Это был Ксавье...

Его глаза пылали такой яростью, что страшно было смотреть. Я перевела взгляд с одного мужчины на другого и нервно прикусила губу.

– До встречи, Незнакомец.

И на ходу снимая туфли, буквально бежала к выходу. На улице стоял Маркос.

– Отвези меня домой, – пропыхтела я, – немедленно!

Мужчина дал команду привезти машину. В течение пяти минут мы выехали.

Глава 8

«Жизнь – это госпиталь, где каждый мечтает сменить койку.»

© Шарль Бодлер

Делакруа. Маскарад

– Мири, прекращай, – промурлыкал мужчина на ухо сестрёнке Ремингтона.

Она специально оделась, как развратная сука, в надежде снова залезть к нему в штаны. Её грудь буквально продавливала мужчину. Я не святой, а именно, поэтому последовала незамедлительная физическая реакция на красивое женское тело.

– Ты просто ломаешься, милый, – прохрипела она, рукой касаясь ремня.

Сжал зубы и вымученно улыбнулся. Доведёт же, стерва... Знает, как я ненавижу её брата. Но душу греет мысль, что Моранси будет в гневе от увиденной сцены.

Я ждал. Нервно. Мне хотелось сломать каждый инструмент, чтобы прекратили играть медленную мелодию. Чтобы эта дрянь отлипла наконец-то!

– Поедем ко мне после приёма? Или можно прямо здесь... В каждой комнате... Как раньше...

Закатил глаза и прижал девушку сильнее.

– Воздержусь, – прошептал ей с улыбкой на ушко.

Видно было, что Мириам ответ не устраивает. Честно говоря, наплевать. Единственное, о чём я думал – это Шарлотта. Её запах до сих пор отпечатком красовался на моей коже, ровно, как и на члене. И я терпеть не мог, эту чёртову зависимость. Меня крайне бесило, что какая-то девчонка с большими зелёными глазами не может отпустить меня. Точнее я этого сделать не могу. Только подумать, Ксавье Роже Делакруа, стал зависеть от милой глупой Шелли. Уже полгода я обещаю себе, что тот или иной трах будет последним. И каждый раз хочу ещё... И каждый раз мне мало.

Повернул голову и увидел её. Она стояла возле фуршетного столика и пила шампанское. Красное платье изумительно подчёркивало изгибы тела. Рыжий парик был ярким. Цвет ей шёл, но слишком старил. Если бы её волосы струились по плечам... Было бы во сто крат лучше. Алые губы, озарены едва заметной улыбкой, а глаза с интересом разглядывали гостей. Возможно, стоило ей сказать, что это я устроил этот бал, что единственной, кто меня интересуется – брат Мири, а остальные выполняют мои указания.

Нет, так было бы скучно.

К Шелли подошёл Ремингтон. Мне сразу захотелось вылить флакончик с перекисью на его голову, чтобы мозги окончательно выцвели. Мужчина смотрел на Шарлотту, словно на трюфель. Облизывался, изучал. Она его заинтересовала, как я и планировал.

Сжал кулаки от прилива непонятной ревности. Я не должен чувствовать, что она моя. Я не собственник. Никогда им не был, в особенности со шлюхами. Хотя насчёт Шарлотты я перегибаю палку. Она хорошая девочка, из обычной бедной семьи. Но слишком добрая, чем собственно, я и пользуюсь. Я привык получать то, что хочу. А увидев её, готов был платить любые деньги, только чтобы почувствовать себя в её тугой киске.

Мири, положила руки мне на задницу. Недовольно сощурился.

– Подними выше или танец окончен, – прошипел ей.

Девушка лишь повела плечами.

– Странный ты, – фыркнула она, – Ничего. Это только начало вечера.

Я её не слушал, смотрел, как Реми обхаживает Шелли, как она игриво ему улыбается.

Он меня увидел. Я ухмыльнулся. Шелли как будто бы меня и не знает. Неужели научилась играть на публику? Не верю... Она и лгать-то особо не умеет.

Мы с Мири потанцевали ещё пару минут и я отошёл от неё. Реми с Шарлоттой разошлись. Мне так хотелось пойти за ней, прижать к стене и забросить ноги себе на бёдра. Войти в неё резко и можно даже попробовать её на вкус... Посмотреть, как глаза девчонки закрываются от наслаждения...

– Хочу выпить, – прохрипел я.

– Тут полно выпивки, которую ты оплатил, – проворковала Мириам, приняв мой хриплый голос за особый знак к действию.

Дура.

Мы потанцевали ещё минут пятнадцать, которых мне хватило по самое горло.

– Я иду пить. Веди себя адекватно, Мири, – прошипел я.

Мы прошли сквозь толпу разукрашенных сливок общества, если их можно так назвать и нарвались на блондина и Шарлотту. Она окинула меня равнодушным взглядом. Мири сразу пустилась в пляс, цепляясь языком со своим паршивцем братом. У меня в голове стучала единственная мысль: утащить отсюда мадемуазель Боннер.

Мужчины, словно стервятники, украдкой смотрели на неё. Не подходили, боялись Реми. Чёртов сукин сын. Мне начинала, не нравится идея втягивать в этот цирк девушку. Можно было сказать правду. Она не выдаст, не из той породы. Наплёл с три короба... Вырядил так, чтобы Ремингтон её заметил. И сейчас мучаюсь от почти осязаемой ревности.

Мы перекинулись парой фраз. Мири, оскорбила Шелли. К нам подошли два моих человека и Реми, стрельнув уничтожающим взглядом, увёл Шарлотту подальше от нас.

Пока разговаривали с Тобо и Мартеном, я заметил, как Реми оказывает непозволительные жесты в адрес моей женщины. Кровь, казалось, вскипела. Сцепил руки, чтобы не выдать эмоций.

– Роже, всё в порядке? – спросил Жан.

Скривил губы.

– Вполне. Просто... Не переносу этого типа, – кивнул в сторону Реми, – Удалось узнать что-нибудь?

Тобо усмехнулся.

– Мотив у него, конечно, есть. Как и у большинства, – мужчина пожал плечами, – Но вот все махинации, что происходят в бизнесе, с ним не свяжешь. Нет ни намёка на, то, что он приложил к этому руку.

Выругался. Да, убивают и за меньшее. Но я предпочитаю поступать не столь грязно. Если он и сдохнет, то только тогда, когда найду компромат на него.

Я не заметил, как задержал дыхание, как непроизвольно направился к паре, как оттащил блондина от Шарлотты... Уставился на девушку, взглядом обещая расплату.

Затем направил всё внимание на блондина.

Завёл кулак и со всей силы ударил по лицу. Схватил за грудки и замахнулся головой. Реми не из дураков, кулаком дал мне под дых, и я загнулся от наступающей боли. Тобо и Мартен оттащили меня.

– Ты сума сошел, Делакруа! – прорычал Ремингтон, – Что, тоже захотел к ней в трусики залезть? Не выйдет! Иди, трахай своих шлюх или вон, мою сестру. А Эжени не такая. С ней надо надолго и серьезно. Так что, хватит искать повод, чтобы мне врезать.

– Отпусти, – прорычал Жану.

Освободившись из рук мужчины, я процедил сквозь зубы:

– А вот и пойду. Меня как раз, одна такая, дома ждёт.

Я поискал глазами Шелли и не нашёл её. В кармане завибрировал мобильник.

«Едем домой. Ты её испугал. Девочка трясётся, словно осиновый лист».

– Развлекайтесь, дальше, – прошипел я и направился к выходу.

По дороге Мири схватила меня за руку.

– А как же я?

Еле сдержался, чтобы не оттолкнуть её. Не понимаю, как я мог её трахать...

– Оглянись, тут много других членов. Иди, поищи, какой из них сможешь оседлать! – рыкнул на неё.

В глазах девушки выступили слёзы.

– Ублюдох, – хмыкнула она и, убрав руку, убежала на каблуках в сторону туалета.

Мне было плевать на её слёзы, на косые взгляды присутствующих. Я хотел только ЕЁ. И я получу, как только доберусь до квартиры.

Шарлотта

Маркос вёл машину не спеша, то и дело, поглядывая на меня. Я сняла парик, так как в нём было безумно жарко. Во рту пересохло. Перед глазами стояла сцена того, как Ксавье оттаскивает Реми от меня.

Для чего он это сделал? Просто потому, что только он смеет меня целовать? Но это, же бред... Мужчина сам хотел, чтобы я привлекла внимание. Иначе бы не стал меня так наряжать. Только в чём смысл? Весь этот вечер казался фарсом, в котором я была ведущей героиней.

– Маркос, ты ведь в курсе дел своего друга? – спросила я мужчину.

Тот что-то проворчал себе под нос.

– Безусловно, – проговорил он, – Но тебе не скажу. Не в приоритете как бы.

– Не сомневаюсь, – недовольно ответила ему, – Зачем мне следить за кем-то, если Ксавье распускает руки?

Марко рассмеялся.

– Поверь, этим вопросом мучается и Ксавье. Он не привык давать волю эмоциям, в особенности ревности.

Я фыркнула.

– Просто он собственник и не привык делиться.

После слов мужчины я замолчала. Было над, чем задуматься. Он и я ревновали друг друга. Да, признаю, у меня к нему есть чувства. Какие? Непонятные. Не любовь, это точно... Привязанность? Привычка? Зависимость? Я не знала. Мне было до скрежета зубов неприятно видеть Ксавье в объятиях сестры Моранси. И это, мягко говоря, напрягало. Я не хотела чувствовать к этому человеку что-то, помимо неприязни... Как давно наши невозможные отношения перетекли в нечто иное? В нечто сложное?

Вплоть до квартиры я думала об этом. Так же, я боялась Делакруа. Не зная, как он поведёт себя по возвращению домой... Было страшно. Что он сделает? Как себя поведёт? Что скажет и как?

Его действия не предсказуемы. Он может повести себя абсолютно не так, как думаю я. Наорёт? Затрахаёт? Морально унизит? Растопчет, словно таракана?

Я вышла из машины, обхватывая руками плечи. Было холодно. Ключей у меня от квартиры не было. Марко подошёл ко мне.

– Идём, открою тебе.

Я удивлённо посмотрела на мужчину.

Он хмыкнул.

– У меня есть дубликат ключей, на всякий случай. К примеру, на такой.

– Понятно, – проговорила я, – Идём.

Марко ушёл, как только я зашла в коридор. Включила свет и выдохнула. Равнодушие этой квартиры меня утомляло и холодило кожу.

Скинула туфли.

– Господи, как же хорошо!

Думаю, каждая женщина испытывает это чувство, когда ноги после долгой ходьбы на высоких шпильках, ощущают под собой прохладный пол. Облегчение.

Я поднялась в нашу комнату, омерзительную мне до мурашек по коже. Разделась, до алого кружевного нижнего белья. Дорогое. Качественное. Красивое. Откровенное. В прошлой жизни у меня бы денег не хватило на подобную роскошь. И оно было мне противно. Покупала не я. Всё в нынешнем положении кричало о том, что я чёртова содержанка. Для кого-то я шлюха, для кого-то мямля... Но меня это заботит в последнюю очередь. Из-за Армана, матери.

Сердце пропустило удар. Умом я понимала, что для родителей я никто. Что ни отец, ни мать особо меня не любят. Одна поглощена сыном, другой собственной жизнью. Удручало чувство одиночества. Ведь я никому не нужна. Сама я, а не рабочая пара рук и ног.

Боже, я ничтожество! Жить нужно для кого-то, а если нет такого человека, то какой смысл существовать? Это неправильно. Ведь у каждого должен быть друг, любимый человек, животное в конце концов... А у меня...Никого. Не по-людски как-то.

– Повеселилась?

Я вздрогнула, услышав грубый вкрадчивый голос.

Подняла глаза. Сглотнула слюну. Сделала шаг назад и натолкнулась на кровать.

Хищный взгляд Ксавье был сосредоточен на моём лице. Руки сложены на груди, отчего пиджак в плечах натянулся, обрисовывая мышцы.

– Не особо, – прохрипела я, – А ты?

Мужчина молчал минуту, после чего стал подходить ко мне. Медленно, с напряжением.

– Весьма, – процедил он сквозь зубы, – И как тебе Моранси? Уже захотела испробовать его член в себе?

Я прикрыла рот рукой от подобного обвинения.

– Ты... Ты обвиняешь меня, что твой закадычный враг поцеловал меня?

Ксавье вплотную прижался ко мне, и, наклонив голову, понюхал мою шею.

– От тебя пахнет им, – прорычал он.

Его руки схватили меня за запястья и сжали.

– Тебе понравилось? – прошипел он.

Казалось меня, сотрясала мелкая дрожь. Мужчина был зол. Напряжение витало в воздухе. От него пахло спиртным, потом и лёгкими духами. Женскими. Этой Мириам. Он обвиняет меня, хотя сам чуть ли не залез под юбку к этой женщине.

– Тебе понравилось! – прокричал он мне в лицо.

– Нет, – прошептала я, прикрыв глаза.

– Не верю!

Его рот накрыл мой, полностью подчиняя себе. Он языком провёл по моей нижней губе, прикусывая её.

Отстранился.

– Я заставлю забыть его вкус, – шипел он, жёстче сжимая мои руки.

Его губы коснулись моей шеи. Целуя, он кусал... Предъявлял права.

Отпустил мои запястья и повернул к себе спиной. Прижался, показывая моей попке, как возбуждён.

Его ладонь накрыла мою левую грудь, сквозь алые кружева нащупала сосок. Другая рука медленно спускалась по животу, пока не пробралась под трусики и не накрыла лобок.

Я невольно застонала. Душа хотела убежать от сюда... А тело... Оно хотело остаться. Даже, если будет грубо, даже, если ничего не получит...

Его указательный палец скользнул в меня.

Услышала хриплый стон мужчины.

– Понадобилось полгода, – шептал он, – Чтобы ты была влажной с первого раза. Неужели влюбилась?

Во рту пересохло, но всё же пробормотала:

– Не дождёшься.

Ксавье вынул палец из меня.

– Значит то, что я сделаю, тебя не сильно обидит.

Что он сделает? Как это связано с его вопросом?

Делакруа обошёл меня и сел на кровать. Похлопал по коленям:

– Ложись, – приказал он, – И ни звука.

Прикусила язык. Если что-то скажу, будет только хуже. Знаю это.

Легла к нему на колени так, что попа едва свисала с них. Было жутко неудобно и страшно.

– Я не люблю, когда трогают моё, – вкрадчиво проговорил Делакура, проводя ладонью по ягодице.

Напряглась.

Шлепок. Вскрикнула и сжала губы.

– Ни звука Шелли. Это наказание. Ты не должна была позволять ему больше, чем нужно...

Мне кажется, или он не логичен? Говорит то одно, то другое...

– Сам же хотел...

Снова шлепок и я прикусила язык. Из глаз хлынули слёзы.

– Я не велел тебе обмениваться с ним чёртовой слюной, – рычащий голос мужчины, словно тысяча игл вонзался в кожу, проникая глубоко под неё. – Ты зашла слишком далеко!

Не выдержав необоснованных обвинений, я резко перекатилась и упала на пол, сильно ударившись локтем. Не позволила крику боли вырваться из груди.

– Я зашла далеко? – прошипела я.

Медленно поднялась. Чашечка бюстгалтера сползла с одной груди, полностью обнажая ту. Я быстро поправила лифчик и невольно всхлипнула. Мне было больно от его слов, действий. Хотя, собственно, чего я ждала?

– Это ты привёл меня на маскарад, – проорала я, – Это ты показывал фотографии, ты одел меня как элитную шлюху. И на что ты надеялся? Что ни один зрячий мужик не будет на меня похотливо смотреть?

Ксавье молчал и смотрел на меня. Что происходит в его черноволосой голове? Какие тайны скрывают его леденящую душу глаза?

Мужчина поднялся, подошёл ко мне. На его лице ни один мускул не дрогнул. Казалось, он застыл в своей непонятной ревности.

– Просто молчи, – хрипло прошептал он, беря меня за руки.

– Я не хочу...

– Давай хоть сегодня не будем говорить о деньгах, – выдохнул он мне в губы, перед тем, как нежно коснуться их.

Закрыла глаза. Почему я позволяю ему это делать со мной? Почему просто не плюну и не уйду? Дело уже не только в Армане, но

и во мне... Медленно я влюблялась в этого человека. Несмотря на страх, в который он меня вгонял, несмотря на шлепки, горькие обвинения... Нежно поцеловал и я растаяла. Будто и не было ничего. Ни горьких слёз, ни отречения от жизни. НИЧЕГО.

Его пальцы скользили по моему телу. Мужчина оторвался от моего рта, и я заглянула ему в глаза, словно в душу. В них светилась жажда обладания. Шмыгнула носом.

Делакруа чертыхнулся и отстранился.

– Одевайся. Джинсы, блузка и босоножки.

Непонимающе на него посмотрела.

– Мы пойдём гулять, – проговорил он, – У тебя полчаса.

Мужчина быстро вышел из комнаты, оставив меня наедине с собственными эмоциями, мыслями... Почему он остановился? Понял неправоту?

Невольно хмыкнула. Ксавье не из тех, кто так легко признаёт ошибки. Что-то здесь не так. Но что?

Сердце быстро пропускало удары. Подошла к постели и села. Попа слегка горела после опытных рук Ксавье, но в данную минуту меня волновало другое. Почему он не продолжил? Сказал одеваться, чтобы погулять. Где? Что он задумал?

Закрыв глаза, досчитала медленно до десяти встала и пошла в ванну. Надо смыть с себя косметику.

Через сорок минут я спускалась по лестнице. На мне были узкие джинсы с заниженной талией, бледно-розовая кофточка с оголёнными плечами. Поверх неё красовалась новёхонькая коричневая кожаная куртка. Ноги обула в удобные чёрные балетки с большим красным бантом в виде украшения. Волосы свободно падали на плечи густым каскадом. Я не красилась, лишь увлажнила губы бальзамом.

– Ты опоздала на десять минут, – улыбнулся Ксавье, вставая с дивана.

– Извини, – ответила ему.

Делакруа полностью оглядел меня. Казалось у него вместо глаз рентген. Чувствовала, как щёки залил румянец.

– Идём, Шелли. Я покажу тебе Париж.

Его голос, словно журчание реки, грело мои уши. Я отбросила все вопросы, которые вертелись, как в голове, так и на языке и просто

позволила ему взять меня за руку. Как свою девушку, а не как содержанку.

Не буду анализировать сегодня. Просто нет сил. Оставлю на завтра. Лишь оно клином висит над головой.

Мы вышли на улицу. Я не увидела машины.

– А где машина?

Ксавье загадочно улыбнулся.

– Мы ведь вышли погулять, а не кататься, не правда ли? Не бойся, Шелли. Ты со мной в безопасности, – усмехнулся он, после чего пробормотал, – А вот в своей, я сильно сомневаюсь.

Я услышала. К чему это он? Если на нас нападут, то единственное, на что я буду способна – завизжать.

– Хорошо, – выдохнула я, не зная чего ещё ожидать.

Я посмотрела в сторону, рассматривая сверкающие витрины ночных магазинов. Странный вечер, но единственный, когда он был со мной таким. Другим. Человеком, а не потребителем. Меня это пугало и одновременно подвергало в нежный трепет.

Глава 9

Ночной Париж был изумительным. Я любила свой город, страну и ни разу не хотела жить где-то ещё. Его красота завораживает, а маленькие улочки будоражат воображение. Богатая история государства просто воодушевляла. А сколько написано романов о Франции! Я искренне восхищалась Анн Серж Галлон, которая написала серию книг об Анжелике. Сколько талантливых поэтов влюблены в город.

Мы с Ксавье ходили по тем самым улицам, которые впитали в себя историю Парижа.

Яркие витрины ночных магазинов освещали нам путь. Мужчина не отпускал мою руку, крепко сжимая ее. Словно боясь, что я исчезну. Мне было приятно, хоть и странно это неведомое ощущение близости. Душевной. Не было острых фраз, приказов, или жалости. Я чувствовала себя женщиной. Если не любимой, то определённо желанной. Звучит довольно безумно. Но и отношения у нас нестандартные.

– Эйфелева башня ночью особенно красива, не находишь? – раздался голос Ксавье.

Он был мягким и игривым. В нём не было раздражения, скорее наоборот, расслабленность. Интересно, что чувствует мужчина? Он делает это, чтобы загладить вину? Или чтобы побыть со мной вне постели?

Мы и правда, пока гуляли, дошли до башни. Я подняла голову, и посмотрела на возвышающуюся надо мной красоту.

– Безумно, – заворожено прошептала я.

Делакруа хрипло рассмеялся.

– Гуляла когда-нибудь по Парижу ночью?

Он заинтересованно посмотрел на меня.

Покачала головой.

– Ни разу.

Не было возможности просто выбраться и любоваться ночным городским пейзажем и архитектурой. Сначала учёба, потом безвылазная работа, мама и Арман... Не до этого было.

– Из-за брата? – резко спросил Ксавье.

Казалось, что этот факт его злил.

– Отчасти. Некогда было, – понуро ответила я, – учёба, работа и дом.

– Шелли, ты жалеешь?

Удивлённо посмотрела на мужчину.

– О чём?

Ксавье напрягся.

– О жизни? Что если бы не было твоего брата или он был бы здоров.

– Но он болен, – тихо сказала я, – Этого не изменить.

– И всё же?

– Я бы окончила университет, работала бы по специальности. Возможно, родители были бы вместе... Но нет, Ксавье, я не жалею, – выдохнула и поправила рукой волосы, – Я бы поступила точно так же. Они моя семья и я их люблю.

– Только вот они не ценят этого, – зло выплюнул мужчина.

– Не тебе судить о ценности, – выпалила я, чем заслужила строгий взгляд мужчины.

– Действительно, – растягивая слова, проговорил Делакура, – Но я никогда не позволял сидеть у себя на шее. А твои родители спихнули всё на тебя. Хотя могли бы нанять сиделку и работать. А тебе позволить выучиться.

Я промолчала. Доля истины была в его словах, и от этого на сердце становилось всё тяжелее. Мама была работоспособной женщиной, как и отец. Мы могли бы позволить себе сиделку, если бы она пошла работать. Я бы училась и тоже подрабатывала... Мы бы смогли... Но нужно знать моих родителей, чтобы говорить о них. Отец не выдержал натиска обстоятельств и просто ушёл от нас. Мать погрузилась вся в Армана, и просто забросила жизнь, да и меня. А я... У меня просто не было выхода. Или бросить всё на самотёк, или стараться помочь вылезти из этой похоронной ямы.

– Никто не совершенен, – выдохнула я.

Делакура повернулся и взял меня за руки.

– Ты не должна позволять манипулировать собой.

– А у меня есть выбор? – с горечью ответила я. – Он мой брат, моя семья. Я встала по ночам от его плача, сидела с ним, помогала с

уроками, играла... Я не из тех людей, кто может повернуться к родным спиной. Я просто не могу этого сделать. Особенно, когда нужна.

Ксавье прикрыл глаза.

– Ты слишком добрая. Для этого мира, это качество огромная слабость.

– Для кого-то может и да, но сам посуди. Много ли осталось хорошего в этом нашем пропахнувшем гнилью мире? Нет. Да, на дураках воду возят. Пусть. Пусть я буду душой, но в гармонии со своей душой. Хоть от этого частенько паршиво.

Ксавье долго смотрел на меня. Потом отпустил руки.

– Ты голодна? Здесь прекрасный бар недалеко. Там вполне приличные салаты и не столь приличное вино.

Резкая смена темы. Устал слушать мои оправдания? Что ж, я от них тоже устала, до тошноты.

– Да, пожалуй. На приёме я ничего не ела, кроме канапе.

– Идём. Тебе понравится.

Мы пришли в небольшой уютный бар примерно через пятнадцать минут. Он не был битком забит народом, что было просто прекрасно. Мы расположились за небольшим круглым столиком у окон. Ксавье еду заказал сам, не позволив мне взглянуть на меню. Что за диктаторские замашки? Я читать могу, да и откуда он знает, что именно я хочу отведать?

Но как обычно промолчала, не желая портить эту восхитительную ночь. Возможно, она будет единственной.

Официантка, в откровенной форме, принесла нам заказ, оставив Ксавье салфетку со своим номером. Я мысленно оскалилась ей, безумно желая засунуть клочок бумаги ей в декольте. Девушка была довольно посредственна на лицо, но зато с привлекательными для мужчин формами.

Я опустила голову и посмотрела на тарелку с каким-то салатом. Он был похож на «Цезарь», но не стандартный. Видела креветки, гренки, капусту, мидии и мясо.

– Это их фирменный салат. Наслаждайся. У него непревзойдённый соус, – улыбнулся Ксавье.

Я посмотрела на Ксавье, который разорвал салфетку с телефоном в клочья. Удивлённо посмотрела на него.

– Не хочу, чтобы ты волновалась из-за...этого.

Он улыбался. Я сжала зубы.

– Да кто я такая, чтобы волноваться вообще о чём-либо, – пробормотала я и засунула вилку с салатом в рот.

Мужчина рассмеялся.

Через пять минут нам принесли по бокалу белого вина. Я сделала глоток и поморщилась. Отодвинула бокал с напитком.

– Я воздержусь от спиртного.

– С вином здесь дефицит. Есть только белое и то, невысокого качества. Постояльцы, в основном, пьют крепкие напитки.

– Понятно.

Мы, молча, ели около пяти минут, перед тем, как зазвонил телефон Делакруа.

Мужчина встал со стула, и отошёл поговорить.

Мне же была дана возможность внимательнее осмотреться. Мужчины разных возрастов пили и веселились, некоторые пели песни. Бармен успевал смешивать напитки, а официантка разносить их по столикам.

– Как Ваше имя, чудесная Роза!

На место Ксавье присел молодой парень, накаченный почти под завязку. Его клетчатая рубашка была расстёгнута, а рыжеватые волосы взъерошены. Взгляд, хоть и расфокусированный, скользил по мне. Парень улыбнулся и икнул. Я еле сдержалась, чтобы не захихикать.

– Извините, но у Розы, – я сделала акцент на названии цветка, – уже есть кавалер.

Прикусила губу.

– Меня зовут Шон. Я ирландец. Приехал учиться... Ик... На повара.

Не удержалась и хохотнула.

– А я проститутка, – смеясь, выпалила я.

Шон вылупил на меня глаза, затем протёр их тыльной стороной руки.

– Ты? Шутишь?

Рядом со столом послышалось недовольное кашлянье.

– Моя девушка любит пошутить, – отрезал Ксавье, сверля ирландца взглядом, – Я вежливо прошу, Вас убраться с моего стула и от моей девушки.

Шон неожиданно сделал отрыжку. Я поморщилась. Парень кое-как поднялся и, шатаясь, покинул нас. Но оставил после себя не приятный запах...

– Я только отошёл на пять минут, а ты уже клеишь пьяниц, и собираешь клиентуру, – фыркнул Делакура, – Не стыдно?

Я была в шоке от такого заявления.

– Издеваешься?

Уголки губ Ксавье приподнялись в признаке на улыбку.

– Безусловно. Я за вами наблюдал. Мне нравится, когда ты улыбаешься.

Ни и ну... Что-то романтик в мужчине засел и не выгонишь. Может, ему всё же что-то нужно? Не может так резко человек поменять отношение.

– Я бы хотела уйти отсюда. Уже поздно и, если честно признаться, мои ноги просят пощады, после такого плодотворного дня.

Ксавье достал из куртки кошелёк. Подозвал официантку, оплатил заказ и мы ушли. Тихо, взявшись за руки. Мне было тепло и уютно рядом с ним. Не так одиноко, как обычно... Странное чувство.

Мы гуляли ещё примерно час в направлении квартиры. Она встретила нас пустой напряжённой обстановкой. Ксавье включил свет.

– Мне нужно позвонить, иди в душ, а потом в постель. Нам обоим нужен отдых.

Честно сказать, я думала, что мужчина не будет ждать, а возьмёт меня в прихожей, на полу. Что он снова задумал? То одно, то другое. Я так устала от этой чёртовой неопределённости, что кости сводит.

Я оставила мужчину, и пошла по указанному направлению.

Под водой я стояла долго. Она омывала меня, расслабляла и смывала весь негатив, заставляя улыбаться. Прогулка была превосходной. Давно я так не отдыхала. Душой. Ведь так прекрасно, просто погулять, не чувствовать себя одинокой, ненужной, забытой...

Выключив воду, подошла к зеркалу. На меня смотрела симпатичная девушка с горящими глазами. Счастливыми. Надолго ли это чувство свободы?

Я знала ответ и грустно улыбнулась. В тайне, я надеялась, что Делакура не повезёт меня обратно в развлекательный дом, не оставит меня со стервятниками. Но, это, увы, из раздела фантастики. Но больше всего я боялась, что он решит передать меня другому. Ведь

контракт всё ещё действителен. И это напрягало. Сильно. У меня не было к нему доверия. Мужчина мог в любую минуту приказать мне лечь под кого-то.

Я надела шёлковый халат и вышла из ванной. Ксавье до сих пор не было. Видимо, в почти три часа утра у него деловые разговоры. Я не хотела об этом думать. То, чем он занимается не законно. И даже представить боюсь, что я часть этого. Незначительная, но часть. Соучастница. А может быть жертва?

Мотнула головой, разгоняя мысли. Легла в кровать и накрылась тёплым одеялом. Подложила руки под голову и закрыла глаза.

Где-то на поверхности дремоты, почувствовала, как меня обняли тёплые мужские руки, как его губы прошлись по моей шее.

Улыбнулась и уснула.

Утро

Мне снилось, что я плыву в очень тёплой морской воде. Волны омывают тело, инстинктивно вынуждая его выгибаться. Я стонала, наслаждаясь своим заплывом. Казалась, это было чувство невесомости, позволявшее мне расслабиться и забыться.

Лёгкий ветерок дул в лицо, заставляя меня улыбаться. Сквозь дымку сна слышала шёпот:

– Шарлотта, кончи для меня...

Выгнулась дугой и почувствовала, как глаза закрываются от эйфории.

– Молодец, девочка. Ты мне нравишься такая, – проурчали мне на ухо.

Нехотя открыла глаза и посмотрела на мужчину. Он лежал полностью нагой, облокотившись на локоть.

Черты его лица разгладились, и он выглядел, как нормальный мужчина. Он не причинил мне боли, не разбудил жёстким трахом... Он подарил наслаждение, когда я спала.

Боже, какая же неловкая ситуация. Я быстро закрыла глаза. Чёрт. Такого никогда не было. Нежности. Отдачи. Желания.

Почему я смущаюсь? Так и хочется зарыться под одеяло, спрятать пунцовое сонное лицо.

Мужчина хрипло рассмеялся.

– Ты сейчас похожа на воробушка. Съёжилась и не знаешь куда деться. Расслабься, Шелли. Я не кусаюсь.

Улыбнулась.

Его губы коснулись моего соска, и я втянула воздух от приятного ощущения. Его ладонь гладила мой живот.

Ксавье поцеловал меня в шею и отстранился.

– Мне нужно уехать по делам. У тебя есть часа три-четыре в распоряжении. Можешь съездить к брату. Ближе к полудню, мы вернёмся в особняк.

Особняк... Как бордель не обзывай, он останется местом жительства шлюх. Спасибо, что напомнил о том, кем я являюсь. Спасибо, что уничтожил надежду, пока она окончательно не проросла.

– Спасибо. За брата, – вслух проговорила я.

Он, молча, кивнул и встал с постели. Я наблюдала, как он одевается: сначала трусы, потом брюки, затем застёгивает голубую рубашку. Как защёлкивает швейцарские часы на левом запястье, как распыляет свой парфюм на шею и волосы.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Будь здесь в четыре.

Когда он ушёл, я не удержалась и расплакалась. Как же мне всё надоело. Слезы, эмоции, жизнь...

Сползла с кровати, сходила, умылась и стала собираться. За полчаса привела себя в порядок. Посмотрела на себя в зеркало. Интересно, по отражению видно, что я изменилась? Не думаю... Что сказать маме насчёт моего приезда? Хмыкнула. А она вообще задаст такой вопрос или, молча, возьмёт предложенные деньги?

Горько вздохнув, накинула на себя куртку и, закрыв дверь, направилась к лифту.

Час спустя

Я провела рукой по двери в квартиру матери. Сердце сжалось от чувства отчаяния. Как там Арман?

Как сама она? Что скажет, когда увидит? Обнимет ли? Поцелует ли?

Собралась с силами и постучала. Я ждала около пяти минут, прежде чем открылась дверь.

– Шелли?

Я стояла и смотрела на свою мать, не веря глазам. Она не была той затухшей женщиной, которую я оставила с братом. Нет, сейчас передо мной была красивая, ухоженная дама в недешевой одежде. Красное платье облегалo каждый сантиметр её кожи. Чёрные волосы струились по плечам, завиваясь на концах.

Глаза подведены чёрной подводкой.

Ко мне подкралось подозрение. Откуда деньги? Если от меня, то, как же Арман?

– Не ожидала меня увидеть, мама? – выдавила я, сдерживая слёзы.

Жаннет улыбнулась. Было видно, что она не ждала меня и чувствует себя не комфортно.

– Не думала, что ты приедешь. Тебя не было... полгода?

Его бормотание меня разозлило.

– Так я могу зайти домой? – вздёрнула бровь.

Мне хотелось уйти отсюда и не возвращаться.

– Конечно, – мама улыбнулась и позволила мне пройти.

В квартире ничего не изменилось. Всё те же обои, предметы обихода, тот же запах... Почему-то я почувствовала омерзение от этого места. Повела плечом и прошла в комнату. Арман сидел в кресле и, как обычно, смотрел мультфильмы. Волосы взъерошены, во взгляде пустота.

Я подошла к брату.

– Привет, малыш. Как твои дела? – всхлипнула, не получив ответ.

Боже, как же я его люблю, как же соскучилась... И от понимания, что он будет в таком состоянии до конца жизни, заставляло страдать и его, и меня.

– Смотришь «Том и Джерри»?

Арман что-то пролопотал. Я поцеловала его в щеку, обняла. Вытерла выступившие слёзы.

– Я соскучилась братик, сильно...

Вышла из комнаты и пошла на кухню. К матери.

– Откуда у тебя деньги на одежду? – прямо спросила я.

Жаннет поджала губы.

– Шелли, я ведь женщина... Мне нужно чувствовать себя красивой.

– Я пожертвовала стольким ради вас, а ты даже не можешь ничего сделать, даже пальцем пошевелить? Сколько ты потратила на себя? Я

прекрасно вижу, что твоё платье стоит достаточно и вряд ли ты купила себе одно. Мама... Ты законченная эгоистка.

Жаннет поднялась со стула.

– Не смей разговаривать со мной в таком тоне Шарлотта! – женщина пригрозила пальцем.

– В каком тоне, мама? – прошептала я, – я бросила учёбу, чтобы иметь возможность работать, как лошадь. Я голодала, экономила, поставила на себе крест, только, чтобы твоя душа была спокойна рядом с Арманом. А взамен, что получила? Лишь, я же женщина! – прокричала я. – А я что, не человек? Мне двадцать один год, а такое впечатление, что все сорок. Я стольким пожертвовала ради вас... Правильно, сказал Ксавье... Вы меня просто используете, а я, дура, продолжаю вас любить.

Мама зло выдохнула.

– Только ты у нас ангел, да? – процедила она сквозь зубы, – не тебе приходится заботиться о нём...

– Да и о нём я заботилась, пока не уехала, – перебила я, – а ты ходила и ныла.

– Я страдала!

Покачала головой.

– Да, только у тебя были проблемы, мир вертится только вокруг страдающей тебя. Мама, ты не представляешь, как мне сейчас противна.

Не удержалась. Слезы хлынули из глаз. Я продала своё тело, чтобы Арман жил, а она растрчивает то, что досталось мне, через боль и слёзы. Неизвестно, она вообще платила за лекарства или же тратила всё на себя. Мне было так обидно, что хотелось раскричаться.

– Шелли, я же должна как-то жить.

Посмотрела в пол. Рассудок явно сыграл с Жаннет злую шутку, раз она не признаёт очевидных вещей.

Выдохнула.

– Если хочешь одеваться, мама, так иди и работай.

Жаннет прикрыла рот рукой.

– Но...

– Я поищу сиделку. Буду сама ей платить, а так же каждый раз, когда нужна будет терапия, я требую чеки от покупки услуг и лекарств. Каждый месяц, я буду выделять, так же и немного денег на еду.

Мама молчала. По взгляду я поняла, что ей это не нравится. Да, мне тоже...

– Так ты согласна?

– Нет. Шелли, я не могу оставить Армана одного, с незнакомым человеком.

– Я готова оплачивать лечение, но не твои платья, украшения. Имей в виду, если откажешься, то я не буду помогать деньгами.

– Хорошо, – буркнула мама.

Такое впечатление, что она делает мне одолжение. Господи, как же я устала от всего этого.

Я попрощалась с Арманом и ушла из квартиры, даже не посмотрев на родителя.

Горло было сухим, от не пролитых эмоций. Вот как я найму сиделку? Как смогу контролировать финансы? Как? Броситься к Ксавье и плакать в жилетку, умоляя помочь? Я не хочу его просить об этом, не могу... Но и другого выхода тоже нет. Он платит мне деньги, он может ими и распорядиться.

Чёрт, как же тяжело... Почему, я всегда слепо смотрела на свою семью? Из-за нехватки любви и тепла? Из-за желания доказать что-то родителям? Просто помочь любимому брату? Но почему всё делаю я? Ни отец, ни мать, а я? Разве это честно, свались всё на свою дочь, только, чтобы самим отвязаться.

Идя по знакомым улицам, я глотала слёзы обиды. Я не знала, как быть, как вообще с этим жить? И почему я терпела это. Мне до скрежета зубов хотелось материнской любви, но ей от меня нужны были деньги. Она моя мать, но я не могу побороть прорастающее во мне отвращение.

Я не достойна такого отношения. Теперь я это понимаю. И как ни странно, благодаря Ксавье.

Глава 10

Две недели спустя, Амьен

За окном шёл дождь. Такой родной и такой чужой одновременно. Будто бы смывал грязь с этой земли. Только звук капающей воды раздавался в доме Ксавье. Стояла глубокая ночь, все девушки или спали, или были заняты с клиентами. Ксавье мирно посапывал в постели, а я... Стояла у окна и думала.

Ровно две недели прошло с того памятного дня в Париже. Тогда мне казалось, что многое изменилось, что он изменился. И, в какой-то степени, это правда. Но нельзя угодить человеку на сто процентов. Всегда есть то, что не нравится. Ксавье был внимателен, даже нежен. В постели он уже не был жестоким ублюдком. Мужчина продолжал контролировать меня, одевать, говорить, что есть и как... Такое впечатление, что старая игра ему надоела, и он перешёл к новой, где я в роли куклы.

Собственно, мало, что поменялось. Ксавье продолжал меня третировать, но уже не так жёстко. Мне нравилось быть рядом. Но обычно мы просто слушали тишину. Он не рассказывал мне ничего, и мне нечего было ему поведать. Только постель нас сближала. Только секс заставлял нас выплёскивать эмоции.

Я не хотела чувствовать то, что чувствую. Но чем сильнее проявлялось равнодушие Делакура, тем отчётливее кровоточило сердце.

Стук капель по крыше завораживал, наталкивал на мысли. О жизни, о семье, о будущем. После разговора с матерью, мне было настолько паршиво, что не хотелось даже помогать ей. Но чувство ответственности за жизнь брата взяло вверх. Я попросила Ксавье как-то уладить финансовые поступления к Жаннет. Я помню его взгляд... Полный жалости. Никогда не забуду ощущение никчёмности. Но разве любовь к семье – это что-то неземное? Мужчина только спросил, уверена ли я в принятом решении. Да, на сто процентов.

Ксавье нашёл сиделку брату, которая в свою очередь отчитывалась передо мной. Мы созванивались раз в три дня. Маргрет, так зовут медицинскую сестру, рассказывала про Армана, про лекарства. Она

собственно их и покупала, и предоставляла необходимые чеки. Мать так и не нашла работу, по словам Маргрет, и постоянно где-то пропадала. Подозреваю, у своего ухажёра. Мне было противно думать об эгоизме этой женщины. Но родителей не выбирают. Я была спокойна за Армана, а на Жаннет мне было уже всё равно. Я не перестала её любить, но потеряла всё уважение, как к человеку. Несомненно, я думала и об отце, о котором слышно не было уже очень долго. Когда, Ксавье говорил, что добродушие пагубно влияет на меня, я полностью с ним соглашалась. Раньше я просто бы закрыла уши. Ведь для меня всю жизнь, семья была святыней. И когда лоб в лоб сталкиваешься с реальностью, кажется, что весь мир содрогнулся под натиском землетрясения.

– Иди в постель, Шелли. Замёрзнешь.

Я услышала хриплый голос Делакруа.

– Сейчас, – тихо ответила ему.

Дождь продолжал поливать землю, а я грустно улыбнувшись, возвратилась в кровать. Ксавье обнял меня и вновь погрузился в сон.

Лежала и смотрела в потолок. Блики играли на нем, создавая разные узоры. После маскарада, меня встретили в доме мягко сказать грубо. Девочки буквально убивали меня взглядами. Мари цедила слова сквозь зубы, просверливая во мне дыру размером с американский каньон. В общем, ситуация накалилась и мне было страшно оставаться с кем-то из них наедине. И хоть, Роже приказал им прекратить нападки, они не прекращали пакостить. Я жила будто в клетке. И клеткой с прутьями, было не это ужасное место, а моя жизнь. Негоже думать о смерти, как об освобождении. Я не одобряю, но и мысли не могу выкинуть из головы. Редко, но мелькает вопрос: «А что будет, если всё закончить»?

Ничего. Пустота. Отрешение.

Устроилась удобнее и закрыла глаза. Завтра, а точнее уже сегодня, меня ожидает ещё один тяжёлый день.

* * *

Утро выдалось прекрасным. Ксавье разбудил меня нежными поцелуями, которые стремительно переросли в бушующую страсть.

После бодрящего секса, я лежала в постели и улыбалась, наблюдая, как Делакруа одевается.

– Я уезжаю, Шелли. На неделю, может на две, – голубые глаза внимательно следили за моей реакцией.

Я не хотела показывать, что меня это расстроило, но, вероятно, не получилось. Это выразительно отразилось в удовлетворительной улыбке на лице мужчины. Она преображала его, делала настолько обаятельным, что было больно смотреть. Одна на целую неделю... А может и две... В этом рассаднике стервятниц. В горле пересохло от страха и собственной беспомощности перед кучкой озлобленных девиц.

– Хорошо, – тихо прохрипела я, – Удачной поездки.

Ксавье затянул тёмно-красный галстук на шее и подошёл к кровати. Сел на край и коснулся ладонью моей щеки.

– Всё будет хорошо, Шелли. Я быстро вернусь, не успеешь и оглянуться.

От нежности, на глаза навернулись слёзы. Я не хотела признаваться в страхах. А ещё до боли боялась раскрыть свою влюблённость. Он же просто засмеёт или, выкинет меня, словно надоевшую рубашку.

– Мне не нравится это место, вот и всё...

– Надеюсь, скоро ты переедешь отсюда, – загадочно улыбнулся Делакруа.

Что это значит? До конца моего контракта оставалось несколько месяцев, а если точно, пять. Но это не очень скоро... Да, я и не представляла, как буду без него. Как можно от ненависти перейти к любви. Из-за двух недель? Боже, как я презирала себя за чувства. Ведь я одна буду мучиться, одна буду страдать, одна буду молить о его прикосновениях...

– Что ты имеешь в виду? – спросила его.

– Только то, что сказал. – Ксавье встал с кровати, – Я велел Мари принести тебе завтрак.

– Надеюсь, мышьяка там не будет, – пробормотала я.

Делакруа хмыкнул.

– Не переживай по этому поводу. Если хоть одна из шлюх тебя обидит, скажи мне. Они знают, чем для них это обернется.

Будто я сразу побегу к телефону, чтобы пожаловаться... Как ребёнок. Неужели он думает, что я опущусь до этого?

– И не думай молчать, – предупреждающе прошипел он, – По твоему лицу всё видно. Я знаю, какими изощрёнными могут быть женщины. А ты... Ты мягкая, не такая, как эти... Ты меня поняла, Шарлотта?

Опустила глаза.

– Да, – буркнула я.

Прямо всевидящее око, ничего скрыть нельзя, да и не получается.

Мужчина наклонился и поцеловал меня в губы.

Усмехнулся.

– Буду ждать нашей встречи.

– И я...

Ксавье бросил на меня последний взгляд и ушёл. Когда дверь за ним захлопнулась, закуталась в одеяло. Что же будет? А главное, как я смогу им противостоять?

Не знаю, сколько я нежилась в простынях, но как только решила подняться, раздался стук в дверь. Она распахнулась и в комнату вплыла на высоченных каблуках Мари. Волосы были убраны в высокий хвост, лицо наштукатурено по высшему классу, в ушах болтались серьги-кольца, а грудь по обыкновению норовила выпрыгнуть из маленького алого топа.

Натянутая улыбка, сдвинутые русые брови, напряженное тело...

«Мари, мне тоже не нравится положение дел. Представляю, как бесишься ты... И мне доставляет это наслаждение».

В руках женщины был позолоченный поднос, на котором расположилась тарелка с завтраком. Мне правда, было страшно есть его... Не дай Бог добавили туда чего-нибудь.

– Доброе утро, – почти рыкнула она.

– И тебе, – как можно равнодушнее произнесла я.

Мари поставила поднос на стол и подошла к подножью постели.

Скрестила на груди руки и пристально на меня посмотрела.

– И что он в тебе нашёл...

– Повторяешься, Мари, – скучающе перебила её, – Помнится, ты не раз рассуждала на тему «ни кожи, ни рожи».

– Ещё раз послушаешь! – рявкнула блондинка, – Нам запрещено многое в отношении тебя, но... Никто не застрахован от некоторых

обстоятельств.

Мари победно улыбнулась. Она надеется меня запугать. Я и так, до смерти напуганная перспективе жить в осином гнезде.

– Некоторые обстоятельства? Ты что, в чай мне пургена подсыпала? – фыркнула я.

– Спасибо за идею, Шарлотта.

Вздёрнула подбородок, развернулась и, виляя попой, удалилась.

Выдохнула воздух. Нельзя сказать, что она – самая злобная из них, но по части хитрости... Первый класс. Она может придумать что-то. Только что?

Прикрыла глаза и дала себе наставление: делать свои повседневные дела и не обращать внимание.

С таким настроем, приняла душ, позавтракала, оделась в лёгкое платье, прибралась в комнате.

Посмотрела на часы. Двенадцать часов дня. Чем занять себя? На улице погода пасмурная, компьютер в гостинной... Есть совсем не хочется. И выходить собственно, тоже. Решила почитать. Книга убьёт время и поможет абстрагироваться от реальности.

Я подошла к книжному стеллажу и провела пальцами по корешкам. Ксавье любил английскую литературу. Иногда мы говорили о некоторых книгах. Это время бесценно, хоть и быстротечно.

Я остановилась на своей тезке Шарлотте Бронте. «Джен Эйр» великое произведение, о большой любви. В этом романе есть всё: и боль, и отчаяние, и любовь... Не раз прочитанная история, вовлекала в свой мир с головой, заставляя сопереживать Джен, радоваться вместе с ней, любить...

Мне кажется, что такой любви, как у героев романа, ни у кого нет. Они её буквально выстрадали. Я всегда плачу, когда дочитываю роман. Ведь, чтобы прийти к счастливому концу, нужно хлебнуть немало дёгтя.

Открыла первую страницу и погрузилась в мир мисс Бронте.

Неделю спустя

Эту ночь я провела на дереве. Странно звучит, невероятно. Мои ноги затекли, а руки истерзаны занозами.

Девочки меня довели. Я не могла находиться с ними в одном доме, дышать одним воздухом, ходить по одному полу... В первые дни

после отъезда Ксавье, всё было тихо-мирно. Все обходили меня стороной, язвили, бросали колкие фразы. Петра же не стеснялась в выражениях и обливала грязью. К этому всему, я привыкла ещё несколько месяцев назад.

Но потом началось... Видимо, Мари придумала план и начала его воплощать в жизнь. Сначала всё было по мелочи. Вода в душе резко становилась, то ледяной, то огненной, вместо соли был сахар, в шкафу висели грязные вещи. Я молчала, терпела. Думала, наиграются и успокоятся. Но они решили, что этого недостаточно. Глупые подставы, издевательства девочек не устраивали.

Вчера вечером они довели меня до слёз.

День начинался как обычно. Встала, позавтракала, переделалась и пошла гулять. Когда пришла, телефонные провода были перерезаны, в мобильнике не было подзарядки, лампочки в люстре выкручены. А вчера я должна была созвониться с сиделкой. Хотела спросить, как там брат. Но эти стервы не позволили мне этого. Я не могла позвонить ни Ксавье, ни домой. И сидела в темноте на постели, слушая завывания ветра за окном.

Ночью же, началось все самое интересное.

Петра с очередным мужиком завалились в нашу с Роже спальню. Мне пришлось тихо проскочить и встать вплотную к балконной двери за шторами. В клиенте я узнала Ремингтона Моранси. Петра расстегнула его брюки, спустилась на колени и мастерски стала орудовать ртом. Я даже вспоминать не хочу. Не думала, что блондин опуститься до шлюх. Но для чего Петра устроила это секс-представление? Но на этом «цирк» не закончился. Девушка, оторвавшись от члена Реми, посмотрела прямо туда, где я стояла.

– Ты бы хотел поиметь шлюху Делакруа? – томный голосом спросила она.

Ремингтон хрипло рассмеялся.

– Сразу две? Мне это нравится...

– Шарлотта! Присоединяйся!

Я стояла неподвижно, словно статуя.

– Видимо, ты не в её вкусе, – вздохнула Петра.

– Мне плевать.

Не дожидаясь реплик со стороны Реми и Петры, я выбежала из комнаты и под дружный смех стрелой вылетела из дома. Я бежала

босиком к любимому дереву, на ходу растирая слёзы по щекам.

И сейчас, наблюдая за восходом солнца, не чувствовала присущую мне поэтичность.

Не могла позвонить Ксавье, не могла дать отпор этим стервам, не могла постоять за себя. Их много, а я одна... Я не подлая, не злая. Но так хочется стать такой хотя бы на несколько часов. Ответить этим сучкам и стать собой. Не хотела возвращаться в дом. На моей постели, вероятно, трахались до потери сознания.

Я замёрзла, была голодна и всё же, лучше здесь, нежели там.

Спустилась с дерева и села на сырую землю. Облокотилась на ствол и прикрыла глаза. Когда же приедет Ксавье?

– Это ведь ты, Шарлотта?

Я подняла глаза и замерла, увидев над собой улыбающееся лицо Реми. Чёрт возьми!

– А это имеет значение?

Мужчина пристально на меня смотрел. Улыбка замерла на его губах.

– Эжени? – прохрипел он.

Сглотнула. Мне резко поплохело. Узнал-таки...

Я встала на ноги и отряхнулась. Казалось, губы посинели от холода. По крайней мере, всё ещё могли шевелиться...

– Вы обознались, месье, – проговорила я дрожащим голосом.

Реми взял меня за подбородок и приблизил ко мне своё лицо.

– Точно. Это ты. Губы, овал лица, и эта маленькая родинка над левой бровью... Теперь понятно, почему, этот ублюдок, набросился на меня.

– Отпустите меня, – пискнула я, пытаюсь выбраться.

– Да, конечно, как только...

Он не закончил предложение, так как его язык скользнул мне в рот. Он поглаживал, успокаивал и вызывал во мне рой противоречивых эмоций. Мне было неприятны его прикосновения не только из-за того, что я любила Ксавье, но и из-за того, что блондин всю ночь трахался с Петрой на моей постели.

Люблю Ксавье. В первый раз чётко оформленные чувства будто столкнули с обрыва.

Я не отвечала на поцелуй Моранси, не двигалась. Он отстранился.

– Шелли. Тебе это имя подходил больше. Нежная, сладкая, милая...

– Месье Моранси, не думаю, что есть прок от ваших действий. Не нужно больше меня целовать. Это неправильно и неприятно.

Реми вздёрнул бровь.

– А Делакруа неплохо тебя окрутил. Он не стоит тебя, девочка.

Сжала губы.

– Как будто это имеет значение, – прошептала я, – Что Вы тут забыли, помимо утоления похоти?

Ремингтон рассмеялся.

– Не поверишь, но я искал тебя.

И всё? Искал меня? Зачем? Мы оба знаем, что у него с Делакруа свои тёрки. В этом нет никакого смысла.

Усталость навалилась мгновенно. Пошатнулась и начала оседать. Почему так холодно и ноги трясутся...

– Боже, да ты вся ледяная, – прорычал мужчина, – Ты что, тут всю ночь провела? Додумалась же...

Он подхватил меня на руки. Казалось, стук моих зубов слышен по всей округе. Когда зашли в дом, меня сразу же укутали в тёплый плед. Реми раздавал указания, и как ни странно все его слушались и бегали, словно марионетки. Несмотря на большое желание спать, старалась держать глаза раскрытыми. Слышала, как Мари и Петра ругаются.

– Тебе нужно согреться. Так что, или ванна или тело, – проговорил мне Моранси.

– В-ванн-а, – сквозь стук зубов выдавила я.

Ещё не хватало, чтоб он со мной спал... Нужно будет обо всё рассказать Ксавье. Особенно, про этого блондина.

Мне набрали тёплую ванну и я, раздевшись, кое-как в неё забралась. Блаженство наполнило меня с ног до головы. Как же хорошо! Радость в мелочах. Она такая зыбкая, но такая желанная. Зубы перестали стучать, сразу же стала чувствовать себя намного лучше. Непрошенные мысли, заполонили голову. Во-первых, нужно срочно позвонить Ксавье. Я расскажу только про Моранси. И пусть сам решает, что с этим делать. Во-вторых, нужно как-то прекратить нападки женщин. Без помощи Хозяина. Не хочу быть пустым местом, но именно так чувствую себя здесь, и они это прекрасно знают. И что-

то подсказывает представление с телефонами в нашей с Ксавье комнате, только вершина айсберга.

Когда вода остыла, я поднялась и почувствовала лёгкое головокружение. Живот заурчал, напоминая мне о том, что не ела я уже давно.

Вытерлась полотенцем и вышла из ванны. На кровати сидел Реми в расстёгнутой белой рубашке. Увидела золотую цепь на шее и какую-то татуировку на груди. Он, не стесняясь, разглядывал меня.

– Чтож, должен отдать Делакруа должное, вкус у него есть.

Мне стало неуютно в его присутствии. Я была только в полотенце, а мужчина с вожделением смотрел на меня. Что он задумал?

– Что ты тут делаешь? – выдавила из себя.

Реми раскинул руки.

– Может же богатый мужчина позволить себе снять девушку. Тем более, когда есть знакомый, владеющий таким заведением.

– Неужели попасть в логово к врагу настолько заманчиво? – вкрадчиво спросила я.

Блондин встал с кровати и подошёл ко мне. Высокий, красивый, с чарующей улыбкой... Может ли такой мужчина искать нежности в объятиях шлюхи? Определённо нет. На такого спрос большой.

– Умная и милая. Не понимаю, зачем ты этому эгоисту? Он же об тебя ноги вытрет и пойдёт дальше. Сломает и будет наслаждаться. Шарлотта, поехали со мной. Я о тебе позабочусь. Не стоит тебе встречать в наши распри. Поверь, ничем хорошим они никогда не заканчивались.

Улыбка померкла на его губах. Вспомнил свою любимую... Я понимаю, что и он тоже использует меня, дабы насолить Делакруа. Но моё сердце кричало, что не могу я бросить того, кого люблю. Хоть чувства и не взаимны. Прошло так мало времени, а я скучала по Ксавье, как ненормальная. Нет, до конца контракта я буду здесь. А дальше, время покажет. Но мне очень хочется, чтобы и у моего Хозяина хоть что-то ко мне было. Иначе, как и сказал Моранси, он меня ломает.

– Верю, – тихо прошептала я, – Но не могу принять твоё приглашение.

Реми рукой провёл по подбородку.

– Чёрт. Не думал, что ты в него влюблена.

Опустила глаза.

– Вот моя визитка, – он протянул мне карточку, – Ты всегда можешь мне позвонить. Когда ты наскучишь этому подонку, знай, что я смогу тебе помочь.

Я ему не верила. Он, как и многие преследует свои цели. Но его забота была приятна.

– Спасибо. Дай пожалуйста позвонить, а то эти... Обрезали все провода и мой мобильник неожиданно сдох.

Ремингтон рассмеялся и достал из кармана брюк смартфон.

– Хочешь позвонить ему? – нахмурился мужчина.

Прикусила губу.

– Это не самая хорошая мысль. Расскажу, когда он приедет. Мне нужно позвонить домой...

Я видела, как блондин расслабился. Невольно хмыкнула.

Набрала заученный наизусть номер и стала ждать. Сиделка ответила почти мгновенно. Состояние Армана не улучшилось, а наоборот стало только хуже. Лекарства уже не помогали и нужно очередное обследование. Как сказала женщина, или назначат другой препарат или же... Я не хотела думать о смерти брата. Это слишком больно, слишком страшно. Так же узнала про мать. Она нашла работу в каком-то баре и зависает там. Что-то подсказывает мне, что далеко она не работает. Фыркнула в трубку. Поблагодарила Мэгги и выключила телефон. Протянула его Моранси.

– Спасибо.

– Без проблем, Шелли. Мне уже нужно ехать. Обязательно поешь и ложись спать, – его губы растянулись в улыбке, – Буду ждать твоего звонка столько, сколько потребуется.

Не позволив мне сказать, прильнул к губам и нежно поцеловал.

Я оттолкнула его руками и вытерла губы.

– Просила же так не делать. До свидания, месье Моранси.

Отвернулась к окну и стала ждать пока мужчина уйдёт. Когда дверь захлопнулась, вздохнула с облегчением. Наконец-то.

Я сдёрнула с себя полотенце и быстро надела пижаму персикового цвета. Полчаса меняла постельное бельё. Потом раскрыла балкон и пошла на кухню. Нужно покушать и ложиться спать.

Порывшись в холодильнике, достала яйца, овощи и молоко. Быстро обжарила цуккини и помидор, смешала яйца с молоком.

Приготовила, переложила в тарелку, взяла приборы и села за стол.

– И как тебе ночка на улице?

Я не стала оборачиваться и как-то реагировать на ехидный голос Петры. Просто продолжила трапезу.

– Решила игнорировать? Чтож, посмотрим, как ты завтра запляшешь, – хмыкнула она.

– Смеётся тот, кто смеётся последним. Когда я расскажу обо всём Ксавье, как думаешь, что будет? – равнодушно пожала плечами.

– Ты не скажешь, – уверенно заявила та.

– Откуда ты знаешь? Вы лишили меня телефона, но ведь Хозяин и так скоро вернётся. Так что, мне реально вас всех жаль. Наверное, обслуживать клиентов сверх меры и бесплатно это невыносимо...

– Чтоб ты сдохла! – прокричала, вылетела из кухни, хлопая дверью.

Правильно, один воздух на двоих это слишком расточительно.

Я доела омлет, помыла посуду и направилась обратно к себе в комнату. Немного почитала, перед тем, как окунуться в блаженный тёплый сон.

Глава 11

*«Всю жизнь я защищал что-то или кого-то.
Это давало мне чувство значимости.»*

© Фрэнк Слэйд

Что такое блаженное неведение? Спокойствие? Блажь? Снисхождение? Я иду по пустынному пляжу, на встречу урагану. Деревья падают на землю и слышен вой стихии. В голове стучит навязчивая идея побежать в воду, погрузиться в неё с головой, проснуться...

– Шарлотта!

Я резко открыла глаза от настойчивых толканий Терри. Она смотрела на меня из-под огромного синяка в половину лица.

Поднялась и опёрлась на локти.

– Боже! – выдохнула я, – Ты... Тебе снова подсунули мазохиста?

Тереза пожала плечами. В её бирюзовых глазах стояли слёзы.

– Когда нет выхода, и не на такое пойдёшь, не так ли? – дрожащим голосом проговорила она.

Её светлые волосы цвета пророщенной пшеницы были убраны в низкий хвост, кожа казалась ещё бледнее, чем была. Было невооруженным глазом видно, что девушка сильно исхудала.

– Всегда есть выход, Терри, только вот с деньгами напряг, – покачала головой, – хочешь, ложись ко мне.

Девушка замаялась, но всё же, забралась ко мне под одеяло.

– Сколько сейчас времени? – спросила её.

– Девять часов. Ты долго проспала, да и я тоже.

Взяла её за руку.

– Почему ты здесь? Почему терпишь это?

– У каждого из нас есть цели, но нет средств, для их достижения.

Ты правильно сделала акцент на деньгах, – горько усмехнулась она, – в моём случае это, действительно, так. Эти зелёные черти решают всё и для некоторых являются чем-то вроде наркотика. Мой отец проиграл очень большую сумму денег и умер. А так как больше у него родственников не было, долг повесили на меня. А там даже не сто и не

двести тысяч евро, Шарлотта. Гораздо больше. А как я могу их выплатить? Или меня убьют, или... В общем, мне предложили отработать здесь. Приходится каждый раз стискивать зубы и считать, сколько до погашения чёртового долга осталось. Ещё несколько лет и... Смогу выбраться отсюда и жить своей жизнью. Клиенты с наклонностями платят больше. Так как причиняют физическую боль. Так что... Терпение – моя участь.

Я слушала в полном оцепенении.

– Родителей не выбирают, – прошептала я, – И сколько тебе осталось? Если не секрет?

Терри фыркнула.

– Да нет, не тайна. Ещё триста тысяч. Как раз лет пять работы и всё.

Пять лет? Ещё? Сколько же она тут?

– Я тут четыре года. Попала сюда в семнадцать лет. Даже школу не закончила, – понуро разъяснила Терри, – Так что шлюха-неуч, вероятно, тут эксклюзив.

– У тебя не было выбора, – поддержала я, – Не то, что у меня.

– Ты спишь только с Хозяином, смысл жаловаться, – с горечью пробормотала она, – Всё же есть толика зависти. В таком месте грех не стать сучкой, когда живёшь в рассаднике стерв. Я видела, как они строят тебе козни, завидуя. Сили, к примеру, налюбоваться на себя не может. Мол, Делакруа выбрал не ее, а когда к ней присоединяется Петра, то они чуть ли волосы на себе не рвут. И вот тогда возникает Мари и начинает петь песенку, что кто и будет под ним, так это она. Опыт и всё-такое...

Тереза хрипло рассмеялась.

– Я молчу, обычно поддакиваю. Ни к чему встречать с ними в распри. Мне мужланов с плётками достаточно.

– Я бы хотела тебе помочь, – тихо произнесла я, – Только вот самой деньги нужны позарез.

Не стала говорить об Армане, хоть и хотелось выговориться... Но не могла переселить себя. Для меня доверие это нечто большее. Оно не может появиться после одной исповеди. Как бы я этого не желала.

– Всем они нужны. Тот блондин уехал, как только принёс тебя в дом. О нём столько разговоров. Собственно, зачем я и пришла, – девушка запнулась, – эти сучки что-то готовят против тебя. Говорят,

мол, как только Хозяин узнает о твоих похождениях, то сразу же вышвырнет.

Выдохнула.

– Знаешь, я не удивлена.

Мы обе рассмеялась.

– А у тебя есть родные?

– Да. Родители и брат. Все живы. Родители в разводе. Мама живёт с братом, но там всё сложно... В общем, разочаровалась я в них, как в людях. Звоню периодически.

– А зачем...

– Терри, я очень симпатизирую тебе. Поверь... Но о моей проблеме знает только Ксавье. Рассказала бы, но он просил не раскрывать рта, для моего же блага.

Ложь лилась изо рта виртуозно. Так будет спокойнее мне. Я буду знать, что никто не узнает о брате. В конце концов, у многих тут проблемы серьезнее. Та же, Терри... Торгует телом, чтобы расплатиться за отца. И почему дети должны отвечать за грехи родителей?

– Я бы хотела, чтобы и у меня был такой покровитель, – вздохнула Терри.

Подняла руку и коснулась её волос.

– Можешь мне поверить на слово, не всё так радужно. Далеко не всё...

Мы проболтали всю ночь. Терри принесла с кухни вкусностей, и мы просто общались. Мне этого не хватало. Простого общения. Обсуждения фильмов, книг, музыки. Социальная среда делает из нас людей. Это верно, хотя применимо не для всех. Например, из Сильвии и Петры, она делает озлобленных павлинов. Так их обозвала моя бывшая соседка. Так же, я узнала, о её клиентах, их предпочтениях. Для меня подобный вид секса стал шокирующим. Я не понимала, как может кому-то нравится боль. Нет, я знаю про БДСМ, но там боль граничит с наслаждением. А мужики Терезы любили именно бить, оставлять синяки, кровоподтёки. А однажды ей даже руку сломали.

После её рассказов, мне хотелось поговорить с Ксавье. Как так можно обращаться с девушками? Пусть даже и за деньги? Но для Терри потеря одного клиента была равносильна смерти. Она просила даже не заикаться об этом. Я её понимаю, хоть и страшно представить

всю её жизнь. Будучи в школе её огорошили смертью отца, потом заявили в дом громилы. Ей угрожали, забрали всё имущество, но и этого не хватило для погашения долга... И тут, она встречает, Маркоса. Он её сводит с Ксавье и понеслась раздольная сексуальная жизнь...

С Терри мы просидели до поздней ночи, после чего и уснули в одной кровати. Помню, раньше Арман забирался ко мне с книжкой сказок и просил почитать. Незабываемые моменты всегда отпечатываются в нашем сердце. Я буду помнить и этот. Не каждый день проводишь время в компании весёлой девушки. Поражаюсь... Как можно оставаться настолько оптимистичной при таких обстоятельствах. Это ведь нереально!

Нас разбудило яркое солнце и стук в дверь. Тереза спала рядом, стянув с меня всё одеяло. Улыбнулась. Я тоже мёрзну, но не до такой степени.

– Да, – крикнула я тому, кто пытался открыть дверь.

Я её ночью на ключ заперла. Поняла, что реально так и надо делать. Чтобы никто не заходил.

– Шарлотта! Открой немедленно! – провизжала Мари.

Терри перевернулась и сонно открыла глаза.

– Фурии в сборе, – прохрипела она, – Видимо, мётлы и скупы тут забыли. Упс, – глупо хихикнула Тереза, – Тогда они ведьмы на помеле. Как тебе?

Я звонко рассмеялась.

– Полностью согласна.

– Тереза?! А ну быстро открыли дверь! Или я...

– Или что? – перебила её.

Я слышала, как Мари ударила, дверь ногой. Беситься. Но мне тоже надоело это всё. Мало того, издеваются, так ещё и не дают поспать.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать! – орала она.

– Боже, как же хочется выдернуть ей волосы, – прошептала я.

– А что мешает, – спросила Терри.

– Страх. Их много, мне уж точно не выстоять.

Девушка вздохнула.

– Если что, помогу. Хоть и у самой поджилки трясутся.

С благодарностью посмотрела на неё. Поддержка. Она нужна всем. Независимо кем ты являешься в этой жизни. Каждый человек

хочет помощи, участия, сочувствия. И я не была исключением.

– Нам ведь всё равно придётся выйти отсюда? И они так и так накинутся. Так уж лучше это сделать после того, как освежимся, – Терри мило улыбнулась.

Я кивнула в знак согласия.

– То, что нужно, – усмехнулась и прокричала, – Мари, я в душ и выйду. Тебе в этой комнате делать нечего!

Гневные ругательства раздались за дверью. Я посмеялась и побежала в ванну. Утро однозначно задалось. Надеюсь, и день будет интересным и забавным. У меня давно не было подруги. В школе я дружила с одной девушкой, пока её парень не стал до меня домогаться. Подружка стала врагом, а я стала в школе изгоем. В университете так и не удалось с кем-то сойтись настолько близко. Проблемы обрушились на меня, как снежный ком. И сейчас было светло на душе, потому что элементарно могу с кем-то побыть собой... Не притворяться, хоть и не быть до конца искренней. Я улыбалась, напевая, стоя под прохладными струями воды.

Примерно через час, мы с Терезой вышли из комнаты. На удивление в доме царила тишина. Затишье перед бурей? Это ведь должно что-то значить?

– На кухню?

– Ага, – кивнула я Терри, – Что-то мне не нравится это.

Девушка фыркнула.

– А должно? Эти стервы, явно что-то задумали...

– Тереза. С каких это пор ты стала общаться с этой...подстилкой?

К нам вышла Сильвия. Да ну? Дубль два? Серьёзно? Она издевается.

– Можно подумать ты, агнец божий, – процедила я сквозь зубы.

За спиной Сили возникли Петра, Мари, Даниэлла и Кристина. Две последние, как сторожевые овчарки следовали на зов. Они были красивыми девушками с экзотической внешностью. Из-за этого они тоже, как и многие здесь были заняты с клиентами. Некоторые приезжали несколько раз в неделю и оплачивали целый день в их обществе.

– Негоже хамить Шарлотта, – пролепетала Мари, подходя ко мне.

Её алый ноготь прошёлся по обнажённому участку моей кожи на шее. Слегка нажав, она сделала мне больно. Я сдержалась, чтобы не

выдать боли.

– Мари, не нужно...

– Тереза, замолчи, – прошипела Петра, – Эта гадина за всё заплатит.

– Маленькая злобная ведьма, – процедила я сквозь зубы, – или всё же фурия, а?

Петра рыкнула и попыталась отпихнуть руку Мари. Но наставница сама отошла в сторону и руки Петры вонзились в мои волосы.

– Ааааа! – закричала я, пытаюсь освободиться.

– Я тебя убью!

Петра опустила мою голову и двинула коленом прямо по лицу. Из глаз хлынули слёзы.

– Прекратите! – слышала я крик Терри. – Совсем из ума выжили?

Сначала я хотела дать отпор, хоть и не представляла как. В глазах рябило, руки, и ноги не слушались. Собственно, я не могла себя защитить. Не знаю, сколько я лежала на полу, сколько Петра и другие меня били. Знаю, что внезапно это прекратилось. Меня кто-то взял на руки и ушёл со мной куда-то.

Теряя сознание, чувствовала губы на лбу. Хотела улыбнуться, но даже на это не было сил.

* * *

В голове настойчиво играл барабан, целенаправленно отбивая незамысловатый ритм. Сквозь этот шум я слышала голоса двух мужчин. Один из них принадлежал Ксавье.

– Как она, Пьер?

– Месье Делакруа, у Вашей... девушки сильные ушибы. Ничего не сломано, что радует. Но лёгкое сотрясение головы всё же есть. Из-за этого её рвало. И вероятно, голова будет болеть довольно долго. Я выпишу Вам лекарства и инструкцию по применению. Постельный режим стабильно неделю, потом хорошо бы ещё раз мне показаться.

– Я бы хотел перевезти её в Париж.

– Ради Бога, только не забывайте про лекарства, – затараторил врач.

Открыла еле-еле глаза и посмотрела на потолок. Он расплывался, становясь одним пятном.

– Шелли...

Матрац рядом со мной прогнулся, и руки коснулась тёплая ладонь мужчины.

– Воды, – прохрипела я.

Безумно хотелось пить и казалось, что если немедленно этого не сделаю, то умру. А ещё эта мигрень...

Мне дали попить. А потом попросили выпить лекарство.

– Если оно от головной боли, то я тебя расцелую, – пробормотала я и проглотила.

Ксавье молчал. Казалось, напряжение, окутывает всё пространство.

В моих глазах уже просветлело, и я могла точно сказать, что мужчина злиться. Эта складка на лбу, тонкие губы в линию...

– Эта тварь едва ли не забила тебя до смерти, – прорычал он.

– Не забила же, – прошептала я, – Ты вернулся вовремя, Ксавье.

– Не достаточно, малышка, – он провёл пальцами по моим волосам. – Они конкретно оставили на тебе следы. И можешь поверить, они жалеют об этом больше, чем кто-либо сейчас.

– Терри, – выдавила я, – Она в этом не участвовала.

Ксавье улыбнулся.

– Знаю. Она пыталась тебя спасти и сама пострадала. Мари и остальные сейчас тоже испытывают боль. И так будет продолжаться месяц. У меня есть знакомые, которые любят поколотить женщин, самоутверждаясь при этом. Ублюдки те ещё, но для таких шлюх только такая управа и нужна.

Я испытала неприятное ощущение от того, что этих дур, сейчас общипывают как куриц.

Сказала это вслух?

– Я не ты, Шелли. Они виноваты и заплатят за это. Не забивай голову. Эти суки знали, на что подписывались.

Промолчала. Попыталась встать, но боль сковала мышцы и я всхлипнула.

– Чёрт, Шарлотта, не пытайся даже шевельнуться, – рявкнул Ксавье.

От его слов не выдержала и расплакалась.

– Всё, шшшшш, прости... Я так испугался за тебя, увидев на полу кровь, а ты в разорванной одежде, полностью...

Мужчина сглотнул.

– Я просто хочу в туалет, – прохныкала я.

Ксавье аккуратно меня приподнял и понёс в ванну. Усадил на унитаза.

– Отвернись, – попросила его.

Он закатил глаза.

– Ты кончала мне на язык, а сейчас стесняешься писать. Это мило. Нет, реально.

Я залилась румянцем. Мужчина всё же отвернулся, и я смогла опустошить свой мочевой пузырь.

– Можешь меня к зеркалу поднести? – тихо попросила его.

Ксавье, молча, выполнил мою просьбу. Ахнула, увидев синяки на лице, царапины от ногтей... Меня затошнило. Сейчас я была рада, что им достаётся намного хуже, чем мне. Я ведь их не трогала, стороной обходила, а они!

– Всё заживёт и пройдёт. Завтра мы переедем с тобой в Париж. Больше не оставляю тебя здесь. А сейчас, ложимся спать. Я двое суток глаз не смыкал. Торопился сюда, а потом изнывал от беспокойства за тебя.

– Спасибо, – прошептала я.

Мужчина хмыкнул и положил меня в постель. Разделся и лёг рядом. Смогла пристроить голову на его плече. Так приятно было ощущать его рядом. Я в безопасности. Теперь я точно в безопасности.

– Почему они напали на тебя? – внезапно спросил он.

– Из-за тебя. К слову, больше незачем, – устало объяснила ему, – Приезжал Моранси. Я застала их в нашей комнате за... Не думаю, что он был тут в надежде развлечься. Может, пытался что-то выведать.

– Или найти тебя, – прорычал Ксавье, – Он к тебе приставал?

– Поцеловал, но я оттолкнула...

– Завтра немедленно едем на квартиру. Я тебя больше тут не оставляю. А Моранси... Пусть ещё раз попробует сунуться!

Я погладила рукой по его животу, успокаивая. Обезболивающее подействовало, и я чувствовала себя человеком, хоть и побитым.

Чувствовала, как Ксавье кипит. Не лезла, просто лежала. Лекарства взяли своё и погрузили меня в крепкий сон. Говорят, он

излечивает... Что ж, посмотрим...

* * *

Утро вызвало у меня череду стонов. Несмотря на принятые лекарства, всё тело болело так, словно по нему катком проехали. Перевернулась на бок. Ксавье мирно спал, но видимо, и во сне о чём-то упорно думал, ибо хмурая морщинка на лбу никак не желала исчезать. В иной раз отметила, что мужчина был очень даже красивым. Хотя, для каждого это понятие различимо, так же как и вкусы. Некоторое время назад я не замечала за собой особенности вот так любоваться мужчиной. Особенно тем, из-за которого моя жизнь сделала двойное сальто вперёд.

Мне нравилась его двухдневная щетина, которая царапала мою кожу, нежно щекотя её и возбуждая. Нравились его синие глаза, которые при желании становились темнее... Да и вообще, сейчас мне в нём нравилось всё, кроме характера и непредсказуемости. Передо мной лежал человек, которого я любила и ненавидела. В один момент он был нежным и заботливым, в другой мог довести до слёз и причинить боль, как душевную, так и физическую. Неопределённость напрягала. Я не знала, как он отреагирует в следующий момент. И мне не нравилась эта игра в плётку и пряник. Сейчас, он защитник, который стремится уберечь и огородить от проблем. Но каким он будет завтра? На сколько его хватит? И как сильно я от этого пострадаю.

– Просверлишь дыру, милая, – прохрипел неожиданно Делакура и открыл глаза.

Улыбнулась. Он три раза за ночь давал мне лекарства и почти не спал. Удивительно, что сейчас он так быстро проснулся. Лишь от моего взгляда...

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

Прикрыла глаза.

– Кости ломит. Неприятно так, голова болит, но не так сильно, как вчера. И лицо, кажется, ещё сильнее опухло.

– Ничего, скоро заживёт. Так, сейчас в душ, поедим и уезжаем. Будешь реабилитироваться подальше от этого места.

– Ты уверен? – прошептала я.

Ксавье нахмурился.

– Более чем.

На этом разговор закончился. Мужчина встал, быстро поцеловал меня в губы и ушел в ванну. А я... Я хотела в туалет и молча ждала, пока Хозяин освободит помещение и перенесёт меня. Это было в какой-то степени унижительно справляться при нём, но он правильно вчера сказал, что это его не смущает и не должно смущать. Но так рассуждает мужчина, а женщина... Она в таких ситуациях чувствует себя слишком открытой, а когда она ещё и вся в синяках, то и подавно...

Следующие часы прошли в суматохе. Я была в комнате одна, но отчётливо слышала крики Ксавье за дверью. Я от такого точно под стол бы залезла и тряслась. Но мне была приятна эта защита, это проявление чувств мужчины. Он меня покормил, одел в свою просторную футболку, чтобы не причинять дискомфорт телу. Даже заплёл волосы в косу. Никогда не подумала бы, что он на такое способен! Ксавье собрал все мои вещи, погрузил меня и их в машину и дал по газам. Единственное, о чём я жалела: не попрощалась с Терри. Возможно, наши дороги больше не пересекутся. Я искренне желаю ей освободиться от долга и найти счастье. Хоть и не думаю, что эта дорога вымещена жёлтым кирпичом. У Терезы путь колюч и тернист.

Я не заметила, как мы приехали в Париж, потому что всю дорогу пребывала в дрёме. Квартира встретила нас всё тем же отстранённым холодом. Неужели ему здесь уютно? В моём понимании дом – это где много цветов, разноцветные вещи, тёплые тона стен, а главное... Главное, атмосфера. Любовь, покой и радость. В моей жизни у меня подобного ещё не было. А так хотелось иметь место, куда рвалась бы душа.

Ксавье положил меня на кровать, поправил одеяло. Наклонился и покрыл моё лицо поцелуями.

Потянулся к дорожной сумке, что поставил у подножья постели и достал пакет с лекарствами.

– Процедуры ещё никто не отменял, – улыбнулся он.

В местах ушибов меня помазали специальной мазью. Она слегка холодила кожу. Было приятно. Потом я выпила ряд лекарств и вскоре,

меня начало клонить в сон. Краем уха слышала, как Ксавье кому-то отдавал приказы по телефону:

– Чтобы к завтрашнему утру у меня была вся информация о Моранси и о его похождениях! Сообщать о его перемещениях немедленно. Нет, мне не нужно знать, что он ест. Ты меня понял. Держи меня в курсе. Всё, отбой.

Последней связной мыслью было: «Бедный Моранси. Теперь ему точно прохода не дадут. И на сто процентов, он этого ожидает».

Глава 12

«Иногда всё, что ты можешь произнести – рыдания, прорывающиеся сквозь завесу боли.»

© Микиртумова Карина

Зима, пять месяцев спустя

Франция, Париж

Квартира Ксавье Делакура

Зима в этом году наступила очень рано, привлекая к себе северные ветра и тёмные тучи. На улице было холодно и почти все жители уже утеплились на последующие три месяца. Вскоре начнётся предпраздничная суэта: покупки подарков, украшение ёлки, выбор вкусного рецепта рождественских пряников.

Я с улыбкой на устах смотрела в окно парижской квартиры Делакура. Наблюдала, как люди торопились на работу, как машины гудели в таких обыденных пробках. Даже стоя в тёплом помещении, в тёплом свитере и шерстяных носках, чувствовала, как там, на улице морозно. Улыбнулась. Счастье, оно в мелочах. И, казалось бы, незначительные вещи перерастают в нечто большее, значимое.

За пять месяцев, я внесла в это «мёртвое место» кусочек своей души. Ксавье позволил мне обустроить всё по своему усмотрению. На ремонт, конечно, я не решилась, но приобрела много разных интересных вещей. Гостиная, в которой я сейчас находилась, была в бирюзовых тонах. Поэтому, решив добавить еще больше красок, я накупила огромное количество подушек, разных по своему размеру и оттенку. Которые теперь занимают свои законные места на диване и креслах. На свободных поверхностях, я поместила рамки с нашими фотографиями, свечи и красивые вазы, которые я каждый день украшаю свежими цветами. Остальные помещения я украсила точно так же, учитывая цветовую гамму. Мужчина оценил мои старания, хотя статуя в виде павлина ему не понравилась. А как по мне, здорово смотрится в коридоре. Весело так.

Наши отношения после переезда в Париж стали иными. Более глубокими, нежными и такими... правильными что ли. По крайней

мере, для меня. Ксавье не говорил ни о чувствах, ни о планах после окончания моего контракта, да и я не поднимала такие темы. Не хотела спугнуть, потерять. Хотя часто прикусывала язык, чтобы не выболтать три заветных слова. Но не хотела быть первой, не хотела унизиться. Я знаю, что Делакруа питает ко мне нежные чувства, помимо желания. Но не знала точно, любовь ли это или просто привязанность, привычка...

Я вспоминаю первое время после переезда. Тело после побоев болело две недели. Ксавье строго соблюдал рекомендации врача. И я пролежала всю неделю в постели, лишь поднимаясь в туалет и душ. С каждым днём, мужчина становился всё задумчивее, пока не стал чрезвычайно нежным, чутким и пылким. К хорошему, быстро привыкаешь. И я всё с той же осторожностью относилась к Хозяину. Хоть уже к забытой ненависти примкнула пламенная любовь. Я боялась этих чувств, потому что они могут быть не взаимны и вряд ли приведут к чему-то хорошему.

За пять месяцев много чего произошло. Марко со своей излюбленной галантностью пытался скрасить мне дни, когда Ксавье надолго уезжал. Марко Рози мне нравился. Была в нём харизма, привлекающая и располагающая к себе. Он мне часто рассказывал про Ксавье, но, вероятно, эта информация была не единожды отфильтрована. И из-за этого его словам я особо не верила, понимая, что не всё в историях правда. Я пыталась сама узнать у Ксавье о его прошлом, о его делах... Но меня мягко послали, указав, что не нужно совать свой красивый носик в его дела. Он, знал обо мне всё, а я, в свою очередь, не знала о нём ничего. Он мне не доверял, а я в него влюбилась. Как чёртова дура! Ненавижу себя за эти чувства. Этот мужчина лишил меня девственности, грубо и жёстко. Он неоднократно окунал меня в грязь лицом. Имел меня, как последнюю шлюху... А я его полюбила. Он полгода надо мной издевался, а я влюбилась в ту ночь в Париже, после маскарада... И после он стал другим... Стал ли?

Смахнула слезу. Сейчас, Ксавье в развлекательном доме. И задержится там, на пару дней. Честно признаю, что ревную. К Мари, Петре и другим девушкам. Они так и мечтают заполучить его в свою постель, что остаётся лишь сжимать кулаки и ждать. Он ведь в верности мне не клялся, но от этого легче ничуть не становилось.

Откинула мысли и посмотрела на свои ухоженные ноготки. Недавно была в салоне. Это заставило меня почувствовать себя человеком, женщиной. После переезда мне было разрешено покидать квартиру. Ненадолго. И только при условии, что Ксавье знал, куда я собралась.

За всё это время я ни разу не провела Армана. Может, я эгоистка? Я пять месяцев живу рядом, но ноги до сих пор не привели меня к квартире матери. Я звонила каждые три дня, слушала отчёт сиделки, молилась... Но сердце начинало бешено стучать при мысли о встрече с Жаннет. Трудно принимать положение дел, не идеализировать людей, а смотреть фактам в лицо. Несмотря на то, что у меня были родители, им на меня было наплевать.

Хоть, я помню моменты из детства. Счастливого и беззаботного. Мне было семь лет, когда отец научил меня кататься на велосипеде. В тот день стояла прекрасная солнечная погода, пели птицы и собственно это был мой день рождения. Мне подарили красивый, ярко-алый велосипед. Небольшой, простой и со звоночком на руле и корзиной для вещей. Я была так счастлива, что не помнила, как мама была недовольна покупкой. Она всё бормотала, что слишком дорого. Папа же не обращал внимания и просто учил меня ездить. Тем более, что скоро в школу и иметь своё средство передвижения очень выгодно.

Память сложная, настолько, что каждый раз в голове возникают то яркие, то смутные картинки прошлого. Хорошие и плохие воспоминания. Они сделали меня такой... Тряпкой, мямлей. Я не могла постоять за себя, а лишь делала то, что нужно другим. Всю жизнь. Пытаясь всем угодить, забрела в капкан, откуда очень тяжело выбраться.

Нечасто возникают подобные думы на тему жизни. Обычно, стараюсь переключиться. Но последние дни в воздухе витает напряжение. Предчувствие неизбежного.

Облизнула губы и направилась на кухню. Я подумывала о прогулке. Может, в парке, а может просто сходить в кино. Купить попкорн и забыться при просмотре фильма. Достала из холодильника суп, налила пару половников себе в тарелку и поставила в микроволновку.

Взяла мобильный телефон и настроила Ксавье короткую смс:
«Кушаю и иду гулять. Может, пойду в кино».

Так хотелось приписать «Целую, любимый» или «Скучаю», но он этого не поймёт. Хотелось бы мне забраться в его голову...

Поев, я размеренным шагом пошла в комнату. Открыла шкаф и стала думать, чтобы надеть.

Телефон кинула на кровать, который почти немедленно оповестил о сообщении. В предвкушении схватила мобильник и стала читать:

«Планы изменились. Я возвращаюсь. Будь дома вечером, а сейчас иди куда собралась».

Скривила губы. Холодно, отстранёно, безэмоционально. Как всегда... Много хочу. Но если не хотеть, то нет желания двигаться дальше. Делакура был нежным, заботливым, но держал дистанцию. Не впускал меня в свою душу, не раскрывал сердце. Он просто был. Как ни прискорбно признавать, но контракт уже через несколько дней потеряет силу. И Ксавье, вероятней всего просто вышвырнет меня отсюда. И буду снова жить с матерью и братом, работать, гробить своё будущее.

По щеке скатилась прозрачная слеза. Попав мне на язык, почувствовала её вкус. Солёная.

Решила сходить в кино. На что-нибудь милое и романтическое. За полчаса утеплилась, схватила сумку, положила в нее необходимые вещи и умчалась.

Погода встретила меня холодными объятиями. Я плотнее закуталась в пальто, сдвинула шапку-берет на лоб, шмыгнула носом и направилась к автобусной остановке. Я любила трамваи. Больше, чем такси. Во-первых, моя извечная экономия денежных средств, во-вторых близость к людям. Мне плохо без общения, хотя никогда не страдала от зависимости от него. Но все же, в школе и университете оно у меня было.

Я смотрела на прохожих, разглядывая их лица. Некоторые шли с довольной улыбкой, не скрывая счастья, другие хмурились, а третьи смотрели под ноги и что-то бормотали под нос. Интересно наблюдать, интересно анализировать. Поведение, жесты, мимику... Из меня психолог никакой. А вот филолог.... Было бы здорово доучиться и может, написать историю.

Фыркнула. Сюжет есть, далеко ходить не надо. Только выложить всю автобиографию на бумагу. Смешно и одновременно грустно. Заставляет задуматься. О ситуации в целом. Так же стоит подумать о

дальнейшей жизни. Я не хотела возвращаться к матери, не хотела вновь попасть под гнёт обстоятельств. От этого меня пробирала дрожь. Может, стоит рассмотреть варианты съема квартиры. Деньги у меня есть. Найду квартиру и пойду работать и может, заочно закончу университет.

Я дошла до остановки и, посмотрев на расписание автобусов, стала ждать. Со мной рядом стояла пара: девушка и парень. Обоим было максимум двадцать-двадцать три года. Мои ровесники. Стоят, обнимаются. Парень нежно целует девушку и прижимает к себе. Она смеётся, обзывает его дураком, но нежно так... Он ругает, что без шапки, что простынет, глупая. Девушка улыбается. Его забота ей приятна. И, вероятно, не надела специально... Посмотреть реакцию захотела.

И правда, через минуту потянулась в сумку, достала шапку и хитро ухмыльнувшись, помахала перед лицом бойфренда.

Наверное, это прекрасное чувство – влюблённость. Когда так... Просто, честно, открыто. Когда не скрываешь, не боишься и не бьёшься, как птица в клетке. Настроение, стало хуже, чем было. Я завидовала. Хотела так же. Чтобы не закрываться. Любить и быть любимой. Целоваться посреди улицы, слушать ворчание из-за неуклюжести, дурачиться и просто быть собой. Не притворяться, что всё замечательно, а просто жить.

Автобус подошёл и я, сдержав новый поток слёз, просто залезла в него. Расплатилась и села на свободное место. Я постоянно плачу. От безысходности? От предстоящей потери и обретения? От той паутины, что окутала моё сердце? Но больше всего от того, что я не смогу полюбить кого-то кроме него, не смогу забыть. И это раздражало и угнетало одновременно. У меня никогда не будет чувства полёта от бурлящих, как в вулкане эмоций. Никогда не поцелую его среди толпы прохожих, заявляя, что он мой. Так много «никогда», что стоит просто его вычеркнуть. Забыть. Чтобы оно растаяло к чертям. Нужно двигаться дальше. Чего бы это, не стоило.

Вышла на нужной остановке, передумывая смотреть фильм. Гуляя по узким улочкам Парижа, любовалась его красотой. Это мой город и дай бог, останется им. Забрела в милый ресторанчик с красивым названием «Belle». Выполнен он, в нежно-розовых и персиковых тонах. Светлое и настолько девчачье заведение, что невольно

улыбнулась. Мне нравились белые шёлковые шторы, круглые маленькие столики, стоящие по всему помещению. Люстра... Большая, даже не знаю какой формы. С неё свисало множество крошечных кристаллов, которые на свете переливались различными цветами, бросая блики на пол, столы.

Я разделась, повесила одежду на один из стульев и заняла другой. Ко мне подошла официантка в закрытом розовом платье. На груди было написано название ресторана. Улыбнулась ей. Девушка дала мне меню и сообщила, что подойдет через пять минут. Открыла представленную мне «книгу» и стала читать. Не было обычных французских изысков, как в том ресторане, где я проработала полдня. Мне понравилось это. Через определённое время заказала двойную порцию капучино, с доброй посыпкой корицей, два кусочка фирменного пирога заведения.

Официантка удалилась, а я достала телефон и посмотрела, нет ли сообщений, звонков. Пусто. Неудивительно. Кому мне писать, кроме Ксавье? Режет ножом по сердцу осознание собственной незначимости. Никому ненужная, и загнанная. Я любила Ксавье, верила, что он старается сделать мне приятно, заботится... Но вновь старые слова ускользают в голову, прорабатывают и так старую информацию, пытаюсь уличить во лжи, выудить из недр подсознания надежду.

Мне принесли кофе, и я сделала большой глоток. Сладко, вкусно...

Телефон завибрировал. Я посмотрела, вновь затаив дыхание. Тело покрылось мурашками. Сообщение от матери. Первое. За долгое время. Она вообще не звонила больше. Как я стала работать подстилкой, звонила только я. И всё.

Открыла и, замерев, стала по слогам проговаривать про себя слова:

«У Армана был вчера приступ. Его не спасли. Если хочешь, приезжай».

Что значит, если хочешь? Слёзы градом хлынули из глаз, застывая чёткую картинку перед собой. Я зажала рот рукой, пытаюсь сдержать крик. Это сообщение, будто ледяной душ. Мой брат... Прикусила губу, чтобы сдержаться. Вскочила, быстро оделась, достала из кошелька деньги. Кинула на стол и побежала.

В голове стучала единственная фраза: Арман мёртв. Боже, Боже... Я знала, что так будет, только не знала, что так скоро.

Выбежав на дорогу, остановила такси. Мне грубо прокричали:

– Дура!

Мне было всё равно. Залезла в машину и продиктовала адрес, умоляя ехать быстрее.

Дрожащими пальцами напечатала сообщение Ксавье:

«Арман умер. Можно я сегодня побуду у себя дома»?

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Мне жаль. Возвращайся к девяти. Сможешь съездить домой и завтра».

Хлюпнула носом. Мне даже нельзя с матерью остаться. А ей, видит Бог, сейчас намного хуже, чем мне.

Мы доехали за полчаса. Расплатилась, и побежала прямо домой.

Дверь была открыта. Зашла. Мама сидела на кухне. Её чёрные локоны завивались. Так же, женщина была ярко покрашена. В глазах стояли слёзы, под глазами круги. Нельзя было сказать, что она полностью убита горем.

Увидев меня, поднялась.

– Не думала, что ты приедешь, – проговорила она.

Куда я раньше смотрела? Она ни капельки меня не любит. Совсем...

– Ты звонила отцу?

Жаннет фыркнула.

– У него скоро спиногрыз появится. Не до нас. Особенно не до Армана.

Мама всхлипнула, села на место и закрыла лицо руками. Мне так хотелось подойти, обнять... Но что-то останавливало.

Мой голос дрожал, когда я спрашивала:

– Новые лекарства не назначили?

Мать на меня злобно посмотрела.

– Назначили, – прошипела она, – Только вот денег на них нет. Твоя сиделка всё себе захапала.

Увы, мама... Ей я доверяю больше, нежели тебе.

– И не стыдно врать? Мне ничего не говорили, ни врачи, ни Маргарет. Отсюда следует, что ты просто не ходила на приёмы. И где ты была? А? У своего любовничка?

Я уже просто кричала. Голос срывался. Руки тряслись.

– Это ты мне скажи? Ходишь в дорогих шмотках, зарабатываешь кучу денег, а помочь...

– Это моё право! – орала я, – Это мои деньги, заработанные. Я и так многое потеряла, чтобы только ты и Арман были счастливы. Я бросила учёбу...

Махнула рукой.

– Да что тебе объяснять. Всё равно, кроме себя самой тебя ничего не интересует.

Жаннет скрипнула зубами.

– Арман был для меня всем, пока не стал инвалидом. У меня была семья, работа, жизнь... Я его любила и ненавидела. Он покинул меня уже тогда, когда врачи сделали заключение...

Мои глаза распахнулись от шока.

– А я тут причем? Чёрт! Лучше бы это была ты, мама... лучше бы это ты где-нибудь навернулась. С радостью бы поменяла бы вас с братом местами! – выпалила я и только потом поняла что.

Закрыла рот рукой.

Мама расплакалась. Мне было стыдно за слова. Но извиняться я не стала. Когда мама должна была поддерживать ребёнка, она сторонилась. Когда нужно было решать проблемы, отходила в сторону и переключивала ношу. Она просто безответственная и безнравственная женщина.

– Неблагодарная, – прошептала она сквозь слёзы, – Я тебя кормила своим молоком, научила стольким вещам...

– И что? Я стала от этого счастливее? Ты не представляешь, как я зарабатываю, чтобы дать тебе на лекарства и жизнь. На что я променяла свою мораль...

Я вытерла рукой слёзы.

– Ненавижу!

Я попыталась успокоиться.

– Когда похороны? Кто будет?

Жаннет посмотрела на меня. Тушь потекла по её лицу, нос покраснелся.

– Завтра. Я позвоню Полю. Никого не будет. Только мы.

Опустила глаза.

– Во сколько?

– В час дня...

Молча, посмотрела на мать.

– Завтра увидимся.

Поспешно ушла из дома, чувствуя разгорающийся в груди пожар. Телефон зазвонил. Ксавье.

Нажала отбой. Не хочу я говорить. Я вообще ничего не хочу, особенно разговаривать. Слушать холодные слова успокоения. Чувствовать его руки на себе, плакать ещё сильнее. Я просто хотела скорбеть. Столько, сколько потребуется. Умер мой маленький братик. Так и не познав жизнь, так и не почувствовав запах Парижа. Такой молодой, и такая несчастная судьба...

Я гуляла по старым местам, предавалась воспоминаниям. Села на ближайшую лавочку и дала волю слезам. Горьким, сильным и таким долгожданным. Это было неизбежно. Но когда умирает дорогой человек, всё равно, что это было предопределенно. Я не успела с ним попрощаться. Не успела обнять... И всё из-за моего нежелания видиться с матерью. Я не рассказала ему сказку, не посмеялась под мультики, не покормила с ложечки... Из горла вырвался крик.

Меня обняли тёплые руки. Дёрнулась. Повернулась. Ксавье. Он смотрел на меня с сочувствием и пониманием... Уткнулась носом в его пальто.

– Он мёртв. Всё... Всё зря.

Я плакала, он обнимал. Ничего не говорил. Просто давал выплакаться, пока не начался, морозящий кожу, дождь. Меня убедили поехать домой. И через сорок минут я уже согревалась в ванне. Думала и думала... Это было нереально. Всё, что происходит в моей жизни... Я отдала себя за деньги, чтобы продлить жизнь брату. Это не должно было быть напрасно. Не должно так бить по мне, шепча, что не нужно было соглашаться на предложение Делакура. Но понимала, что даже один день продления жизни Армана стоил этого. Стоил, потому что он мой младший брат, потому что, я его любила...

Всхлипнула.

Ксавье зашёл в ванну и подошёл ко мне. Подвернул рукава рубашки, взял губку. Сдобрил приличным количеством геля.

– Сядь, я потру тебе спину. Помою.

Его голос звучал напряжённо. Я подчинилась. Мочалка нежно проходила по моей коже, намыливая её. Руки Ксавье массировали,

расслабляли тело. Было приятно. По завершению процедур, меня высушили полотенцем и вынесли из ванной комнаты.

Заметила, что шторы были закрыты, свет приглушен. Играла тихая музыка.

Меня посадили на кровать.

– Выпей вина, Шелли. Станет легче, – прозвучал голос Ксавье.

Мужчина подал мне доверху наполненный бокал, и я в миг его осушила. Хозяин посмотрел на меня с неодобрением.

Но мне было всё равно. Вытянула руку.

– Налей ещё, – прохрипела я.

Мужчина, молча, выполнил просьбу. И второй бокал постигла та же участь.

– Нам нужно поговорить, Шарлотта. Серьёзно.

– Именно поэтому ты включил музыку? И создал такую обстановку?

– Чтобы ты расслабилась. Женщинам обычно нравится пить вино, разговаривать в такой атмосфере...

Хмель ударил в голову. Я хотела забыть весь этот ужасный день, все выплаканные слёзы. Я хотела отвлечься.

Поднялась и улыбнулась.

– Поговорим. Присаживайся.

Ксавье странно на меня посмотрел. Его брови опять сложились домиком. Сел. Толкнула его и забралась сверху. Мокрые волосы коснулись его лица.

– Потом, – прошептала я и поцеловала мужчину.

Он ответил сразу же, перехватывая инициативу. Пальцы быстро расстегнули его рубашку и я, оторвавшись от губ, стала спускаться ниже. Облизнула его сосок и услышала сдавленный стон. Усмехнулась. Мне хотелось больше, сильнее... Протиснула руку между телами и коснулась сквозь штаны твёрдого «местечка». Опустилась еще ниже. Лицо поравнялось с ширинкой. Расстегнула её и стянула штаны и трусы. Член предстал передо мной, во всей своей длине. Капелька жидкости выступила на кончике головки. Высунула язычок и слизала. Ксавье подо мной дёрнулся. Сжала яйца и стала орудовать ртом. Облизывать, целовать, искушать, щекотать... Я просто хотела забыться. Подняла голову и посмотрела на Ксавье. Глаза прикрыты,

грудь напряжённо вздымается. Поднялась и села сверху. Взяла член в руки и провела по клитору.

Мужчина схватил меня за талию и, внезапно, я оказалась на лопатках.

– Моя очередь, лакомиться, – прошипел Ксавье и устроился между моих ног.

Из груди вырвался стон, когда его пальцы раздвинули мои складочки, а язык коснулся клитора. Он виртуозно орудовал своим языком, заставляя мои пальцы на ногах скручиваться от блаженства. Когда я уже была на грани оргазма, мужчина оторвался от меня, и вмиг, по самые яйца, вошел.

– Сильнее, – прорычала я.

На его лбу выступила испарина. Его бёдра двигались в такт с моими. Раз... Толчок... Два... Три...

Ворох эмоций затопил с головой. Не существовало ничего, кроме нас, наших сплетённых воедино тел. Когда вознеслась в экстазе, кричала его имя, сгорая от чувств.

– Я тебя...

Запнулась. Вовремя.

– Благодарю, – закончила и закрыла глаза.

Устроилась под его боком, положив голову на плечо. Сквозь сон слышала.

– Ты меня любишь, и это, чертовски, мне нравится, Шелли.

Следующий день

Снег мелкими снежинками падал на промёрзшую землю. Я стояла на кладбище и смотрела на деревянный гроб. В душе тихо злилась на мать. Я могла бы оплатить, купить нормальный, хороший гроб. Но нет... В этот раз она решила быть щепетильной, принципиальной и не просить денег.

Отец стоял вместе со своей новой женой и хмуро смотрел на розу в собственных руках. Не было ни слёз, ни разговоров. Просто глухое молчание среди морозной погоды. Кладбище не было местом радости или торжества. Здесь было нагнетающе спокойно.

Утром, встав с постели, я не увидела Ксавье рядом. В тайне желала, чтобы мужчина поехал со мной, разделил это событие. Но не нужно было зарождасть в себе эту ненужную надежду. Я собралась и

поехала. И теперь стою и не могу выдавить из себя ни слезинки. В горле пересохло, руки дрожат. Мама сидит у гроба и тихо плачет. Но почему-то меня это не слишком трогает. Может, из-за вчерашнего разговора? Может из-за её отношения к нам с Арманом? Бедный мальчик... Почему жизнь так не справедлива к тем, кто не в силах пока за себя постоять? Почему раз за разом кладёт грабли, не предупреждая?

Шмыгнула носом и подошла к Арману. Посмотрела в последний раз на белое лицо брата, на синие губы, на красивый чёрный костюм с белым приколотым цветком. Красивый, молодой, несчастный... И тут меня прорвало. Всхлипнув, зажала рот рукой. Из глаз текли слёзы. Колени подогнулись, и я начала оседать на землю. Меня подхватили мужские руки. Папа помог мне встать. Он держал меня, пока я плакала. Его глаза выражали глубокую скорбь.

– Я уже давно смирился с таким исходом. Подготовился морально, – тихо прошепелестел его голос, – Всего лишь дело времени... Арман отмучился... Ему было больно, а вы, держали его возле себя. Только чтобы было спокойнее.

Отпрянула от папы и посмотрела на него.

– Как ты может такое говорить? Он ведь был твоим сыном!

– Не осуждай. Я любил и люблю его. Но врачи сразу сказали, что шанс минимальный и он навсегда останется таким... Проще отгородиться от всего, принять и отпустить, нежели, как вы, пытались вытащить мальчика из пучин боли, каждый раз подвергая его страданиям. Или думаешь, ему были приятны приступы, уколы, терапия?

Молчала. Отец был отчасти прав, но всё равно... Как можно отказаться от родной кровиночки? Заранее отвернуться, предвещая смерть? Кто знает, что было бы, если он не бросил нас расправляться с проблемами в одиночку? Может, я не встретила бы Ксавье...

Проглотила слюну и повернулась к гробу.

– Прощай братик. Ты был самым лучшим, – дрожащим голосом прошептала я, – Бог знает, как я пыталась тебя удержать в этом мире, но и он видит, что с ним тебе будет лучше. Тебе больше не будет больно.

Жаннет зарыдала. Даже отец пустил слезу. Гроб закрыли и погрузили в землю. Я черпнула рукой землю и кинула в яму.

– Пусть земля тебя уберезёт, – закрыла глаза, – Мне нужно ехать.
Грустно улыбнулась и посмотрела на родителей.

– Не ругайтесь хоть сегодня, – перевела взгляд на мачеху, – Было приятно познакомиться.

Надин, была среднего роста, с выкрашенными, в рыжий цвет, волосами. Большие синие глаза, тонкие губы. В целом миловидная женщина, и любит папу. Это было видно по взгляду, по жестам, по тому, как она его обнимала...

Я покинула кладбище в растрёпанных чувствах. Хотелось просто выпить. Чтобы забыться, на миг избавиться от этих чёртовых эмоций.

С такими мыслями я направилась в бар. Он был недалеко от моего местонахождения. Сев за барную стойку, заказала себе текилу.

Бармен с весёлой улыбкой поинтересовался, почему я пью и в одиночестве.

– Хочется, – буркнула я.

Но после пятого бокала с энтузиазмом рассказывала о своей жизни. Было так здорово кому-то открыться, пусть даже бармен об этом и забудет вскоре. Через него много людей проходит. Пока пила, плакала, смеялась, ругалась. Алкоголь сделал своё чёрное дело, позволил расслабиться, забыться и наговорить лишнего. Бармен смотрел на меня серьёзно. После чего нахмурился и сказал:

– Тебе нельзя с ним оставаться.

Я улыбнулась благим думам мужчины. Он, к слову, так классно двоился у меня в глазах, что начала думать о близнецах...

Хихикнула.

– Лююююблю его, понимаешь, люблю этого ублюдка! – кое-как выговорила и, закрыв лицо руками, снова разрыдалась.

Не знаю, сколько я просидела в баре, сколько раз Ксавье пытался до меня дозвониться. Телефон в итоге разрядился и сел. Мне же было до проклятого царства, где я, что со мной и что подумает Делакура. В животе противно бурлило, и я понимала, что хватанула лишнего. Глаза закрывались, к горлу подступала тошнота. Слезла со стула и зажав рот рукой стремительно стала пробираться в сторону туалета.

Какая-то девица толкнула меня плечом, и я с грохотом свалилась на пол. Меня подняли сильные руки и прошипели на ухо:

– И нужно было так выпить!

Захныкала. Мне нужно было в туалет, а я даже рот боюсь открыть.
– Ту-а –Ик–лет, – икая пробормотала я.

Не хотелось мне смотреть на Делакруа. Чувствовала, что он был злой, как чёрт. И что собственно, мне попадёт за текилу и любезно наливавшего её в мой стакан, бармена.

– Надо было ехать с тобой, – рычал мужчина, ведя меня в туалет.

Закрывшись в туалете, опустилась на колени и позволила желудку освободиться от выпитой дряни. Боже, зачем было столько употреблять? Почему я не ограничилась одним или двумя бокалами?

Я долго просидела возле унитаза, если бы не сильный стук по двери кабинки.

– Шарлотта!

Чёрт, ещё не отошёл... Сегодня будет порка, или что-то попоικантнее.

– Я тебе сейчас сделаю так попоикантнее, что твоя задница присесть не сможет неделю, – рявкнул Ксавье.

Вытерлась туалетной бумагой и еле-еле встала.

– Не думала, что сказала это вслух, – прохрипела я.

– Выходи.

Открыла дверь и на полусогнутых ногах сделала шаг. Мужчина меня подхватил и не дал упасть.

– Чудо. Иди, прополощи рот и я дам тебе ментол. Думаю, тебе сейчас паршиво. Дома поговорим.

Вот за ментол была благодарна. Во рту, будто мышь повесилась, и висела она там неделю. Меня подвели к раковине и включили тёплую воду. Несколько раз прополоскала рот и умылась. Стало намного лучше. В животе ничто не бунтовало, в глазах немножко прояснилось, а разум встал на место, и воспринимал все действия и слова с пятидесяти процентной серьёзностью.

Выходя из женской уборной, натолкнулись на бармена. Он стоял, сложив руки на груди. Выражение лица было убийственным. Хихикнула.

– Ты такой brutальный, но нам надо домой. Правда. Поздно уже, да и текила уже вряд ли в меня влезет, – нахмурилась и вскрикнула, – Сколько я должна? Подожди... А где моя сумочка?

– За счёт заведения, – процедил бармен сквозь зубы.

– Нам не нужны одолжения, – вторил ему Ксавье, вынимая из бумажника деньги.

Он сунул деньги бармену и одарил меня таким взглядом, что захотелось вернуться в уборную.

Меня взяли под локоть, и повели к выходу.

– Устроила тут... Ты вообще головой иногда думаешь? – шипел мужчина. – Залезай и пристёгивайся.

Он открыл дверцу машины. Я кое-как залезла на переднее сиденье, закрепила ремень безопасности и закрыла глаза.

Делакруа шипя, повернул ключ зажигания.

– Могла бы позвонить. Или хотя бы сообщение написать, – негодовал мужчина, набирая на машине скорость, – Я два часа колесил по местным окрестностям, тебя высматривал. Даже не думал, что такая... Пойдёт в бар напиться.

Резко открыла глаза.

– Могу ли я скорбеть? За брата, за себя, за свою разваленную семью и жизнь!

Ксавье хмыкнул.

– Что сейчас тебе не нравится? Неужели язычок осмелел после выпивки?

Прикусила оговоренную часть тела. Мне хотелось его стукнуть. Впервые. Так, чтобы след остался. Он не понимает... Куда ж ему! Купается в деньгах, власти. До остальных дела нет! Изверг!

– Как мне может что-то не нравиться? – выдавила ехидную усмешку, – Кто я такая, чтобы чувствовать?!

Я видела, как побелели костяшки на руках мужчины. Как сильно руки сжали руль.

– Дома поговорим. А теперь отвернись и помолчи. Я и так слишком зол.

Гневается он, видите ли! Царь и Бог! А мне нельзя ничего. Ни плакать, ни злиться, ни думать! У меня брат умер, ради которого я пошла на такое!!!

–Ну и хорошо, – буркнула себе под нос, чтобы он не услышал.

После того, как меня вырвало, стало легче. Но хмель не выветрился из головы и продолжал накручивать мысли. Противоречие сквозило в них, будто корабль и айсберг. Мне хотелось, чтобы наконец-то они столкнулись, и дали трезво посмотреть на всё: эмоции,

ситуации, цели. Ведь очевидно, что я больше не нужна Ксавье. А вот насчёт того, нужен ли он мне... Разум требует свободу, но сердце молит о подчинении. И как я умудрилась полюбить его? Ведь и дураку ясно, что таких же сильных чувств мужчина ко мне не испытывает. Иначе был бы рядом в столь важный для меня день.

Мы приехали, и молча зашли в квартиру. Меня слегка пошатывало, и Делакруа помог сесть на диван. Он подошёл к столу и взял какой-то жёлтый запечатанный конверт.

– Ты видела его раньше?

Он мне его показал. Я покачала головой. Уж точно утром его не было.

Мужчина отложил его в сторону.

– Потом посмотрю, что там. А теперь хочу объяснений.

Приоткрыла рот.

– Каких таких объяснений? Я хоронила своего младшего брата! – слёзы катились по щекам словно роса, – Если бы ты был рядом, то я бы не пошла в бар!

Ксавье скрипнул зубами.

– У меня были дела, – процедил он сквозь зубы, – Я не мог пропустить встречу.

– Мог. Стоило только захотеть. А насколько знаю, язык у тебя подвешенный. Договорился бы... Но знаешь, мне всё равно. Только странно, что это вообще меня заботит. Как будто я не знаю, какой ты из себя, Роже!

Мужчина сел рядом и взял меня за руку.

– Мне не нравится твоя смелость, Шелли. Это говорит о том, что ты пьяна или о том, что повзрослела?

– Ты лишил меня наивности. Не буду благодарить за это.

Я отвернулась от него. Мне было противно на него смотреть. Если бы просто забрал, не требуя объяснений, то я даже бы не расстроилась. И так понятно, что между нами контракт, секс и прочая, не основанная на чувствах, ерунда. Меня грызло осознание того, что я продалась. Хоть и сделала бы это снова, если был бы шанс увидеть Армана живым...

Я услышала шорох листков. Повернулась к Ксавье и увидела, что он что-то читает. Его лоб нахмурен, губы сжаты, нога подёргивается.

Посмотрела на кофейный стол. Там лежал незнакомый чёрный телефон.

– Посмотрим, из чего ты сделана, – прошипел мужчина.

– Что ты...

– Заткнись, Шарлотта!

Мужчина взял телефон и включил видео. Я его не видела, но слышала собственный голос:

– Что ты тут делаешь? – выдавила из себя.

– Может же богатый мужчина позволить себе снять девушку. Тем более, когда есть знакомый, владеющий таким заведением.

– Неужели попасть в логово к врагу настолько заманчиво? – вкрадчиво спросила я.

Думаю, затем было видео, как Реми меня поцеловал. Ксавье вскочил с дивана и с размаху кинул телефон в телевизор.

– Невинная! Наивная! – рычал он, нависая надо мной.

Глаза горели синим пламенем.

Облизнула губы.

– Ксавье, я же говорила, что он приходил... Это всё неправда. Слова эти были, но...

– Разве я позволял шлюхе говорить? И как тебе этот белобрысый? Понравился? Захотелось разнообразия?

В горле пересохло. Твою мать! Делакруа не слушает и не желает слышать. Что же было в этих бумажках, что ему крышу снесло.

– Ты, мерзкая дрянь! Все это время следила за мной, собирала данные и снабжала ими Моранси!

Я встала, но меня больно толкнули, и я приземлилась обратно на диван.

– Ты бредишь! – проговорила я дрожащим голосом, – Какая слезка? А данные? Я Реми видела три раза в жизни: на фотографии, на маскараде и когда ты отсутствовал. Это подстава... Я не могла... не посмела...

Я закрыла лицо руками.

– Меня твои слёзы не впечатляют. Слишком фальшивые, – прошипел он, – Вставай! И марш к обеденному столу.

Он резко поднял меня и посмотрел в глаза.

– Хочу в последний раз трахнуть свою игрушку. Деньги за моральный ущерб и очередной трах не получишь.

Мне стало дурно. Ноги подогнулись.

– Бегом.

Я хотела сказать... Ответить. Но боялась сделать еще хуже. Нет! Надо объяснить. Попытаться разузнать! Он не мог из-за видео так разозлиться. Ведь я говорила ему о Моранси. Предупреждала! А он? Стоило только помахать бумажкой, как поверил... Вот она, его сущность.

Меня схватили под локоть, и повели к столу.

– Раздевайся, – рявкнул Делакура грубым голосом.

– Выслушай! Не делай этого! Неужели не понимаешь, что всё сфабриковано?

Я закрыла глаза, когда его руки снимали с меня платье, как разорвали бюстгальтер, как спустились к ногам трусики. Его руки повернули меня лицом к столу.

– Ложись, чтобы задница свисала и не вздумай пикнуть. Я хочу получить оплаченный товар.

Пришлось подчиниться. Я знала, что если буду сопротивляться, то мужчина может и стукнуть. А я... Да, многие бы выбрали быть избитыми, но я уже через принуждение проходила... И как только он перестанет издеваться над моим телом, смогу уйти... Но я не хочу!!! Как я смогу без него? Как вырвать его образ из глупого сердца, которое постоянно твердит: «Люблю»!

– Не делай этого! Пожалуйста, Ксавье...

Его рука с силой опустилась на мою ягодицу.

– Знаешь, мне плевать.

Я слышала звук расстёгивающейся ширинки, спускающихся к ногам брюк... Мои ноги раздвинули и грубо вошли. Вскрикнула. Тело покрыла мелкая дрожь ужаса. Зажмурила глаза. Абстрагируйся. Чего тебе стоит, Шелли? Не в первый же раз, но в последний...

Шлепки голой плоти болью отзывались в ушах.

– Так и нужно брать шлюх. Они не достойны удовольствия, – шипел мужчина, вбиваясь в меня, – Ты надолго запомнишь, как подставлять меня.

– Я не подставляла... Но запомню. Обещаю. Глупо было влюбиться в такое отродье, как ты, – хрипела я.

Мои слова лишь разозлили Делакура, который казалось, разъярился ещё сильнее... Я заорала от боли и почувствовала, что

окунаясь в темноту.

Не знаю, сколько прошло времени и сколько сейчас времени. Очнулась я на полу, голая с кровавыми следами на бёдрах. В доме было тихо, только на полу валялись разорванные кусочки из бумаги. Воспоминания всплыли в голове, и из горла вырвался всхлип. Если любят так не делают, если уважают, такого не позволяют... А я для него всего лишь мусор под ногами и никогда не стану любимой.

Посмотрела в окно. Ночь. Возможно, раннее утро. Поднялась на ноги. Они болели и возможно на них будут синяки от грубых пальцев ублюдка.

Нужно уходить... Немедленно. Но сначала кое-что напишу. Последнее слово останется за мной.

Я кое-как добралась до спальни и натянула на себя первые попавшиеся вещи. Толстовку, джинсы, кеды. В спортивную сумку кинула паспорт, страховой полис. Достала из прикроватной тумбочки тонкую тетрадь и ручку.

«Просто шлюха... Я для тебя никогда и не была ничем больше. Можешь радоваться, никем другим уже и не буду. Надеюсь, твоё лицо будет видеться мне лишь в кошмарах, а из сердца, я тебя вырву. Любить такого сукина сына себе дороже. Я согласилась на эту работу, будучи девственницей. Терпела, ради брата, твои посягательства и через ненависть, ты заставил меня влюбиться. Я жалею, что знаю тебя. Реми, по крайней мере, был честным. Возможно, стоит к нему пойти. Не зря же меня сегодня отымели физически и морально. Не так ли?»

Шмыгнула носом, натянула на голову капюшон. Положила тетрадь на кровать, и мобильный телефон. Он не мой.

Надо быстрее идти. Пока позволяют обстоятельства.

Выбежала из квартиры и направилась к лестнице. Не хочу, случайно, встретиться с ним. Спустилась. Осторожно вышла из дома.

Куда мне идти? Станет ли он меня искать? Что будет делать, когда увидит, что меня нет? И на улице холодно... Мороз по коже. Что мне делать?

Домой. До него, без денег, я буду идти весь день. А ночью, в темноте... надо лишь дождаться пока рассветёт.

– Куда-то собралась? – неожиданно прошипели мне на ухо.

Сглотнула и повернулась. Синие глаза Делакруа сверлили меня. Страх новой волной подкатил к горлу.

– Как ты, верно, заметил, мне больше нечего здесь делать, – горько проговорила я.

– А если заплачу? Откажешь? Я, как и Реми, богат. Или не устраиваю? Он даёт тебе больше? Сколько?

Его губы исказила противная усмешка.

– Ты мне омерзителен.

– А ты просто шлюха, Шарлотта. Не более. Жаль, что я начинал думать иначе, – хмыкнул он, – А теперь проваливай. Не желаю больше видеть ни твою продажную рожу, ни задницу.

Нет. Не думай об этом, Шелли. Не чувствуй. Этот человек недостойн любви и меня.

Собрала последние силы и выдавила:

– Ты не прав. А когда поймёшь это, пожалеешь. Только вот я, не прощу тебя. Ты этого не достоин.

Заплакав, развернулась и побежала. Куда? Не знаю. Подальше от него...

Глава 13

«Всё, что ни делается, всё к лучшему.»

Поговорка

Париж. Он не знает слёз, боли. Этот город наполнен романтикой, огнями и витающим в воздухе запахом слякоти.

Я брела по улице, слушая песнь проезжающих машин. Их было немного, но они помогали мне облегчить одиночество. Сердце с каждым шагом распадалось на части. В голове проносились воспоминания за прошедший год. Знакомство с Ксавье, первый болезненный опыт секса, тоска по родному дому, унижения, оскорбления, снова секс... Болезненный, без любви, без желания... Маскарад, Ремингтон, Ночной Париж... Несколько месяцев счастья и любви. Смерть брата, ненависть Делакруа и вновь насилие. С чего началось, тем и закончилось. Судьба у меня такая? Каждый раз наступать на грабли, терпеть, прощать и самоуничтожаться после?

Сглотнула слюну. Я уже не плакала. Уже прошёл первый шок от действий Делакруа. Как бы мне не хотелось вернуться, объяснить, попробовать ещё раз... Понимала, что бесполезно. Ксавье Роже Делакруа не из тех людей, кто привык слышать. Не разобравшись, обрубил с корнем то светлое чувство, что цвело у меня в груди. А ведь он и не знает, что я осталась бы... Стоило ему извиниться, попросить. Боже, какая я жалкая. Как я могу думать об этом после всего? Нужно радоваться, что наконец-то не увижу его лица, не трону пальчиком его губы, не запущу руку в его волосы... Не поцелую, не услышу смех.

Остановилась. Закрыла глаза.

– Забуду. Обязательно.

Открыла и вдохнула воздух. Прикусила губу и пошла дальше. Нужно просто идти, не думать, не плакать, не вспоминать. Это ни к чему не приведёт.

Не знаю, сколько я так гуляла, но замёрзла сильно. Щёки покраснелись, губы посинели. Я не хотела идти в магазин или ресторан, чтобы погреться. Просто села на ближайшую лавочку и стала смотреть на огни машин и ночного города.

Говорят, если ты эгоист, то и останешься им до конца жизни. Ксавье был именно им. Его не заботили ничьи чувства, кроме своих. А я ощущала себя тряпкой. Всё сознательную жизнь мной помыкали, да собственно я и не была против этого. Меня просят – делаю. Я не видела в этом ничего такого. Не могла отказать. Надо, значит надо. Нет выхода, постараюсь найти. Теперь я понимаю, что мама сыграла важную роль в моей судьбе. Когда родился Арман, я меняла ему подгузники, играла, гуляла. Вместе со мной он выучил алфавит и много стишков. Потом водила и забирала из сада. Практически регулярно. Мама объясняла это тем, что все равно иду в школу, так почему бы не совместить. А то, что и она бегала на работу, было не в счёт. Отец часто бывал в командировках. Он любил нас, души не чаял. Но после трагедии с братом, всё в корне изменилось. И сейчас, знаю, что нужно было вести себя по-другому. Но как? Я была ребёнком, на которого взвалили такую ответственность, что и сейчас я чувствую себя виноватой. За то, что случилось с Арманом, мамой и Ксавье...

Встряхнула головой, прогоняя прочь мысли. Окаменевшими руками поправила капюшон.

– Вы не замёрзли? – услышала я приятный мужской голос.

Подняла глаза и увидела улыбающееся лицо мужчины. Точнее бармена. Он был одет в джинсы и чёрную куртку. На голове красовалась кепка с неизвестной мне надписью. Сейчас, он казался высоким. Но не выше Ксавье. Опять он, да что же это такое?

Улыбнулась.

– Очень, – опустила глаза.

Его руки были убраны в карманы. Там, наверное, тепло...

– Что сделал этот ублюдок? Не просто же ты себе попу отмораживаешь. Вставай, а то застудишь ненароком, и прощай детишки. С этим не шутят.

Ахнула, когда руки бармена меня подняли с лавки. И уже хотела возмутиться, как он начал раздеваться.

– Да ты совсем ледяная. Сколько ты на улице? Сегодня ветер прохладный...

– Прохладный? – прошептала я, – Да он ледяной!

Мужчина рассмеялся.

– Я из России, там климат более суров, нежели тут. Но для тебя естественно, холодрыга та ещё.

Он накинул на меня куртку, застегнул молнию.

– А как же ты? Я...

– Ничего страшного. Ты так и не ответила на вопрос.

– Я ушла от него, – горько рассмеялась, – окончательно и бесповоротно.

– И, по всей видимости, не так далеко как хотелось бы, – хмуро проговорил он, – Пойдём ко мне. Я, конечно, живу не в хоромах, но в квартире есть отопление, горячий душ, одежда и раскладушка. Ничего не подумай, – быстро добавил он, – Я буду спать на раскладушке. А тебе явно надо отдохнуть. Вот и подумаем, что делать. К родителям ты пойти не захочешь...

Я уж было открыла рот, как захлопнула обратно. Я же ему выболтала про всю свою жизнь. В подробностях. Если бы щёки не были бы красными от мороза, то можно было бы увидеть розоватый румянец смущения.

– А узнать имя моего спасителя возможно? – искренне улыбнулась, посмотрев в его глаза.

Мужчина рассмеялся.

– Чёрт, прости, Шелли. Меня зовут Артур Ржевский. Русский, двадцать семь лет. По специальности – финансист. В Париже не так давно. Работаю барменом. Но это по большей части для души. Люблю животных. Но строгие родители запретили мне их заводить дома. Так что люблю, но издали.

– Очень приятно, Артур. А как меня зовут, ты знаешь. Можешь называть меня Шелли. Я бы сказала, что родилась здесь, но ты в курсе.

Артур рассмеялся. Благодаря ему, я увидела призрачный свет. Надежда на лучшее будущее. А это, уже хорошо. Потому что, ощущать себя беспомощной, совершенно не прибавляет сил.

Артур предложил мне подхватить его под локоть. Я с радостью согласилась. И быстрым темпом, мы направились, прямя к его дому. По дороге он купил вино и продукты, зубную щётку, мыло... Я расплакалась от такой помощи. Я привыкла всегда полагаться только на себя. А сейчас... Мне подставили плечо, предложили угол, купили чёртову зубную щётку. Мне снова прорвало. Артур, видя моё состояние, просто обнял, утешая.

– Спасибо, – прохныкала я в его рубашку, – за всё.

– Шшшшшш, всё будет хорошо. Ты больше к этому не вернёшься. Я помогу.

Мне так хотелось спросить, почему? Но решила, что магазин не место для такого разговора. Но меня приятно удивило, что остались люди, которые безвозмездно помогают другим. В сердце подступило сомнение. А безвозмездно ли?

Через некоторое время я успокоилась, и мы смогли благополучно добраться до квартиры Артура. Мне она понравилась сразу. Светлая, тёплая, уютная. Неправду говорил мужчина о своём жилье. Тут может и не так много места, но обстановка богатства так и бросалась в глаза. Красивые шёлковые шторы цвета хмурого небо, белоснежная тюль, угловой диван, телевизор и вазы. Много красивых ваз. Большие, маленькие, хрустальные и винтажные. Почему-то казалось, что это не подделка. Я насчитала девять штук. В каждой красовался гербарий из различных цветов. Я вновь стала рассматривать единственную комнату. Бледно-голубые обои, белый пушистый овальный ковёр. Я стояла на нём и чувствовала его мягкость. Подняла голову и ахнула. Вот это люстра... Будто сверкают тысяча нитей. Хрусталики, в виде жемчужин, спускались на определённое расстояние, и, отсвечивая от лампочки, бросали блики на стены, пол, потолок. Красиво. Тот, кто занимался дизайном, достоин высших похвал.

– Нравится?

Я кивнула. Артур стоял рядом и переминался с ноги на ногу.

– Идём на кухню. Я придумаю, что-нибудь перекусить, а ты погреешься у плиты и расскажешь о своих планах на будущее.

Улыбнулась. Внутри всё дрожало, горло пересохло. Не знаю, чувство опустошённости и безнадёжности. Понимаю, что справлюсь. Назло ему. Да и вообще! Почему я не умею злиться? Так, чтобы искры от меня отскакивали? Было бы проще перевести боль в гнев, но... Видимо, придётся просто терпеть, выжечь за счёт времени и новых воспоминаний. Только какими они будут? Радостными? Или наоборот ещё сильнее ранят, пронзят душу. Ведь я не смогу жить в Париже, зная, что могу случайно встретиться с Ксавье. В ресторане, на улице... Выдохнула.

Артур был прекрасным человеком и мне не стоит упускать его помощь. Он единственный, кто сможет мне помочь. На чёрный день есть Ремингтон. Хотя его визитка не сохранилась, но адрес на ней

плотно засел в голове. Его найти будет несложно. Но пока, я отбрасываю этот вариант, ибо Моранси связан с Делакура. И тогда, нашей встречи просто не избежать. А она мне не нужна?

– Шелли? – над ухом раздался голос Артура, – Ты любишь омлет с помидорами и укропом.

Кивнула. Растерянно оглядела кухню. И хмыкнула. Мило. Помещение было маленьким, в зелёных тонах. Даже холодильник отливал зеленцой. Красиво, уютно, просто. Мне нравилась эта квартира. Тут явно витал дух доброты и человечности. Правду говорят, что аура человека отражается в предметах. Мы чувствуем энергетику хозяина и ощущаем мысленный толчок. Или к доверию или к бегству.

Запахло жареным луком и помидорами. Живот заурчал. Сильно так. Шумно. Проглотила выступившую слюну.

– Ты как, согрелась?

– Да, спасибо, – проговорила я.

Мужчина развернулся ко мне. Улыбнулся.

– Тогда дуй в ванну. Вообще нужно было сделать это сразу же, но я побоялся, что ты утопишься...

Округлила глаза.

– Прости?

Артур прикусил губу, смущённо прошептал:

– В слезах, утонешь...Извини, некоторые слова на французском, меня вгоняют в тупик.

Хихикнула. Развеселил.

– Не только тебя.

– Так. В ванне есть гостевое полотенце, и можешь взять мою рубашку...

– У меня есть, во что переодеться... Спасибо.

На самом деле мои пожитки были скудными, но я не хотела, чтобы Артур ещё и одалживал свои вещи. Хватит и того, что впустил пожить.

Наспех приняла душ, так сильно хотелось есть. Высушила волосы полотенцем, расчесала пятернёй. Натянула бюстгальтер, водолазку и легинсы. Не думала, что и их закинула.

Посмотрелась в зеркало. Протёрла его рукой и всхлипнула. Под глазами красовались мешки, глаза были красными от пролитых слёз.

Губа была слегка разбита и на руках виднелись синяки от пальцев Ксавье.

На меня смотрела девушка, блеск в глазах которой, потух. В них было только отчаяние. Как будто из груди вырвали сердце, сжали и выкинули. Сжала зубы, досчитала до десяти. Пыталась удержаться от слёз. Получилось, но надолго ли?

Хмыкнула и вышла из ванны.

С Артуром мы покушали быстро. Я выпила пару бокалов вина и неожиданно для себя расслабилась.

– Что ты думаешь делать дальше? – спросил меня мужчина.

Подняла на него взгляд. Короткие шоколадные волосы взлохмачены, лоб нахмурен, в янтарных глазах зажглось беспокойство.

– Не знаю, – прошептала я, – Всегда думала, что после окончания договора вернусь домой, а там по ситуации. Но брат умер, родителям не нужна. Я думала, что смогу доучиться, найти работу. Но не здесь. Не в Париже. Боюсь с ним встретиться. Боюсь, его действий. Мне хватило с лихвой.

Рука мужчины легла на мою.

– Поверь, я знаю, что такое безответная любовь и пренебрежение родителей. Поэтому предлагаю задержаться у меня. Отойдешь, отдохнешь, запасешься энергией, а потом решишь, как жить дальше. Сейчас в этом не вижу смысла. Ты так похожа на загнанного зверька...

– Ну, спасибо, – нахмурилась я.

– Шелли... Я не то хотел сказать. Я не жалею тебя, а сожалею. Понимая, как это, когда твоё сердце вырывают из груди, и ты не знаешь, что с этим делать.

– Что случилось, Артур? Расскажи... Я тебе поведала обо всём...

Мне было интересна его ситуация и как он из неё выбрался. Если он поведаёт свою историю, значит, могу ему верить.

Артур потёр пальцами переносицу.

– Ты права. Её звали Алина, она младше меня на пять лет. Красивая, светловолосая девушка с искромётным чувством юмора. Она постоянно влипала в различные ситуации, и не раз мне приходилось выступать в роли рыцаря на белом коне. Она дочь друга отца и наши семьи часто пересекались. Я понял, что влюбился и стал пытаться её завоевать. Но что может двадцати трёхлетний парнишка? На тот момент я заканчивал университет. Алина знала о моих

чувствах, собственно я их и не скрывал, – Артур горько усмехнулся, – А нужно было. Обжегся и сильно. Аля из семьи манипуляторов. Она вила из меня верёвки, заставляя влюбляться в неё все больше. Требовала постоянного внимания, ревновала и отталкивала. Склоняла к свадьбе. И знаешь, Шелли, я был готов, даже счастлив от мысли надеть на любимую женщину кольцо... Но в один день моё сердце рухнуло. Я застал Алину в постели отца. Чем они занимались, и так понятно. В общем, так мерзко я себя не чувствовал. Я наговорил много чего. Алина даже не отрицала своей связи с папашей. А мама... Чёрт, она знала, и ей было всё равно. Но это моя семья. Там ни до кого нет дела. Сплошные... – Арти махнул рукой, – Мои фальшивые отношения продлились три года. И все это время эта дрянь крутила шашни за моей спиной. И об этом знали все, кроме меня... Я собрал вещи и укатил во Францию. В университете учил язык и подумал, почему бы не забиться. Вот такая история...

У меня даже горло пересохло. Я понимала, что Артур не всё рассказал. И эмоции через слова не так легко передать. Но теперь знаю, что с ним обошлись ужасно. И правда, мерзко, делить одну женщину с собственным отцом.

– Мне жаль... Это не правильно. Как люди могут быть такими жестокими?

– Потому что мир такой. Соблазны, деньги, амбиции. За розовой шторкой спрятана чернота желчи и эгоизма. Я был идиотом, когда полюбил. От этого чувства я чуть было не саморазрушился. Поэтому я хочу тебе помочь преодолеть это. Я вижу в тебе родственную душу.

От последних слов не сдержалась и расплакалась. И он и я... Все это так печально и нестерпимо, что в прок выйти в поле и покричать. Вырвать из души эмоции, очиститься от всей этой грязи...

Артур поднялся и стал убирать посуду.

– Я уже успел постелить. Ты спишь на диване, я на раскладушке.

Хотела уже возразить.

– Шелли, даже не спорь.

Мне и не хотелось.

– Спасибо.

Меня уложили, укрыли одеялом, как маленькую девочку и я вмиг погрузилась в сон, где вновь и вновь видела последние минуты с Ксавье наедине...

Два месяца спустя, Аэропорт Парижа

Решение покинуть страну вместе с Арти мне далось легко. За последние два месяца мужчина стал мне другом. Он мне помог понять, что жизнь не закончилась, а только начинается. Я маленькими шагами перестала выходить на улицу, страшась встретиться со своим кошмаром. Так же позвонила родителям. Не знаю, стоило это делать, но без этого не смогла бы спокойно жить. Всё же... Я слишком добрая.

Мама живёт на всю катушку. Работает в каком-то ресторанчике, встречается с солидным мужчиной. Когда сказала, что улетаю, пожелала счастливой дороги. В её голосе не было материнского тепла. Весь разговор можно было назвать натянутым и холодным. Меня не должно это больше расстраивать, но расстроило. Отец же искренне порадовался, что я буду путешествовать. И хоть сказала, что улетаю в Россию навсегда, папа рассмеялся и поведал, что когда-нибудь соскучусь по Парижу и обязательно вернусь. Так как Надин скоро родит мне братика, папа хотел, чтобы в этот момент я была рядом. Но... Не смогла. Его не было рядом, когда болел Арман, когда я продавала себя Ксавье за лекарства. И мне представился шанс начать жизнь заново. С чистого листа, в новой стране. И его я упускать не собиралась.

Как же получилось, что я с Арти летим в Москву? Ему буквально месяц назад позвонили, сообщая, что отец умер, и все свое имущество он оставил ему. А он на удивление оказался очень богатым человеком. Я знала, что Максим Олегович был состоятельным бизнесменом, но не думала, что настолько. Артур не расстроился, что его не оповестили сразу же и не позвали на похороны. Простить отца было не в его силах. Но компании нужен был директор и Артур понимал, что от этого уже никак не отвертеться.

Мужчина сразу же предложил мне полететь с ним. Это было тем самым шагом в будущее. Я боялась другой страны, незнание языка... Артур меня успокоил. Сказал, что поначалу буду заниматься на курсах для иностранцев, а потом попробую поступить в университет. Меня воодушевил план. Я попыталась сунуть Артуру деньги на билет, продукты и прочее, но он их не взял. Мы даже из-за этого поругались. Мужчина не желал слышать об этом. Мол, это не мои деньги, а отца и тратить их сплошное удовольствие. Я лишь поджимала губы и

чувствовала себя содержанкой. У меня были средства, и я хотела хоть как-то возместить убытки. Арти уговорил меня не принимать это близко к сердцу. Он не похож на Ксавье. Он покупает, платит, потому что, ему не жалко и приятно это делать. Кое-как мы все же договорились. Я все-таки упёрлась и настояла, что продукты домой буду покупать я.

Арти пробурчал, но согласился. Спорить с женщиной, когда ей в голову что-нибудь стукнет, бесполезно...

О Ксавье старалась не думать, но получалось плохо. Первую неделю сожителства с Арти, я проревела в подушку, объелась сладостей и пересмотрела любимые мелодрамы. С каждой неделей на смену тупой боли, приходило чувство злости и желания вычеркнуть каждое воспоминание об этом ублюдке. Надеюсь, в Москве мне это удастся окончательно.

Сейчас мы сидели в зале ожидания. Скоро должны были объявить наш рейс. Трепетное чувство поселилось в груди, жажда новых эмоций и впечатлений.

– Шелли, нам пора.

Я посмотрела на лицо друга и кивнула. За последнее время я была счастлива и воодушевлена.

Вложив руку в ладонь мужчины, поднялась, чтобы пойти на встречу, новой жизни.

Глава 14

«Время перемен, время того, что называют счастьем...»

Пять лет спустя, Москва

Частный дом Ржевских

Меня обвили маленькие ручки, а сладкий голосок истошно завопил:

– Маааама! П-п-помоги!

Закатила глаза и, развернувшись, подхватила малышку на руки, хотя Катя и не была пушинкой, в свои четыре года. Обняла дочку и вдохнула её все ещё детский запах волосиков.

– Кто не спрятался, я не виноват! – прогремел в доме голос Артура.

Усмехнулась, когда Катенька сильнее сжала меня ручками.

– Эй, ослабь хватку супер-девочка, а то мама на пол осядет. И меня съест серый волк...

– Я большой и серый волк, я в детишках знаю толк! – Громко рассмеялся Артур, заходя в комнату.

Он подкрался к нам и стал щекотать малышку.

– Это кто у нас тут спрятался? Катюша?

Малышка захохотала и перелезла на руки к Арти. Я хихикнула.

– Вы вдвоём можете целый дом разгромить.

Мужчина отмахнулся.

– Самое ценное не разобью. Защекочу, конечно, но не более.

Хихикнула.

– Папа, хочу яичко, – Катя посмотрела такими невинными глазками, только я на этот взгляд не введусь.

Как-то Артур купил целую кучу киндер-сюрпризов. Но я запретила выдавать их дочери. Сладкое нужно ограничивать. Но недавно, в гости приезжал друг Арти, Семён и нашёл эти шоколадные яйца. И дал пару штук Катерине. Вот с того дня она выпрашивает у кого не лень лакомство. Вчера эта была няня, сегодня Артур.

– Катя, а кто будет, есть суп? А? – строго посмотрела на малышку.

Екатерине Артуровне, не так давно, исполнилось четыре года. Худенькая девочка с тёмными волосами и синими глазами. Она моя копия, но каждый раз, смотря на дочь, я нахожу в ней черты от Делакура. Артур её отчимом, но по бумагам – родной отец. Никто и не догадывается, что Катя ему не родная.

– Мааам, ну, пожалуйста! Только одно!

– Сначала обед, потом сладости и сон, – отчеканила я, – Иначе, больше, вообще не дам тебе киндеров.

Катя надулась, как шарик. И на глазах уже были видны слёзы.

– Малыш, мама права. Идем, кушать, и чай пить, сладкий, с мёдом и лимоном.

Артур всегда умел найти к ней подход. Талант, наверное. Многие подумали бы, что я мать истеричка. Нервная до одури, постоянно взрываюсь...

Жизнь довела. Сильно так. Пять лет назад мы прилетели в Москву. Как сейчас помню тот день. Шёл дождь, и было очень холодно. Город встретил нас огнями, люди хмурыми лицами, а семья Артура... Была недовольна багажом в виде меня. Мать Арти оказалась той ещё сукой, которая многие месяцы пыталась выдать из сына деньги. Естественно, не обошлось без судов. Не знаю, как можно так относиться к собственному ребёнку. Желать смерти тому, кого сама произвела на свет. Хотя чему я удивляюсь, у самой родители не лучше. Первое время я приспособилась к новому дому, стране. Артур сразу же нашёл для меня курсы, и водитель возил меня туда каждый день. Я была только рада. Необходимо было занять мысли, и изучение языка этому способствовало. Я хотела работать, жить, а значит, и понимать эту страну. И для меня языковой барьер был проблемой номер один.

Так прошёл месяц упорного изучения русского алфавита, достопримечательностей столицы. Артур полностью был поглощён работой. Уезжая рано, возвращался поздно вечером. Мы много разговаривали, он делился проблемами в компании. Я слушала, высказывала свое мнение. Время текло, а я, сидя в своей скорлупе, совсем забыла, про женский цикл. После месяца проживания в России, задумалась. Помню, был четверг. Я проснулась от мысли, что давно не было тех самых женских дней, когда болит живот и ломит спину. Точнее «гостей» не было три месяца. Меня обдало холодным потом, и руки затряслись. Дыхание сбилось, слёзы хлынули из глаз. Артур уже

уехал на работу, а до ближайшего магазина нужно было ехать на машине.

Я позвонила другу и выдала свои подозрения. Он бросил все дела и вернулся домой с тремя тестами на беременность. Все они показали две полоски. Сердце вновь пропустило удар. Я не могла поверить, что беременна. Это было так глупо, так предсказуемо и так неожиданно. Ругала себя, что не проверилась сразу. Видимо, забеременела в тот день, когда Ксавье меня грубо отымел, и выбросил как ненужную вещь. Кроме него, ни с кем не спала, потому что просто не могла себя пересилить. Да и глупо было прыгать в койку сразу же после того вечера раскрытия масок и полного уничтожения меня.

Недолго думая, решили оставить ребёнка. Он ни в чём не виноват и не узнает о своем отце. Артур предложил пожениться. Во-первых, так у меня появится российское гражданство, во-вторых, это ему поможет в бизнесе, в-третьих, изменится моя фамилия и если Делакруа захочет вдруг меня найти, не сможет.

Собственно, меня убедили, и я дала Арти свое согласие. Мы стали супругами через месяц. Мужчина смог договориться, чтобы нас пропустили вне очереди. Через семь месяцев родилась Кэти. Долго думала, как назвать дочку. Ведь она живёт в России и родилась тут. Как мне не нравилось имя Жизель, назвала Катюшей. И осталась довольна своим выбором. За весь этот период я научилась говорить по-русски. Обрывочно, путая падежи, переиначивая слова. Но меня могли понять. И спустя ещё четыре года, уже хорошо разговаривала на чужом языке. С акцентом, но от него не избавишься. Практики тут хоть отбавляй. Но главное, жажда знаний и общения.

С Артуром у нас хорошие, тёплые и дружеские отношения. Я не хотела, чтобы мы становились мужем и женой в полном значении. Арти был согласен. Знала, что мужчина меня полюбил, но он понимал, что я не могу... Не прошло ещё столько времени, чтобы у меня появилось желание с кем-то лечь в постель. Воспоминания хоть и не свежи, но вызывают чувства омерзения. Я больше не верила в любовь, как у Адама и Евы, но доверяла Артуру. Он единственный, кто знал меня и все обо мне. Это больше, чем любовь. Это признательность, дружба, вера. Это выше, чем секс. Он всё разрушит. Нашу дружбу, наш мир, который создавался годами. Катенька воспринимала Арти, как отца, кем он и был. Правильно говорят, что родитель не тот, кто родил,

а тот, кто воспитал, заботился и в трудную минуту всегда был опорой. Не думаю, что доченьке нужно знать, что она появилась на свет через насилие. Никому такое не придётся по духу. Потому что, это страшно.

За прошедшие пять лет многое изменилось. И эти изменения мне нравились. Я не чувствовала себя загнанной лошадью, не боялась ходить по улицам, говорить, что думаю.

Я жила в прекрасном частном доме с очаровательным садом и декоративным фонтаном. У нас был закрытый бассейн на цокольном этаже. Спальня полностью модернизирована по моему вкусу. Белые обои в маленький голубой цветочек, белый тюль аркой и шторы насыщенного цвета морской волны. Мягкий светлый ковёр под ногами, двуспальная кровать с шёлковым постельным бельём цвета грозового неба. Картина с морским пейзажем над изголовьем. Шкаф-купе, который совсем недавно заменил детскую кровать. Большое зеркало на стене. Красивое, изысканное. Приятно в него смотреть и видеть проделанную работу над собой. Я уже не та Шелли Боннер, которая всеми силами пытается сохранить жизнь брату. В зеркале на меня смотрит не маленькая загнанная девушка, а взрослая красивая женщина. В глаза сияет любовь и уверенность, губы изогнуты в довольной улыбке. Волосы... Раньше были длинные, волнистые, каштановые. Сейчас стильное удлинённое каре медового цвета с отливом в рыжину. Весь образ, сотканный поэтапно давал мне собственную самодостаточность. И, как владелица элитного ресторана в Москве, соответствовала статусу.

Мой ресторан «Paris» славился изысканной французской кухней. Артур подарил мне его на первую годовщину свадьбы.

Пройденные годы отпечатком ложились на мои плечи. Сколько раз я говорила Арти о разводе. Зачем ему фиктивный брак? Мы не спим вместе, да и чувства у меня к нему сугубо дружеские. Но мужчина не желал меня отпускать. А я хотела, чтобы он полюбил кого-нибудь, создал семью. Хоть он и любил Кэти, как собственную дочь, всё же она не от него. Меня это волновало, по сей день. Чувствовала себя нахлебницей, хотя с горе пополам отдавала долг. За что? За ресторан. Несмотря на то, что это подарок, я хотела собственное дело. Чтобы меня воспринимали не как, жену Артура Ржевского, а как Шарлотту. Собственно всё так и было, но я не чувствовала себя хозяйкой своей судьбы. Если мне нужно платье, Артур его покупал.

Вмиг обмолвилась про отдых, получаю билеты в Грецию. И так каждый раз. Раньше я всего добивалась посредством собственных сил и возможностей. А сейчас, будто живу на перине, как принцесса. Артур тоже хорош. Зная, про его чувства, в них не верила. Его до сих пор мучала в буквальном смысле первая любовь. Алина Лебедева. Она пару раз пыталась вразумить его. Вернуть. Но Артур был не из тех, кто прощает такие промахи.

Мой муж тоже изменился за пять лет. Стал серьёзным, уважаемым бизнесменом. Это не тот паренёк, который мне помог, который смешил и утешал меня в минуты отчаяния.

Улыбнулась воспоминаниям.

Сегодня за окном характерная для русской осени погода: грозные тучи и проливной дождь. Катюша в такие дни очень капризная. Но главное, у нас троих сегодня выходной. Два раза в неделю я полностью посвящаю дочке. В будни дни с ней няня. Водит в сад, забирает и дожидается или меня, или мужа.

Я вышла из комнаты, закрывая за собой дверь. Внизу были слышны голоса семьи. Катя что-то громко рассказывала Арти, а тот, посмеиваясь, поправлял девочку.

Когда только малышка появилась на свет, приняла решение учить её сразу двум языкам. В жизни пригодится. Так что, по субботам я говорила с ней сугубо на французском. Сегодня воскресенье и просто хотелось наблюдать за улыбками любимых, за ямочками на дочкиных щеках, за светящимися глазами Артура.

Спустилась по витиеватой лестнице и прошла на кухню. Супруг и Кэти сидели за большим круглым столом и наворачивали приготовленный Дарьей Ивановной борщ.

Женщина жила тут ещё при жизни отца Артура. Она была членом семьи. Готовила, убирала, стирала и следила за порядком. Проще говоря, домоправительница. Благодаря ей, дом всегда содержался в чистоте. На выходные она возвращалась к себе домой, чтобы мы побыли вместе. Хотя изначально я была против этого. Дарья Ивановна нам нисколько не мешала. Да и не чему мешать было. Но никто не знал, что наши с Арти отношения не пересекают границы дозволенного.

– А вот и мама пришла!

– Молочка принесла? – провопила Катя с набитым ртом.

Укоризненно на неё посмотрела.

– Не болтай, пока кушаешь. Можешь подавиться.

– Будешь кушать? Борщ просто объеденье. А ты только завтракала. Совсем худая, – иронично произнёс Артур.

Мне захотелось его слегка стукнуть. Знал же, что питаюсь строго по часам.

– Я перекусила яблоком недавно. Обедать сяду, – посмотрела на наручные часы, – Через полчаса.

– Это твоё здоровое питание совсем не вкусно.

Фыркнула. Ещё бы. Для Артура в принципе не вкусно всё, что не содержит различные соусы, специи, добавки. А овощи... Это отдельный вопрос. Арти оказался очень привередливым. Раньше пыталась перетянуть на свой образ жизни: правильно питаться, заниматься спортом. Но мужчина сетовал на плотный график и абсолютное нежелание морить себя голодом. Хотя тренажёрный зал посещал регулярно.

– Чья бы корова мучала, – рассмеялась я, садясь к ним за стол.

– Мычала, мама!

Муж захохотал.

– Хорош твой русско-французский! Веселит меня и в радости и в горе!

– Не паясничай, – одёрнула его, – Катерина, а ты давай кушай. Вы тут сидите уже двадцать пять минут.

– И? – янтарные глаза с недовольством глянули на меня.

– А то, что надо Катеньке ложиться на дневной сон. А я в это время поработаю. Мне надо сделать пару звонков. Как раз часа два займет. А потом, можно было бы посмотреть фильм.

– Хочу мультик! – Катя отодвинула тарелку борща и надула губки.

Закатила глаза.

– После сна, малыш.

– Сейчас хочу!

– Не выводите меня из себя, Екатерина Артуровна или накажу. Ты же знаешь, чем тебе грозит непослушание?

– Да.

– Хорошо. Тогда давай беги в постельку, сейчас приду, прочитаю сказку и на бочок.

Девочка слезла со стула и побежала в детскую.

– Меня твои наказания до ручки доведут. Лишать ребёнка сладостей и мультфильмов! Это кощунство! – разглагольствовал Арти, – А может, ну эту работу и фильм глянем. Давно уже ничего не смотрели, да и некогда. А работа не волк, в лес не убежит...

Я погрустнела.

– Никак. Совсем. Уже договорилась созвониться. Я заключаю договор с новым поставщиком. Завтра он привезёт продукты. Сегодня мы должны созвониться и свериться.

Бизнес отнимал много времени. Как и три года назад учёба. Я окончила финансовый университет заочно. Учиться на дневном не было возможности из-за сложно-проходимой беременности. Я сама оплатила учёбу, отложив деньги Артура на карточку для Катюши. Выпустилась с троечным дипломом бакалавра. В то время у меня уже был ресторан, и я совмещала материнство, студенчество и бизнес. Дома валилась с ног от усталости. Нервы сдавали конкретно. Няня выручала, но Кате нужна была мама.... Чувствовала себя так противно, оставляя ребёнка на чужого человека. Сейчас Галина Николаевна незаменима. Любит Катюшу и дочка слушается женщину. Но осадок, что многое пропустила, всё ещё тлел в сердце.

Я видела, как Арти расстроился. Должен же понимать, что бизнес не игрушка, отложить нельзя. Потери глобальные. А мне позарез нужен этот поставщик продуктов. Я планирую слегка видоизменить меню. Точнее дать распоряжение, чтобы шеф-повар распределил неделю так, чтобы втиснуть в неё два дня итальянской и индийской кухни. Почему я решила так сделать? Просто ресторану нужны новшества, да и было пара случаев, когда посетители желали отведать пасты или джалеби^[1]. Собственно завтра будет мозговой штурм по поводу блюд, сладостей и прочего. Я должна произвести подсчёт расходом. Если за месяц идея не окупится, то придётся сворачивать лавочку с другими кухнями.

Я встала и пошла к Катюше, подарив другу грустную улыбку. Когда он смотрит с таким затравленным видом, хочется потрясти его и заставить понять, что не буду его. Вбил себе в голову, что любит, как женщину... Я знаю, что такое любовь. Это когда крышу от страсти сносит, когда думаешь только о нём и его коже и когда не испытываешь боль. Артур не причинял мне боли, любил, оберегал, лелеял и дал мне всё, что я имею. Но не могла я отделаться от страха, быть пойманной в

капкан и не иметь шанс на спасение. Мне было комфортно, но я хотела бы быть формально свободной и дать шанс Артуру найти свою искорку счастья. Как только замечу повышенный интерес к девушке, сразу же подам на развод. Хочу видеть родного человека, лучшего друга любимым.

Стоя перед открытой дверью, смотрела на кровать дочери. Спать она любила на животе, поджав под себя руки. Одеяло сползло и я, подойдя, аккуратно поправила. Поцеловала и тихонечко направилась в кабинет.

Он располагался на первом этаже и был небольшим. Стол, стул, парочка стеллажей для документации. Ничего примечательного. На столе красовался компьютер. На подоконнике пара цветов. На стене висела наша совместная с Артуром фотография. Села за стол и включила компьютер. Достала из ящика записную книжку, открыла последнюю страницу.

«Яковлев Игнат Станиславович».

Имя ещё ничего, а вот отчество трудное. Сморщилась.

Взяв в руки телефон, набрала номер.

– Это, Шарлотта Ржевская. Звоню, чтобы свериться.

Игнат, как он просил себя называть оказался придирчивым поставщиком. Ещё раз спрашивал, имеются ли у нас все лицензии, какой товароборот средств... Мне хотелось завить волком от его занудства. Голос ещё такой противно писклявый. Мы проговорили около часа. Я выдохнула, когда закончила разговор. Продукты решили поставить на среду, ибо я поспешила без утверждения меню. Завтра всё решим и будем работать. Неделя обещает быть трудной.

Не став откладывать меню, позвонила шеф-повару Алисе, которая была моей подругой. Она превосходный специалист, а еда, приготовленная ею, всегда была шедевром. Я сказала, что завтра будет «летучка» и она должна продумать, что можно сделать из новых продуктов.

После оговоренных звонков, принялась смотреть на расчёты бухгалтера. Кто бы мог подумать, что я буду копаться в цифрах, считать, вычислять... Пришлось убить свою филологическую натуру и погрязнуть в дебрях сурового бизнеса. Как ни странно мне это нравилось, хоть и порой душа стремилась к родному. К литературе. Но

на чтение, увы, времени не было. Жизнь была ключом, заставляя меня крутиться почти ежеминутно.

Часто я вспоминала родителей. За пять лет несколько раз созванивалась с отцом. Он рассказывал о братишке. По голосу слышала, что папа счастлив и радовалась за него. В свою очередь, делилась об успехах Кэти. Про маму я ничего не слышала. Желание позвонить ей у меня так и не возникло. Несмотря на время, и свой характер, не смогла простить её. Так же не раз думала, как там Тереза. Смогла ли она выбраться из развлекательного дома, начать жить... Я бы очень этого хотела.

В дверь осторожно постучали, а затем открыли.

– Мамочка?

Показалась сонное личико моей девочки.

– Да, малыш? Иди ко мне.

Катя подбежала и залезла ко мне на коленки.

– Выспалась? – спросила я, целую в тёмную макушку.

– Ага. Папа сказал, что ты работаешь. Снова, – девочка вздохнула, – Мам, а когда мы поедem в цирк. Ты мне обещала.

Улыбнулась.

– Кать, я ничего не обещала. А просто рассуждала, что когда у меня будет свободное время, мы можем съездить. Но пока времени нет. Подожди недельку, а там видно будем. Если погода позволит, обязательно навестим акробатов.

Малышка громко рассмеялась.

– И обезьянки? Они там будут?

– Должны быть, – усмехнулась я, – Что там папа делает?

– По телефону говорит. Просил не мешать. Что-то важное... Хотя что, может быть важнее меня?

Катя сказала это настолько пафосно и деловито, что не удержалась и хихикнула.

– Действительно. Давай пойдём кушать. А то я забыла пообедать. А уже четыре часа.

Кэти прыгнула и побежала, крича на ходу:

– Догоняй, мама!

Мама. Такое весомое слово, наполненное не только смыслом, но и ответственностью. Я сто раз думала, как повернулась бы жизнь, если бы Ксавье не получил тот пакет. Не тешила себя иллюзиями. Только

бы узнав о беременности, этот козёл просто на просто привёл бы меня в больницу на аборт. Такой человек не достоин, быть отцом, да и что и говорить, мужчина из него тоже так себе.

Тогда бы я позволила. Всё сделала бы ради него. Сейчас глотку порву, если будет угрожать опасность. Я больше не та девочка, что прощала всех и позволяла манипулировать собой. Больше не позволю ездить на себе. И так, это продолжалось слишком долго. Доведя меня до последней черты. Ещё бы чуть-чуть и я бы отчаялась бы окончательно. Мне помогли, выгнали из этой истории, дали кров, смысл жизни и ради созданной жизни буду бороться до последнего. Изменилась не только я, но и моё поведение. Россия не место для слабых людей, здесь выживают сильнейшие.

Глава 15

«Когда человек становится родным, ты не воспринимаешь его как собрание плюсов и минусов. Он для тебя – плюс, даже со всеми его минусами.»

Понедельник встретил меня холодным проливным дождём с примесью снега. Кэти, я решила в сад не отправлять. В такую погоду грех не простудиться.

Галина Николаевна с утра уже занималась с девочкой. Сегодня они изучали букву «Ж». Слова, словосочетания, поговорки.

Артур давно уже уехал. Сегодня у него встреча и ему нужно быть в офисе к восьми часам. Я уже езжу к девяти. И сейчас стояла под дождём, так как водитель опаздывал.

Я достала из чёрного пальто телефон, набрала номер и приложила к уху.

– Павел, Вы на часы смотрели? – не здороваясь, отчеканила я.

Мужчина стал заикаться, пытаться объясниться. По голосу слышала, что не отошёл от воскресенья, которое, вероятно, провёл в пьяном одиночестве. Меня это разозлило. Почему я должна терпеть это? Ждать и терять время из-за него.

– Вы уволены. Я предупредила. Не умеете пить, идите работать грузчиком. Рабочий телефон завезёте в бухгалтерию, там Вас и рассчитают по собственному желанию. И Павел, – вкрадчиво добавила я, – без сюрпризов.

Меня, в ответ, обозвали «богатой сухой», послали далеко и надолго, и кинули трубку. Даже засорять мозг его поведением не хочу. Вызвала такси и пошла в дом, складывая зонтик. Машина подъедет через двадцать минут, так что можно было полакомиться кофе и оладьями.

– Тётъ Даш! – крикнула я, – Сообразите мне что-нибудь.

Если бы знала, что вовремя не уеду, то позавтракала бы овсяной кашей, с горстью фруктов.

– А Вы, Шелли, почему не уехали? Неужели Пашенька ещё не приехал?

– Ваш «хороший» мальчик, опять вчера напился, а сегодня, видимо, мучается с похмельем. Уволила его. Надоел.

Женщина выплыла с кухни и укоризненно на меня посмотрела.

– Молодой, что сказать!

– Мы с ним ровесники. И, по-вашему, я должна упиваться как хрюшка?

Недовольно посмотрела на защитницу. Дарья была хорошей женщиной, доброй. В свои пятьдесят пять выглядела на сорок пять. Моложавая, стройная и всегда при макияже. Она мне нравилась, вот только иногда раздражала. То ли своей наивностью, то ли необдуманными репликами. Обычно, пропускала мимо ушей. Но сегодня не стерпела. Я должна уже быть на работе.

– Ты права, прости дурёху.

Началось. Теперь она будет бормотать себе под нос. Обиделась. Спрашивается, на что? Мне двадцать восемь лет, как и Павлу. Я, например, позволяю себе раз-два в неделю бокал красного сухого вина. Все...

Мне позвонили. Такси подъехало. Быстро в этот раз.

– Всё, я поехала.

– А как же кофе? – раскинула руками женщина.

– Позавтракайте за меня, – улыбнулась, – посидите спокойно, покушайте.

Домоправительница ничего не сказала. Лишь вздохнула, выполняя моё пожелание.

Я выбежала из дома. Вышла за ворота и села в иномарку.

– Доброе утро, мне в ресторан «Paris».

Машина двинулась с места, а я стала любоваться пейзажем за окном. Мы живем в частном секторе, на окраине Москвы. Богатый район, дома. Особняки все разные, каждый спроектирован по желанию хозяев. Наш был, полностью подведён под вкусы отца Артура. Белокаменный двухэтажный дом, с верандой. Красивый. Сказать больше нечего. Но я просто обожаю наш сад, в котором тётя Даша посадила различные цветы, а для Катюши клубнику. В саду есть фонтан, но если не подключить его к электричеству, выглядит как небольшой прудик. Дочь любит пускать в него бумажные кораблики, смеясь при этом. Боже, как я люблю её. Сильнее, чем кого-либо в этой жизни.

Мы доехали до ресторана за полтора часа. Московские пробки если не убьют, то нервы потрепят точно. Всё же мне больше нравился общественный транспорт. Намного быстрее и дешевле. Хотя мне сейчас экономить не приходилось. Поэтому и езжу на такси. Если бы не этот Паша, уже бы делами занималась.

Расплатилась с таксистом и вылетала из машины, словно ураган. Остановилась перед дверями ресторана, поправила пальто, выпрямилась и улыбнулась. Нужно всегда держать «лицо», независимо от эмоций.

Я вошла в «Paris» ровно в десять часов. Помещение уже было заполнено бизнесменами, которые завтракали и обсуждали дела.

Молча, окинула взглядом своё детище. Шоколадно-молочные оттенки говорили сами за себя. Уют, комфорт, теплота интерьера. Во всех мелочах была видна Франция: круглые столы, обёрнутые скатертью цвета горького шоколада, на каждом из которых стояли винтажные салфетницы, солонки и перечницы. К столам придвинуты по два полу кресла в широкую полосу. Молочный сменял коричневый, а тот в свою очередь, чёрный. Стены светлые, как собственно и было задумано. Помещение визуально становилось шире, величественней, красивее. Так же в ресторане была зона для персон более двух. Это в ряд у окон выстроенные кожаные диванчики, которые разделяли прямоугольные столы.

Если посмотреть на потолок, то можно им просто восхититься. Дизайнер всё спроектировал настолько смело и изысканно, что даже не хватает слов описать точными словами интересные вырезы на потолке, люстры в виде овальных фанер...

Закрыла глаза и поддалась обонянию. А запах! Пахло выпечкой, ванилином и корицей. Мммм, любимые французские булочки!

Любила это место, потому что, оно было моим. А ведь когда-то, не так давно, сама работала официанткой, да и не только ей... Как же я благодарна Арти за этот шанс на нормальную жизнь.

Я улыбалась, проходя между столиков, кивала в знак приветствия постоянным клиентам. И зайдя в свой кабинет, выдохнула. Я была сильно напряжена. Хотя казалось бы из-за чего? Всё таится в мелочах. Неправильно сваренное кофе, погода на улице, прогул водителя... Я, как и многие люди, зависела от обстоятельств, и если, что-то было не по намеченному плану, начинала злиться. После рождения Катеньки,

эмоции расшались. Гормональный фон полностью перестроился, и я стала замечать за собой срывы. Больше не могла терпеть грубого слова или действия, постоянно заводилась из-за ерунды. Стала нервной, энергичной, совершенной противоположностью Шелли Боннер.

Теперь я Ржевская. С Францией меня связывает лишь история. Часто мечтаю вновь вернуться в Париж, пройтись по улочкам, купить в любимой пекарне круасан и чашку вкусного глясе. Но я зареклась, что больше ноги моей там не будет. Может потом, когда Кэти будет взрослой...

Мой кабинет в ресторане был таким же, как дома. Просто и со вкусом. Чтобы было комфортно работать и принимать посетителей. На столе из красного дерева стоял монитор компьютера, клавиатура, беспроводная мышь. Самые важные документы хранила дома. Это договора, сводные таблицы. Другая же часть, хранилась в бухгалтерии. К концу месяца я получаю огромную кипу отчётов, которую проверяю, разгребаю, сверяю и делаю пометки. Как организовать лучше работу, чтобы получить прибыль. Стоит заметить, что учёба в университете давалась мне сложно. Маленький ребёнок, ресторан... Артур помогал. Что сказать, он бизнесмен от Бога. Диплом я получила, а опыт приобрела методом проб и ошибок. С помощью мужа научилась управлять, вникать, принимать решения. Мой друг, моя большая ценность, конечно после дочери. Ее никто не заменит.

Я села за стол и взяла в руки стационарный телефон.

– Алиса, я приехала. Через пять минут приходи ко мне.

Положила трубку и улыбнулась. День налаживается. Вроде бы.

Алиса Казанова ворвалась в мой кабинет почти мгновенно, как ураган. Её короткие белые волосы выбивались из широкого поварского колпака. На лице сияла белозубая улыбка, а глаза светились озорством.

– Я такое придумала! – вскрикнула она и захлопала в ладоши.

– Что опять? – с усмешкой спросила я.

Мой шеф-повар, и подруга в одном лице, стояла, мечтательно прикрыв глаза. Как только в её блондинистую голову закрадывался новый рецепт, можно было сказать «Adios» ночам и спокойствию всех поваров. Она настойчиво совершенствовала блюдо. Постоянно, заставляя каждого, его дегустировать, после чего снова готовила и вносила необходимые коррективы...

Она до фанатизма крутилась со своей рыбой, тарталетками, трюфелями. И кто бы сказал, что эта энергичная женщина повар? Длинноногая, худая, и такая забавная. Наверное, из-за бесшабашного характера я её полюбила. Нет, Алиса ответственная и работу любит больше своего дома. И покомандовать тоже.

– Ты говорила про индийскую и итальянскую кухню. Предлагаю совместить их. Как ты знаешь, немногие поймут индийские специи. И по большей части эта еда веганов. Так что, не думаю, что полноценный ресторанный день выгорит. А вот, если устроить раз в неделю шведский стол индийских сладостей. Только представь, приходят посетители, кушают итальянскую пасту, пьют кофе и тут стол с морковной халвой...

У меня начинал взрываться мозг.

– Так, Лис, подожди, – я потёрла пальцем переносицу, – Мы уже всё обсудили. Ресторану нужны новшества. Если будет, так называемый, шведский стол. То из элитного ресторана, он переключается в «посредственный». Но идея совместить, мне нравится. Насчёт веганов ты права. У нас почти все мясоеды. Так что, давай скооперируем две или три кухни. Только разумно. Например, на десерт индийские сладости, на завтрак что-нибудь простое, лёгкое и сытное. Из той же французской кухни. Обед – итальянская паста, салат, закуска. Ланч – даже не представляю, на твой вкус. Ужин и вечер тоже итальянский.

Алиса облизнула губы.

– Угу, я подумаю. Так, ответы тебе сегодня нужны?

Кивнула.

– Сейчас я пораскину мозгами, что можно приготовить, да так, чтобы крышу снесло у всех критиков. Только вот надо тогда будет провести дегустацию или пиар-компанию.

Выдохнула. Затраты требуют средств. У меня они есть, хоть и скудные. В прошлом месяце была хорошая выручка. Чистую прибыль поделила. Часть оставила себе, часть оставила на нужды ресторана.

– Это точно. Я сейчас этим займусь. Жду через час, для утверждения, меню. И приведи с собой су-шефа.

Алиса фыркнула.

– Напыщенный индюк.

Я рассмеялась.

– Перестань. Он прекрасно готовит, только твоей закалки не хватает. Вадим очень даже не плохой...

– Кондитер, – закончила за меня подруга.

– Точно. Так что, сладости будем обсуждать вместе с ним, да и всё остальное. У него тоже идей вагон и маленькая тележка.

Голубые глаза Алисы засветились.

– Что?

– Просто ты выразилась, как русская. Русеешь на глазах!

Покачала головой.

– Иди уже, Казанова. Время – деньги.

Алиса ухмыльнулась и побежала вприпрыжку к выходу.

С этой милovidным ураганом мы познакомились случайно пару лет назад. Лиса работала в одном кафе. Жизнь у неё не строилась. Получила образование в Подмоскowie и вырвалась в Москву работать. В прошлом остался бывший муж, родители-алкоголики. Столица России встретила провинциальную девушку со всей строгостью. Ей было наплевать на талант молодого повара, на крутой нрав, на присущую Алисе оптимистичность. Она пыталась прорваться по своей профессии, призванию в какой-нибудь ресторан. Но не выходило. То вроде бы нормально шло дело, то сваливалась снежным комом несправедливость. А подруга была не из тех, кто будет молчать и терпеть. В какой-то степени я ей завидовала. Если бы не молчала я, в своё время, то всего бы не было. Ни Ксавье, ни этой любви, ни Кати. Мысль о не рождении дочери обдала меня холодом. Всё, что ни делается, к лучшему. Всё плохое – пропустить через себя, и забыть. Всё хорошее – хранить в сердце, и вспоминать.

Три года назад Алиса работала в третьесортном ресторане «Палуба». Я туда заглянула совершенно случайно. В тот день был сильный дождь. Такой, что зонт почти улетал в небо. Я бежала со встречи с поставщиком, которая прошла неудачно. Чтобы переждать непогоду решила посетить упомянутое заведение. Сев за столик, ко мне подошёл официант, настойчиво ожидая, пока я сделаю заказ. Его мне принесли очень быстро. И всё оказалось настолько вкусным, что могла бы облизать пальчики.

Мне стало интересно, кто так готовит. И перед тем, как уйти вежливо спросила администратора об их поваре. Мне нахамили. Мол,

ходят здесь, спрашивают... То ли день у этого некультурного и некомпетентного человека не задался, то ли натура такая...

Алиса услышала наш разговор и выбежала извиняться. Ей тоже влетело, и она, недолго думая, на эмоциях сняла фартук и кинула в администратора.

С того самого момента, я поняла, что этот человек просто обязан работать на меня.

И вот, спустя года, мы лучшие подруги. Благодаря ей, в мой ресторан ходят толпами, критики в экстазе, а я... Я просто довольна нашими совместными успехами.

Опустила глаза и улыбнулась. Воспоминания. Если случилось что-то плохое, нужно немедленно получить заряд хороших впечатлений. Это как, прожевав горькую таблетку, заесть её сладкой конфетой.

Вот и я, постоянно пытаюсь создать ту золотую середину. Чтобы мне «прошлой» и мне «настоящей» было комфортно. Но не так просто. Иногда мне снится Ксавье. И просыпаюсь я в слезах, бегу к Кате и ложусь рядом с ней. Обнимаю, целую и успокаиваюсь.

Самый большой мой страх, что Делакруа о ней узнает и заберёт. Глупо бояться этого... По бумагам, Артур её отец, да и живём мы в большой стране. Но всегда есть этот один процент случайности, когда карты перемешиваются и выкидывают каре.

Телефон зазвенел, отмахивая мои мысли на задний план. Нужно заниматься делами. Об этом я могу думать и не в рабочее время.

Час спустя

Я откинулась на спинку стула, внимательно разглядывая взбудораженные лица подчинённых. Алиса, поджав губы, тыкала пальцем в листок, что-то показывая Вадиму. Мне уже хотелось визжать. Ведут бессловесные баталии, а я гадай.

– И? – выдавила из себя.

Вадим уколол Алису в бок.

– Ай! Совсем...

– Хватит уже. Я понимаю, что у нас тут большая семья, но соблюдайте субординацию. Хотя бы при решении важных вопросов, – процедила, сквозь зубы, – Я внимательно слушаю. Удивите меня.

Заставьте меня захотеть попробовать представленные, в новом меню, блюда.

Алиса хлопнула себя по лбу.

– Сейчас, буквально пару минут.

Девушка улыбнулась, закрыла глаза и замычала.

– В нашем ресторане в среду и субботу особенный день. В ресторане «Paris» Вы сможете окунуться в океан вкусов и божественных запахов итальянской, индийской и шотландской кухни. На завтрак Вы сможете посмаковать яйца по-шотландски с кисло-сладким соусом...

Выдохнула.

– И что это за яйца? У нас уже есть...

Вадим откашлялся.

– Это яйца, завёрнутые в специально приготовленный фарш. Подают с зеленью, хлебом и соусом. Очень вкусно, зуб даю.

Махнула рукой, чтобы продолжали.

Алиса вздохнула.

– Можно я просто скажу, как называется блюдо и из чего приготовлено. Шеллс, честное слово, это ты у нас мастер красиво говорить, а я только готовить.

– Говори. Только давай уже по существу.

– Итак, у нас по шесть вариантов завтраков, ланчей, десертов, ужинов, закусок и обедом. Так же шесть видов салатов. Разделим по три вида на вторник и субботу. Про сладости расскажет Вадик, а я, пожалуй, начну с обеда...

Меню утвердилось после двух часов споров, рассмотрения с разных ракурсов. Мы устали, но были довольны. Я быстро отправила их работать. Хорошо, что в понедельник утром не так много народа. Их могут обслужить штатные повара. Уже, благо, приноровились.

Я же сейчас готова была взвыть от предстоящих дел.

Позвонить этому Игнату первоочередно, затем заказать рекламу и продиктовать бухгалтеру суммы всех платежей на сегодня. Проследить, чтобы обязательно ушли.

Сегодня. Сегодня я поработаю от души, а завтра будет легче. Со временем всегда становится легче. Как только Арман заболел, не знала, что делать, где просить помощи. Со временем свыклась, что мой брат не выйдет за черту поставленного диагноза. После его смерти я

это осознала в полной мере. С болью утраты, почувствовала облегчение. До сих пор чувствую вину за это пагубное чувство. Родной и любимый человек умер, а я...

Слегка щёлкнула себя по носу. Шарлотта, прекрати думать о прошлом. Нужно вспоминать только хорошее, чтобы не захламлять голову ненужными образами. Пользы никакой, зато душу тревожат...

Несколько часов спустя

Артур заехал за мной в ресторан. Вид у него был угрюмый. Чувствовала, что мужчина какой-то не такой. Задумчивый, хмурый...

– Проблемы на работе?

Я посмотрела на мужа. Он смотрел на дорогу, крутил баранку и что-то бормотал под нос. Повторила вопрос.

Он повернулся и грустно улыбнулся. В его карих глазах сияла тоска. Хоть табличку вешай. Что, чёрт возьми, с ним твориться?

– Можно и так сказать. Как прошёл день?

Решил сменить тему разговора? Хорошо, я позволю. Позже расспрошу, когда Артур будет в настроении.

– Прекрасно, но тяжело. Сегодня был суматошный день. Алиса и Вадим, будто с поводка сорвались, – я усмехнулась, – Идеи подхватывают на раз и развивают. У меня сегодня мозг чуть не взорвался.

– От Казановой ничего другого ждать и не приходится, – хмыкнул Арти, – удивительно, что она вообще...

– Перестань, – одернула его, – Алиса моя подруга и прекрасный повар. Да, характер у неё не сахар, но она просто человек. Добрая, отзывчивая...

– Взбалмошная, беспринципная и язык без костей. Она постоянно болтает, – процедил сквозь зубы Артур.

– Да что с тобой такое?

Мужчина резко затормозил из-за машины подрезавшей нас.

– Кретинка, – прорычал он, – Вот раздуют права направо и налево!

Вздохнула. Интересно, что за проблемы, которые заставляют его так себя вести. Огрызается, возмущается, злиться.

– Арти, ты мой самый близкий и лучший друг. Что произошло? Или у тебя ПМС? Потому что, в последний раз ты так завёлся из-за

матери. А это было два года назад.

– Шарлотта, просто помолчи и дай мне успокоиться.

Его тон не располагал к дальнейшему общению. Я волновалась. Он мне не чужой человек. Обычно рассказывает мне всё, а тут молчит. Нервничает, думает... Только из-за чего весь этот негатив?

Я отвернулась и стала смотреть в окно. Картинки мелькали перед глазами, но в голове, то и дело возникали волнительные вопросы. И Артур отказывается успокоить мои переживания. В нашей семье это неправильно. Пять лет мы делились друг с другом всем, а сейчас меня просят помолчать. Работа? Вряд ли... Может, у него кто-то появился, и Арти хочет развода? Что ж, это не такая уж проблема. Мог бы и сказать. Или дело в другом? Может, опять мамочка нарисовалась? Да вроде не должна. Артур каждый месяц перечисляет на её счёт приличное пособие. Такое, что можно в шелках купаться.

Телефон завибрировал. Я посмотрела на дисплей и, сняв блокировку, открыла входящее сообщение. Усмехнулась. Алиса, как всегда в своём репертуаре.

«Твой благоверный злой, как чёрт. С чего бы это? Может туплю продырявил своим взглядом или, стоп, угадаю, его до чёртиков бесит, что я на тебя пагубно влияю? Хотя с чего такие выводы? Он ведь само спокойствие... Шеллс, у вас всё хорошо? А то, спокойные люди запросто могут стать социопатами».

Рассмеялась. И стала строчить ответ.

«До социопата ему далеко, хотя у меня подозрение на ПМС. А если серьёзно, то его что-то сильно беспокоит, и я волнуюсь. Сильно».

– Казанова не может тебя отпустить? И что она пишет? Что я снова одет, как гомосексуалист?

– Арти, – хихикнула я, – Она же прикалывалась. И на этот раз, Лиска утверждает, что ты социопат и можешь меня пристукнуть.

Видела, как костяшки его пальцев побелели. Ой, сильно рассердился.

– Передай, что если кого и «пристукну», то только её. Может, у меня страсть к блондинкам?

Я даже не знала, что ответить на это. Просто убрала телефон подальше, решив, что больше не буду с ним разговаривать. Портить

настроение себе окончательно, не собираюсь. Его ядовитые фразы и так, сильно ранят меня.

Мы доехали домой под песни популярного радио. Молча, зашли в дом.

– Мама! Папа!

К нам бросилась Кэти, размахивая рисунками в разные стороны.

– Смотрите, что я вам нарисовала! Няня говорит, что у меня талант. Это ведь, прекрасно?

Я опустила на корточки и обняла дочку. Соскучилась за целый день. Самое ценное, что у меня есть.

Артур стоял и рассматривал рисунки. Казалось, его настроение упало донельзя.

– Умница, Катюш. Дашь па... Мне раздеться. И можно будет поужинать. А потом я прочитаю тебе сказку.

Голубоглазая девочка широко улыбнулась и, вырвавшись из моих объятий, обхватила руками ноги Артура.

– Хорошо, папочка. Скажу про русалочку?

Арти хмыкнул.

– Нет, сегодня про Машу и медведя.

Катя повернулась ко мне.

– Тогда ты расскажешь про Ариэль, – хлопнула глазками.

Рассмеялась.

– Договорились, хитрюга.

Малышка убежала, и мы стали раздеваться. Артур, как обычно помог мне снять пальто, повесил его в шкаф.

Я не стала ждать, пока он соизволит со мной поговорить. Направилась напрямиком в ванную комнату. Она располагалась на втором этаже, рядом с моей спальней.

Я закрыла за собой дверь и разделась. Взяла ватный диск, смочила жидкостью, для снятия макияжа и приложила к одному глазу. В зеркале я видела усталую женщину с печальным блеском в глазах. Такое впечатление, что жизнь меня доконала. Но это не так. Стараясь быть сильнее, я ломаю себя. Потому что привыкла быть слабой? Или потому что, эта жизнь, хоть и комфортна, но не доставляет мне чисто женской радости. Я, как и любая представительница прекрасного пола, хотела любить и быть любимой.

Выдохнула и смыла косметику со второго глаза. Повернулась и открыла душевую кабинку. Включила душ и встала под него, запрокидывая голову.

Что значит жизнь, если в ней нет смысла? А если он есть, но не полный? У меня есть Кэтрин, есть друзья, и, казалось бы, этого должно быть достаточно. Но сердце ныло. Напоровшись однажды на проволоку, больше не хочешь испытать боли, но жаждешь тех же ощущений. Может, любовь – это и ходьба по канату, но она и мне нужна.

Вот я и мучаюсь. Изменилась внешне, внутренне, но глупое сердце просто хочет испытать женское счастье.

Я простояла в душе, пока голова окончательно не прояснилась, и прежний настрой не вернулся в нужное русло.

Я выключила воду, вытерлась и облизнула губы. После того, как уложу Кэти спать, поговорю ещё раз с Арти. А потом спать. Завтра новый день, новые эмоции, новые достижения...

Час спустя

– В далёкой стране, за морями жила-была маленькая девочка, которая верила в чудо. Она была доброй, щедрой и великодушной. Наивность, как говорили многие, её чрезвычайно красила, несмотря на суровую реальность. У этой девочки, назовём её...

– Лана, – встряла малышка.

Я рассмеялась, поправила одеяло и принялась дальше рассказывать сказку.

– У Ланы был братик, подвижный, смыслённый и любящий. Однажды, он упал. Сильно так. Лана очень переживала, потому что, – я посмотрела на дочку, – как его будут звать?

Катя задумалась.

– Дима!

– Хорошо, – я улыбнулась, – Дима при падении ударился головой и заработал себе большую шишку. Оступился один раз и получил травму на всю жизнь. Лана заботилась о Диме, пока тот болел. Искала лекарства, докторов. Шла на крайние меры, чтобы брат поправился. Но бедной девочкой воспользовались. Или наивность виновата, или просто не было выхода. Лана договорилась с одним дядей, чтобы он

помог с лекарствами, а взамен, девочка будет ему помогать, выполнять некоторые поручения...

– А какие?

Катя хлопнула глазками.

– Например, передать записку или сделать омлет. И вот, так прошли месяца. Девочка работала, получала за это деньги, которые шли на лечение Димы. И в один прекрасный миг...

– Брат поправился? – дочка хлопнула в ладоши и заливисто рассмеялась.

Ох, если бы так...

– Да, уколы и таблетки, помогли мальчику, и они вместе с сестрой продолжили свои игры.

– А где их мама была?

– Она работала, но этого не хватало для двоих детей.

Сидела с Арманом, пока я гнула спину, да и не только. Сказка ложь, а в ней намёк...

– Что ты поняла из этой истории?

– Ходить надо аккуратно, чтобы не упасть и не набить шишку.

Расцеловала дочку.

– Умница моя, – ласково провела рукой по её волосам, – Спокойной ночи, малыш.

– Спокойной ночи, мамочка!

Я встала и вышла из комнаты, прикрыла за собой дверь. Сейчас предстояло самое сложное. Разговор. Для нас с Артуром это никогда не было проблемой. Бывало, он злился, молчал и огрызался. Но хотя бы объяснял причину. А сейчас мёртвая стена посреди океана.

Прошла немного и постучалась в его спальню.

– Арти? – я перешла на французский язык, – Нам нужно обсудить...

Услышала размеренные шаги в комнате. Дверь приоткрылась. Артур стоял с обнаженным торсом, блестящим от капелек воды. Снова был в душе.

– Шелли, не думаю, что данная тема стоит обсуждения.

Мужчина запустил руку в волосы и взлохматил их.

Прикусила губу.

– А вот я считаю иначе, – твёрдо проговорила я, – У тебя плохое настроение. Ладно, я не стала давить на откровения в машине, и когда

ужинали. Но сейчас ты уже должен более-менее остыть. Что такого случилось, что ты так себя ведёшь? Может Алина опять навестила? Или мама?

Арти выдохнул сквозь зубы, открывая дверь шире.

– Заходи.

Я прошла, и села на край постели. Подняла на него глаза и стала ждать.

– Шелли, никто не приходил ко мне. Мать не осмелится, иначе я лишу её содержания, а Алина не так давно вышла замуж. Да она, меня и не беспокоит собственно. Проблема в нас.

– Арти, ты мой самый лучший...

– Друг, – закончил он, – Но я не хочу быть им. И не хотел. Ты мне понравилась, тогда в баре. Но ты безбожно любила этого ублюдка. Потом он выкинул тебя, как ненужную игрушку. Я подобрал, и не жалею об этом. Для меня это было даром небес. Я знал, что тебе нужно время. Оно лечит. Знаю, по себе... И вот, казалось, мы сдружились, переехали в Россию, и ты поняла, что беременна. Я поддержал, хотя проклинал твоего сутенёра, что даже на тот момент не желает тебя отпустить.

– Ты не рад Кате? – тихо спросила я, чувствуя, как комок подкатывает к горлу и хочется глупо расплакаться.

– Не передёргивай. И так трудно говорить, – отчеканил мужчина, – Я люблю Катю. Она моя дочь и неважно, чья кровь в ней течёт. Но ты до сих пор не можешь его забыть, а я продолжаю любить и ждать.

Встала и обняла Артура.

– Я не давала тебе надежды, Арти. Прости, если я сделала, что-то не так. Ты мне дороже любого, потому, что я тебе доверяю. Ты знаешь обо мне всё. Но я не могу пересилить себя и полюбить вновь. Я бы хотела, очень. Особенно любить тебя, как женщина, а не подруга или сестра. Не знаю, – прошептала я, – может, я боюсь... Умом, понимаю, что нужно двигаться дальше, но сердце обливается кровью.

– Милая, я знаю этою. Но от этого легче не становится.

Он гладил меня по волосам, вдыхал их запах, руками проводил по коже. Он него пахло гелем для душа.

Я отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Арти...Я бы очень хотела, чтобы ты был счастлив. Но я твоим счастьем быть не могу.

– В этом ты вся, – прохрипел мужчина, не отпуская мои руки, – Позволь мне один поцелуй. Единственный...

Не знаю, чем я думала, когда дала согласие на это. Может, полагала, что он успокоится, и наши отношения останутся прежними?

Когда его губы коснулись моих, не почувствовала прилива страсти. Поцелуй не вызвал ничего, кроме спокойного равнодушия. Я бы очень хотела... Но пересилить себя не могу.

После поцелуя, я выбежала из комнаты, дабы избежать неловкого молчания. Ворвавшись в свою обитель, стала ходить из стороны в сторону.

Я не плакала. Думала, взвешивала, проворачивала ситуацию в голове. Наши тёплые дружеские отношения не будут такими же. Он будет тихо гаснуть, а я вместе с ним. Как быть? Что делать? Жить дальше? А Кэти? Она ведь чувствует каждую перемену настроения. Напряжение дома не нужно.

А ещё мне срочно надо позвонить Алисе. Может, она даст совет или утешит, потому что я чувствую себя лужицей, в которую можно топнуть ногой. Брызги полетят в разные стороны, только эффекта никакого.

Я легла в постель, укрылась до подбородка одеялом и стала набирать номер подруги. Длинные гудки. Один... Два... Три... Телефон не отвечает. Спит, вероятно, уже.

Разговор с Арти не вышел. Я чувствовала, что он мне чего-то не договорил. И почему именно сегодня решил меня поцеловать? Не знаю, но интуиция подсказывает, что всему этому что-то предшествовало.

Я не знала, что делать. Но понимала, нужно как-то сгладить углы. Он мой друг и я его не брошу. А если надо убить его любовь ко мне, помогу... Даже если придётся уехать.

Завтра я попрошу Алису приготовить обед и повезу в офис Артура. Совместная трапеза может помочь нам в этой ненужной неловкости. Может, заодно и поговорим. Нормально. Решим, что делать дальше. Может, предложить пожить отдельно? Как говориться, с глаз долой, из сердца вон...

Закрыв глаза, мысленно пожелала себя свершения задуманных на завтра планов. Сон окутал меня призрачной дымкой. Только вот снился мне голос, который повторял раз за разом: «Моя»!

Глава 16

«Мы не ошибаемся в людях, мы просто спешим видеть их такими, какими хочется нам, чтобы они были.»

© Интернет

От третьего лица

Пять лет назад

Мужчина сидел в кресле и смотрел в одну точку немигающим взглядом. В голове раз за разом прокручивались немые сцены двухмесячной давности. То, как он разрушил всё, к чему пытался себя приучить: доброта, любовь, доверие. Он вел себя с Шелли, как последняя сволочь. Нет, даже хуже. Видимо, он раз за разом подтверждал звание парижского ублюдка.

Губы Ксавье Роже Делакура растянулись в горькой улыбке. Он достоин всего, что получил в итоге: бессмысленную жизнь и кучу проблем в бизнесе.

Его глаза поднялись, и он мысленно проклял эту пустую квартиру. Шарлотта всё тут оживила, даже воздух. А Ксавье, как обычно, всё испортил, умертвил.

Вся жизнь мужчины вертелась вокруг побед, и только с появлением этой крошки, эти успехи уже не казались столь радостными. Дела пошли под откос. И сейчас, Делакура не жалел об этом.

Он мог с твёрдостью сказать, что совесть возвысилась над его головой и шептала уличающие слова. Что он виноват, что недостойн, что ей будет лучше там... В России. С этим барменом.

– Дьявол, – прошипел мужчина сквозь зубы, – Не бывать этому.

Два месяца назад он предал то хрупкое, что успел завоевать с таким трудом: доверие. Поверил безымянному письму, а не Шарлотте. Повёлся, как мальчишка, на печатные каракули. Унизил, изнасиловал, выгнал... Причинил боль женщине, которую позже понял, что любил. Несмотря на их знакомство, первое полугодие её слёз, её боли и его чёртового эгоизма.

Любовь. Это не просто слово, не просто слоги – это целое чувство, нескончаемое и крепкое. Ксавье мечтал прижаться к Шелли и шептать: «Люблю».

Только поздно он это осознал и опоздал, пытаясь её вернуть. Да и вряд ли бы девушка простила. Не в этот раз. Больше её ничего не держало рядом с ним. Только эмоции.

«А ведь она любила меня», – подумал Ксавье и потянулся рукой за бокалом для виски.

Перед его взором возникла та ситуация, когда он понял, как сильно облажался.

* * *

Тот день, месяц назад, не предвещал ничего хорошего. Ксавье не просыхал и почти постоянно пил. Он никогда за всю жизнь не злоупотреблял алкоголем. Вероятно, ждал именно такого момента, когда чувствуешь себя полным дерьмом. Делакруа пил виски, слушал Челентано и прокручивал в голове всю свою жизнь. Он сидел, никому не мешал, пока настойчивый стук в дверь не нарушил его пьяную идиллию.

– Открыто! – прокричал он.

В гостиную с мрачным видом зашёл Маркос.

– Пьёшь?

Делакруа икнул.

– По мне не видно?

Марко сел напротив друга, и уставился на него своими карими глазами.

– Я могу тебя поздравить, – зло выплюнул он, – Шелли подставили. И отгадай кто? В этом участвовали несколько человек.

Ксавье сфокусировал взгляд на товарище. В его мозгу билось сразу три мысли: «Она меня не предавала. Не простит. Я такой осёл».

– Моранси, – пьяно прорычал Делакруа.

Рози хмыкнул.

– Ещё Мари и Петра.

– Суки, – прошипел Ксавье.

Мужчина резко вскочил, пошатнулся и упал на диван.

– Убью, – прохрипел он.

– Когда протрезвеешь, – равнодушно произнёс Марко, – Ты отвратительно с ней поступил. Она никогда не была такой, как эти девки. Полюбила тебя, даже после всего, что было... А ты взял и растоптал.

– И без тебя тошно, заглохни, Рози! – взвыл Делакруа, – Как ты выяснил?

Марко покачал головой.

– Если бы ты не пил, то возможно, разобрался бы раньше, чем я. А узнал, я просто. Поехал к шлюхам и нечаянно подслушал их разговор. А откуда лапы растут и так понял. Моранси. Он приезжал в дом, когда ты отсутствовал и договорился с бабами о «деле». Он трахает Петру, пока Шелли в комнате, Мари снимает. Далее он целует Шелли. Они смонтировали видео, кто-то из этих шалав сдал информацию о бизнесе, выждали время и прислали тебе пакет компроматов. Убили двух зайцев одновременно. Ослабили тебя, и уничтожили морально мадемуазель Боннер. Ты пьёшь, Моранси ведёт дела, переманивает твоих сотрудников, черпает идеи и пытается тебя обанкротить. Бинго! А ты, друг в полной заднице.

Ксавье громко и смачно рыгнул. Потом помахал указательным пальцем перед лицом Марко и, встав с дивана, виляя из стороны в сторону, направился в уборную.

Там мужчина освободил свой желудок и хоть перед глазами мелькали звёзды, разум немного прояснился. Мужчина готов был отлупить себя. Он хотел убить Моранси, шлюх, но и себя с ними заодно.

Мужчина разделся и шагнул в душ. Ледяная вода вмиг привела его в чувство. Ему хотелось найти Шелли, кинуться к её ногам, просить прощение... Но сначала, должен разобраться с паршивыми овцами в своём убогом загоне. Да и с последним тоже решить вопрос надо бы.

Через пару часов, друзья уже составляли план действий. Ксавьепил куриный бульон, сваренный Марко и наполнял организм чем-то помимо виски.

– Что делать будем? – вздохнул Рози.

Ксавье пожал плечами.

– Я не хочу быстрой смерти им. Должны помучаться. Мари и Петре я устрою парк развлечений, – усмехнулся он, – я даже знаю, кому их отдать. Гастон Бонес поработает над ними, так сказать от плети к плети.

Маркос присвистнул.

– Да, если он не забьёт их до смерти, то можно считать этих дур счастливицами. А Моранси?

– Тут чисто бизнес. Нужно его прижать, да так, чтобы не отмылся, – задумчиво проговорил Ксавье, – За пару дней я договорюсь с Гастоном, а вот с Реми придётся повозиться.

– Я могу помочь? – спросил Розы.

Ксавье посмотрел на него.

– Найди Шелли.

* * *

Ксавье закрыл руками глаза, словно стряхивая наваждение. В голове стучало отчаяние. Когда Марко утром сказал, что нашёл Шелли, и она улетает из страны, Ксавье немедленно выехал. Мчал по автотрассе, как проклятый, боясь опоздать, боясь упустить свой последний шанс. Было трудно сосредоточиться на чём-то ином, помимо мелькающей дороги и дрожащих пальцев на руле. Его сердце стучало, как ненормальное и лоб покрылся испариной.

Вбежав в аэропорт, мужчина побежал искать Шелли. Марко говорил, что у неё рейс в Россию с каким-то Ржевским.

И только увидев, хрупкую фигуру девушки закричал. Его голос утонул в гуле прилетевших в Париж хоккеистов. Мужчин пробирался сквозь возбуждённую толпу, расталкивая локтями столпившихся туристов. Но Делакура не успел. Он видел, как Шелли обняла Ржевского, как он что-то прошептал на ухо и девушка заливисто рассмеялась.

Вот именно в этот момент Ксавье Роже Делакура понял, что не имеет право вновь портить жизнь Шарлотте. Что хотя бы раз в жизни нужно просто дать ей уйти. Как бы больно от этого не было.

Мужчина не станет ничего предпринимать, пока не разберётся с собственными проблемами. Он обязательно найдёт Шелли позже,

чтобы вернуть её и извиниться. Даже если он не достоин прощения. Даже если придётся вымалывать его стоя на коленях.

Шарлотта Ржевская, наши дни
Российская Федерация, Москва

Утро выдалось на редкость прекрасным. Дарья испекла блинчиков на овсяной муке и сдобрила их горчичным мёдом. Кэти покушала и побежала с няней одеваться в сад.

Я же воодушевлённая сюрпризом для Арти, улыбнулась про себя. Думается, обед в офис заставит его разоткровенничаться. По крайней мере, я на это сильно надеюсь.

Артур с утра пораньше уже уехал. Трудоголик. Как я поняла у него очередная встреча. Мы редко вместе завтракали и ещё реже ездили на работу. Я тоже занятая, но у меня всё разложено по полочкам и в одной сфере бизнеса. А у Арти... Я даже представить боюсь, ибо на поддержании его фирмы на плаву нужны не только средства, но и мозги. И последними он явно пошёл не в свекровь. Что, несомненно, радует.

Я поблагодарила экономку и пошла в комнату. Распахнув шкаф, выбрала чёрную юбку-карандаш с разрезом сзади и белую блузку а-ля крестьянка с оголёнными плечами.

Достала из комода телесные чулки и стала стремительно одеваться. Образ завершили чёрные классические сапоги на небольшом каблуке и лёгкий естественный макияж.

К тому времени, как я спустилась в низ, Кэтрин уже повезли в сад.
– Надо найти нового водителя, – пробормотала себе под нос и сделала мысленную пометку.

Сегодня же дам объявление в газету и на сайты. Не нравится мне, что дочка рассекает дороги на машине, водителя, которого я не знаю.

Я надела бежевое пальто, и подобрала под него чёрную замшевую сумку. Она выглядела словно сундучок, только мягкий и приятный на ощупь.

– Всё, я ушла!

Такси ожидало меня за воротами. Я прошла по белокаменной дорожке и юркнула в машину. Назвала адрес ресторана и, достав наушники из сумки, подключила к телефону. Включила музыку и улыбнулась.

Я разносторонний человек в музыкальной сфере. Люблю абсолютно всё, если песня затрагивает душу. В последнее время слушаю русских исполнителей. И наслаждаюсь и продолжаю изучать этот великий и сложный язык.

Мысленно напевала, игравшему треку:

Вот и все, допиваешь до дна всю любовь.
И под утро исчезну сквозь сон.
Ты сыграл красивую роль.
И не прочь.
До конца, ты красиво считаешь до ста.
Обнимаешь его, как всегда.
Только боль невозможно унять и опять. ^[2]

Красивая песня, сильные слова и волшебный голос. Я ассоциировала этот трек с Ксавье. Он действительно допил мою любовь, только вот роль у Делакруа была совсем не красивая. Причиняя боль, он добился моей любви и разорвал в клочья, как ненужную бумажку. А я медленно умираю, потому что вряд ли смогу полюбить снова. И у моей сказки лишь один счастливый конец: моя дочь не познает всего того, что огребла я.

У малышки есть мама. И она сделает всё, чтобы её дочь была счастлива и ни в чём не нуждалась.

Примерно час дня, офисное здание Артура Ржевского

Я посмотрела на охранника. Весь его вид говорил о неприступности. Каменное выражение лица, сжатые в тонкую линию губы и следящие за всем зелёные прищуренные глаза.

– Я Шарлотта Ржевская, – представилась я.

– Мне не было указано пропускать Вас, – отчеканил мужчина.

Выругалась сквозь зубы. Я проехала на такси половину Москвы, чтобы успеть к обеду, который уже почти остыл. А меня, видите ли, не пропускают, хотя я жена его начальника!

– Послушайте, я жена вашего босса...

– Не положено.

Да что ж такое! Я достала из кармана телефон и, порывшись в контактах, набрала номер заместителя Арти.

– Кирилл? Это Шарлотта, – рассмеялась, – Да, я тоже рада тебя слышать. Я стою у дверей в компанию и охранник, – я посмотрела на мужчину и нахмурилась, – имени не знаю, но он отказывается меня пропускать. Можешь уладить это? И, Кирилл, чтобы Артур не знал обо мне. – И тихо прошептала в телефон, – Приготовила сюрприз.

Кир без вопросов спустился вниз и помог мне пройти через ответственного работника, которого всё же отчитали за незнание важных персон компании в лицо.

Кирилл Бестужев был человеком дружелюбным и улыбочивым. Рыжие волосы уложены в модную причёску, синий костюм оттенял яркие голубые глаза, а улыбка делала мужчину не просто обаятельным, а красивым. Внутренне светящимся, я бы сказала.

Мы остановились у лифта. Мужчина смотрел на часы, явно куда-то торопясь.

– Повезло Артуру с такой красивой женой, – он внимательно на меня посмотрел, – Мне пора бежать, новый проект, новые возможности...

Я рассмеялась и, поблагодарив, попрощалась.

Дверь лифта открылась, и я медленно вошла в кабину. Нажала девятый этаж и стала ждать, предвкушая радость Арти. Муж любил хорошо поесть, и особенно ему нравилась стряпня Алисы. Хотя неудивительно! Половине Москвы она нравилась!

Конечно, у нас не будет сервированного обеда, но зато будет сытый желудок, хорошее настроение и разговор по душам.

Лифт остановился, двери открылись, и я вышла в приёмную офиса Артура. Это было просторное помещение. Светлое, уютно-деловое. Синие оттенки здесь преобладали, создавая некий небесный эффект.

У большого окна по правую сторону от меня стоял ресепшн. За ним сидела миловидная русоволосая молоденькая девушка. Она что-то писала, изредка поглядывая на компьютер. Я подошла к ней и улыбнулась.

– Марина, добрый день, – поздоровалась я, – Сегодня без обеда?

Мариша посмотрела на меня и вздохнула.

– У начальства встреча и меня попросили в строгом порядке остаться и пообещали компенсировать время обеда. Хотя Маргарита Львовна наплевала на совет босса и улетела в ресторан, –

пожаловалась Марина на личного секретаря Артура, – Так что, я сегодня голодная, но при деньгах. А Вы, Шарлотта, какими судьбами? Тоже на встречу?

Пожала плечами.

– Возможно.

– Мне сообщить Артуру...

– Не стоит, я сама, – одёрнула я её и просто пошла в зал заседаний.

Он находился прямо по курсу, будучи смежным с кабинетом Арти.

Подойдя к двери, поправила юбку, широко улыбнулась. Пакет с едой был сжат у меня в левой руке, дамская сумочка в правой. Я кое-как постучалась и зашла в помещение.

– Здравствуйте, Артур, извини что отвлекаю, но мне...

Я запнулась, не веря, уставилась на человека, с которым проходила встреча мужа. С каждым вздохом казалось, что грудь разрывает на части.

На мгновение забыла, как дышать. Ксавье Роже Делакура сидел на одном из стульев, облокотившись на стол. Синие глаза задумчиво смотрели на меня, губы тронула едва заметная улыбка. Причёска та же самая, что и пять лет назад, лёгкая проседь на висках. Она его не уродовала, а наоборот, добавляла серьёзности, мужского лоска.

Боже, Шелли, скажи что-нибудь! Не стой столбом! Не показывай слабость.

Я повернула голову и уставилась на застывшего мужа, в карих глазах, которых сияла вина.

– Что он тут делает? – постаралась как можно твёрже спросить я, – Только не говори, что этот, – кинула на Делакура брезгливый взгляд, – прибыл в Россию для ведения бизнеса. Мы оба знаем, чем он заведует. Или ты, дорогой, решил бордель открыть?

Артур обогнул стул и подошёл ко мне.

– Шелли, – в его голосе слышалась боль.

Горько усмехнулась.

– Теперь понятно, почему ты вчера, словно бешеная собака ходил и слюной брызгал. Только вот я, оказалась снова дурой.

Я подняла пакет с едой и сунула Арти.

– Поешьте. Вы, вероятно, голодные. А у меня аппетит пропал.

Развернулась, и гордо подняв голову, вышла из зала заседаний.

К чёрту их. К чёрту мужиков!

Глава 17

«Я не боюсь чувствовать, я боюсь утонуть в чувствах... Я не боюсь физической боли, я боюсь душевной... Я не боюсь любить... я боюсь быть ненужной... Я не боюсь умереть... я боюсь остаться без тех, кого так сильно люблю...»

© Интернет

Меня тошнило. Сильно. Я зашла в туалет и закрыла на замок дверь. Прислонилась к ней спиной, чувствуя, как колени подгибаются, и я медленно сползаю вниз.

Предательство. Оно такое горько-терпкое на вкус. Будто таблетка анальгина на языке. Он тут. С Артуром. В одном кабинете. Твою мать, я не хотела в это верить. Арти спас меня тогда, вытащил из оврага, помог стать человеком. И как он мог снова столкнуть меня лицом к лицу с этим человеком? Как он посмел повергнуть опасности будущее Кэти? Ведь если Делакура о ней узнает...

Меня прошиб озноб. Я даже думать не хотела о том, что когда-нибудь этот ублюдок посягнёт на мою дочь.

Встала, поправила одежду и подошла к раковине. Включила ледяную воду и слегка намочила лицо, чтобы макияж совсем не испортился. Посмотрела в зеркало. Да, этот день не был запланирован именно так. Хотела удивить мужа и поговорить, а получила испуганные зелёные глаза, дрожащую нижнюю губу и адское желание расплакаться. Нельзя. Не тут уж точно, когда в любой момент могу с ним столкнуться. Он не увидит больше моих слёз, не услышит ни оправданий, ни бесполезных извинений.

Горько усмехнулась. Я ведь просто хотела быть счастливой. Растить дочь, заниматься любимым делом, познавать мир сквозь призму радости. А что в итоге?

Такое впечатление, что я и не покидала Парижа. Что осталась всё той же влюблённой дурой, которой попользовались и выкинули. А хватило всего лишь одной встречи!

Ручка двери неожиданно повернулась. Я вздрогнула, понимая, что нужно уходить. Сидеть в укрытии было очень заманчиво, но всё имеет своё время. Любовь, страх, боль, гнев... Просто надо пережить этот период и отпустить. Вот только я не могу этого сделать. До сих пор слишком больно, до сих пор страшно...

– Эй, Вы там утонули? – недовольный женский голос раздался по ту сторону двери. Выключила воду, улыбнулась отражению, расправила плечи и вышла...

– Ой, госпожа Ржевская, прошу прощения... Не знала, что Вы именно там...

Выдохнула. Я столкнулась с секретарём Артура, которая видимо, только что вернулась с обеда. Это была женщина в самом расцвете сил, то есть за сорок. С шикарными чёрными прямыми волосами, алыми губами и тёмными глазами. Рита, кажется...

– Ничего страшного, – пожала плечами, – Всего хорошего! Кивнула ей и быстро ретировалась.

Я буквально выбежала из здания и остановилась, чтобы восстановить дыхание. В сумочке телефон разрывался от звонка Арти. Я, наплевав, слушала рингтон и злилась. Не вечно же мне хныкать и понимать? Медленно, словно никуда не торопясь, пошла к автобусной остановке. Села на лавочку и достала телефон. Пять пропущенных и одно не принятое сообщение:

«Ответь. Я волнуюсь. Ты где? Я всё объясню... Прости».

Арти, как обычно, в своём репертуаре. Коротко и ясно, без прелюдий. Объяснит он... Хотелось бы, чёрт возьми! Я написала смс Алисе:

«На работе меня сегодня не будет. Держи в курсе дел».

Мне безумно хотелось выговориться Алиске, но пока не могла. Надо переварить самой эту шокирующую информацию: мой бывший в Москве.

Приехал мой автобус. Я поднялась по ступенькам и села на свободное место. В салоне пахло бензином и тучная женщина-контролёр, в пёстрой одежде, жуя жвачку подошла ко мне. Я протянула сто рублей.

– Мне до Сокольников.

– Иностранка что ли? Акцент чудной, – гаркнула контролёрша.

– Да, – выдавила я.

Женщина оторвала мне билетки, дала сдачу и ушла, пробормотав:

– Понаедут тут... Вози их.

От этой реплики, тошно стало. И так, настроение хуже некуда, а сейчас испортилась ещё больше.

Я стала смотреть в окно и слушать через наушники музыку. Сейчас я заберу Катюшу из садика, и мы поедем с ней гулять. Не хочу думать ни об Арти, ни об этом ублюдке. Просто хочу провести время с самым дорогим мне человеком. При ней я просто не смогу грустить и плакать.

Автобус ехал медленно. Из правого глаза по щеке проскользнула слезинка. Я всхлипнула и вытерла щеку.

Я не знала от чего мне больнее больше: от поступка Артура или от приезда Ксавье. Но то, что сердце разрывалось, было уже нехорошо. Глубоко в душе я гордилась, что не позволила себе расплакаться, что говорила относительно спокойно и не так долго стояла истуканом.

А с другой стороны, мысленно давала себе затрецину, что не высказала Ксавье насмевающимся тоном всё, что думаю.

Хотя, кто я для него? Возможно, это просто бизнес, а я надумываю себе Бог весть что. Я прикрыла глаза. Когда до счастья остаются считанные шаги, появляется тот, кто всё рушит. Нужно преодолеть это. Смогла тогда, сейчас и подавно справлюсь. У меня есть дом, ресторан, образование и смысл в жизни. Пять лет назад у меня этого не было. Всё-таки жизнь та ещё сука, как её не люби. Москва тоже была не Парижем. Менталитет у людей другой, более жёсткий. Конечно, все люди разные, и не важно, какой национальности. Но если большинство в Париже улыбаются, то в Москве ходят хмурые, как тучи. А ещё вечно спешат: на работу, учёбу, практику.

Я привыкла жить в таком диком темпе, и он меня устраивал. Да, как и обычный человек, я валюсь с ног от усталости, но получаю удовлетворение от проделанной работы.

Телефон зазвонил. На дисплее высветился номер подруги. Включила гарнитуру и ответила в микрофон:

– Привет, как дела?

Алиса была взволнована. Сильно. Артур звонил, искал меня. На что я ответила, что пусть поищет. Ему полезно. Подруга очень

удивилась, так как это был первый раз, когда я высказалась в подобном тоне о муже. Я заверила её, что всё в порядке и еду за дочкой.

– Если Ржевский звонить будет, ты не знаешь, где я, хорошо? – улыбнулась, – Лис, я потом всё расскажу. Это не телефонный разговор. Много клиентов? Оценили блюда?

Алиса переключилась на другую тему, и я вплоть до своей остановки слушала новости. Выдернув наушники из ушей, положив нагревшийся телефон в сумку, закуталась в пальто. Я шла по многолюдным улицам, слушая городской шум. До частного детского сада было идти долго, но меня это не смущало. Я любила гулять и сегодня могла себе это позволить. Вспомнился развлекательный дом, девушка Тереза, Моранси... Иногда я задумывалась: как я жила бы, если б Арти меня тогда не встретил? Куда бы пошла? Вернулась ли домой или направилась бы прямо к Ремингтону? Или же бродила б по улицам Парижа, упиваясь голодом, холодом и болью.

Повороты судьбы круты. Никогда не знаешь, куда ведёт та или иная дорога, или тот же человек. Один толкает тебя в бездну, другой же ловит и не даёт упасть. Но без одного, не было бы другого. Цепная реакция, без которой было бы не интересно. А возможно, что просто вообще ничего не было. Если бы не встретила Ксавье, то не лишилась бы девственности через насилие, не получила бы деньги на лечение Армана, не встретила бы Арти, не родила бы Катю, не получила бы образования... Всё, к чему мы идём, наступая раз за разом на грабли предопределено. Я не верю в судьбу, но верю, что всё в жизни взаимосвязано. И человек сам решает, какую дорогу ему выбрать. Путь – это осознанное решение и винить в нём можно только себя. Выбор, несмотря на моральные стороны человека, полностью ложиться ответственностью на его плечи. И неважно, какими доводами пользуешься. Я легла под Ксавье, думая, что помогаю брату. Но Арман был обречён, просто я хотела думать иначе. И я, в том числе виновата в том, что сейчас, спустя шесть лет страдаю.

За прошедшие годы я не стала стервознее или эгоистичнее. Но я стала взрослее, мудрее, раскрепощённое. Научилась ценить себя, свой труд. У меня появилась гордость. Хотя, если бы моим родным вновь угрожала опасность... Я отмахнулась от таких мыслей, не желая дальше развивать. Мысли материальны, если постоянно в них витать.

Я остановилась перед детским садом. Улыбнулась и прошла вперёд. Дети, вероятно, ещё спят, и может, мне придётся немного подождать.

Идя по узкому коридору сада, рассматривала разрисованные гуашью стены, на которых красовались рисунки детей. Помню, как в первый раз отвела дочку сюда, как она тянула ручки, плакала, не желая меня отпускать. Как я сквозь слёзы уходила, чувствуя острый прилив вины. Негодовала на мамочек, которые так спокойно оставляли их с чужими людьми. Первое время, постоянно испытывала стресс. Да, я оставляла Катю с няней дома. Но одно дело в родной обстановке и с проверенным человеком. Другое – совершенно незнакомое место, хоть, по отзывам, очень хорошее. Все проходят через это, все матери волнуются, оберегают и чуть что, сразу в слёзы. Последнее явно про меня.

Сейчас, я знаю, что дочке здесь хорошо. Она многому учится, многое узнает. Воспитатели прекрасные, дельные. И самое прекрасное чувство: ребёнок бежит к тебе, распахнув руки в стороны для крепкого объятия. Ловишь, целуешь и обнимаешь. Вот что значит любовь. Безвозмездная, светлая, искренняя. Любовь не терпит боли, надругательств, лжи. Она лишь дарит сердцу комфорт. Под ним многое подразумевается и для каждого человека комфорт свой, особенный.

Я поднялась на второй этаж и зашла в Катюшину группу. Тишина.

Посмотрела картинки на шкафчиках, умилилась и присела на скамейку. Достала телефон и посмотрела на время: три часа. Через полчаса детей поднимут. Ждать недолго.

Мобильник вновь показал не принятые вызовы и непрочитанные сообщения. Одно было от неизвестного номера. Лучше бы я его не открывала:

«Shelley,réponds à mon mari, il a le trac. Et nous avons besoin de parler. Plus précisément, j'beaucoup de choses à te dire. К».

Мне захотелось сплунуть. Как он вообще посмел мне написать? Да ещё в своей чёртовой манере:

«Шелли, ответ мужу, он волнуется. И нам надо поговорить. Точнее мне многое нужно сказать тебе. К».

О, да, прям сейчас, подпрыгнула, и побежала гладить Арти по головке и с тобой беседы проводить!

Блин, только более-менее в себя пришла, как снова... Я удалила сообщение и занесла его номер в чёрный список. Ему надо, пусть и разговаривает. Я же в своё время уже вдоволь наговорила и наслушалась.

Но Арти, всё же, скинула смс, что со мной всё в порядке и я забираю Катю. И чтобы не смел, больше беспокоить моего повара и донимать меня. По крайней мере, до вечера.

Даже не хотела думать о разговоре. Надеюсь, он не додумается привести этого ублюдка домой. Тогда ни один, ни второй меня и Катю больше не увидят.

Кажется, сейчас я поняла, что без мужиков в жизни проще. Да и вообще одной проще. Сам себя же не предашь?

Время текло медленно. Я успела собрать Катины вещи, позвонить няне и сообщить, что на сегодня она может отдыхать.

Я услышала детские голоса. Улыбнулась. Кто-то там завозился. В группу неожиданно зашла воспитательница Ксения Андреевна.

–Здравствуйте! – она улыбнулась мне, – Радио няня оповестила, что Кирилл вновь проснулся раньше и решил всех перебудить. Вы за Катей?

Нет, за Васей... Кивнула.

– Как она? Поведение, успехи?

Воспитательница широко улыбнулась и разошлась в комплиментах. Нет, слушать приятно, что дочка хорошо кушает, взаимодействует с детьми... Но говорила бы женщина по существу.

– ... только вот бывает, что начинает говорить на французском.

– И? Мы учим два языка. Вероятно, ребёнок путает слова, но это случайно. Если будете её поправлять, то она быстро среагирует и переключиться на русский, – недовольно проговорила я.

Меня сегодня все решили с ног сбить или просто день такой?

Ксения ушла, раздражённо сморщив носик. Вообще отзывы о ней хорошие, и заведующая хвалила воспитателя.

Густые русые волосы, стянутые в тугий пучок. На лице минимум косметики, ухоженная кожа и добрая улыбка. Но иногда сквозь ангельскую пелену я почему-то лицезрела чёрта. Глупое сравнение. Просто... Мне кажется, она не терпит господства над собой. И пытается лечить родителей. Видите ли, Катя, иногда, может ответить на иностранном языке! Лучше бы она задумалась, что сама говорит

только на родном. В общем, настроение моё подкошено основательно. Вся надежда на дочку.

– Маааааааама!

Шею вмиг оплели маленькие любимые ручки. Кэти забралась ко мне на колени и поцеловала в щеку. Дочка была в тонкой майке и трусиках. Нахмурилась.

– А где твои носки с босоножками? Почему босиком?

Дочка сразу начала тараторить на моём родном языке. Да, собственно и на своём. Она ведь француженка. Рассказала, что воспитательница сказала, что я пришла. Катя не поверила и, спрыгнув с кровати, сразу же побежала смотреть. Усмехнулась.

– Ты умылась? Сходила в туалет? Катя покачала головой.

– Тогда давай быстро делай дела и поедем кататься на каруселях. Сегодня будем развлекаться.

– Правда-правда? – на меня уставились синие глаза дочери.

– А то! Катюша меня стала расцеловывать.

– Спасибо, мамочка! Спасибо, спасибо! Я спустила её на пол.

– Бегом за башмаками и носками! И чтобы в следующий раз сразу одевала! Говорила это я уже в спину убегающей дочки. Усмехнулась. Какая же она... Моя.

Два часа спустя

Москва бросала слёзы на мокрый асфальт. На каруселях покататься не удалось из-за дождя, и Катя расстроилась. Зато мы посетили московский метрополитен и Кате очень понравились электрички. Девочка была в первый раз в подземке. Так мы и добрались до центра столицы, сходили в кинотеатр на мультфильм, поели сладкую вату и попкорн.

Купили Кате игрушку «Лунтик» и, вызвав такси, поехали ко мне в ресторан.

В целом, дочь была довольна, я измотана. Но мне понравился этот день. Редко я провожу его так: только мы вдвоём. Здорово, вот так провести время, отвлечься, расслабиться, обдумать... Конечно, у меня болела голова, от нескончаемых потоков вопросов Кэти, и я была голодной, как медведь. И мне очень не хотелось ехать домой. Сегодня я не желала вести разговор. Слушать оправдания, пытаться понять...

Но я не могла повернуться спиной и сбежать. Не потому, что я так не могу сделать. А потому, что всем обязана Арти, потому что он родной для меня человек.

Мы зашли в ресторан и прошли в мой кабинет. Там разделись.

– А папа приедет? – спросила меня малышка.

– Нет, солнышко. У него много работы и увидимся только дома.

Вот сейчас покушаем и поедem к нему.

– На метро?

– Нет, на машине.

Катя задумалась.

– Хорошо. Но ты меня ещё покатаешь на эле... поездах?

Рассмеялась.

– Как-нибудь! Побудь здесь, я схожу за тётей Алисой.

Катя кивнула и сев на диванчик, стала играть на моём телефоне в миньонов.

Технический прогресс... У меня даже в двадцать лет подобной техники не было... Современный мир, та ещё чёрная дыра. С каждым поколением дети становятся всё прогрессивнее. И ладно, если бы это касалось только техники... Сейчас ребёнок узнает о сексе очень рано. СМИ ему в этом помогают, как и родители. Но ведь не денешься никуда, когда показывают различные рекламы, когда на каждом шагу пестрят баннерами.

В общем, я хотела бы, чтобы Катю это обошло. Но наивной я перестала быть уже давно...

Я нашла Алису на кухне при параде. В поварском колпаке, в белом фартуке и с мукой на щеках. Она гневно что-то кричала Вадиму про сахар и его короткий ум. А тот на тебе и поцеловал её. Вот так прям, притянул и приклеился к её рту губами. Персонал загоготал. Подруга отшатнулась от Вадика и стремительно залепила, нахалу, пощёчину. Зло посмотрела на всех.

– Ну, держитесь у меня, – процедила она сквозь зубы. Я не выдержала и рассмеялась. Теперь всё внимание было приковано ко мне. Алиса покраснела и подошла ко мне.

– Ммм, – замялась она, – Извини. Он придурок, я же говорила.

Вздёрнула бровь.

– Так это у вас в порядке вещей?

Étonnamment(фран.поразительно)...

Алиса вспыхнула.

– Не выдумывай. В первый раз он свои губы распустил, осьминог хренов. Бесит уже. Можно мне другого су-шефа, а? Шеллс, он меня до ручки доводит.

– А раньше не доводил?

Девушка покачала головой.

– Не до такой степени. В последнее время, будто с цепи сорвался. И сегодня, говорю, что нужно положить сахара меньше, потому что будет конфитюр. Вадим начал, мол я тут кондитер, я сам знаю сколько и чего... А я блин, чурбан простонародный, так тут, баклуши бью!

Ясно... Опять территорию не поделили.

– Я поговорю позже с вами обоими. Нечего мне тут народ веселить своими любовными стычками.

Алиса открыла даже рот.

– Я...

– Ага, ты организуй мне и Кате ужин в кабинете. Голодные ужас.

Глаза у Алисы заблестели.

– Малышка здесь? Здорово! Сейчас я вас накормлю...Мне стало страшно от её голоса.

– Лис, только без фанатизма, а то отсюда уйдём шариками на ножках, – с притворным ужасом проговорила я. Казанова рассмеялась.

– Зато, какая реклама ресторану!

С этим не поспоришь. Я видела, что подругу сгрызает любопытство, но она упорно молчала, не спрашивала. А я... Не готова ещё обсуждать это с кем-то. Сначала нужно разобраться самой, попытаться наладить то, что уже кануло в бездну. Одернула себя.

Сколько раз говорила себе, что не стоит рубить с плеча, столько раз...Я подошла к кабинету и услышала Катин голосок. С кем она говорила? К горлу подобрался противный комок, который не давал от страха сглотнуть слюну.

Дочка говорила по-французски. Похолодела от осознания того, кем был её собеседник. Ударила кулаком в дверь. Пришлось войти.

– С кем ты разговариваешь? – с ходу спросила я.

Девочка улыбнулась.

– С твоим другом Роже, – ответила Катя.

Роже? Хлопнула мысленно себя по лбу. Ксавье Роже Делакура... Сукин сын!

– Мам, – Катя посмотрела на меня, – Он хочет поговорить с тобой.

Мне просто пришлось взять трубку и приложить телефон к уху. Сейчас я хотела бы, чтобы Кэтрин не знала моего языка. У меня просто язык чесался высказать всё её биологическому отцу. Но приходилось натянуто улыбаться и фильтровать слова... А жаль...

– Роже? Я Вас внимательно слушаю...

И правда, далее я просто слушала. То, что я родила от него дочь, что не сообщила ему, и т.д. и т.п...

Да, вскочила и полетела из России в Париж, чтобы сообщить этому... что он станет папочкой. Во мне рокотал гнев. Я бросила трубку.

– Больше не отвечай на мои звонки, если не высвечивается имя отца или Алисы, хорошо? Глаза дочери налились слезами. Она шмыгнула носом.

– Я думала, ты будешь рада. Он... Вежливый и много про тебя рассказывал.

Вежливый? В иной жизни... Но не могла же я наговорить Кате о нём гадостей. Это неправильно, даже если и она не знает об истинном положении дел. Я присела рядом с дочкой.

– Не все люди вежливые и хорошие. И он не мой друг. Давний знакомый, с которым я предпочла бы не общаться. Ты ни в чём не виновата. Но в следующий раз, смотри, кто звонит. Номер неизвестный, значит, не бери трубку, хорошо?

Катя вытерла слёзы. Я посмотрела на номер Ксавье. Уже другой. Видимо, понял, что я не отвечу и сменил сим-карту. Не удивительно. Боже, ну почему это происходит со мной? Дверь открылась и вошла Алиса с подносом. Увидев её, не выдержала и расплакалась. Не смогла. Чёрт возьми, я не смогла!

Глава 18

Алиса обнимала меня всё то время, пока я плакала. Мы хотелось выть в голос, и поэтому я зажала рот рукой. Всё так навалилось, что просто жаждала провалиться сквозь землю. Страх с новой силой сжал горло, и я не заметила, как громко застонала.

Подняла голову и увидела, как дочка смотрит на меня и вытирает слёзки. В голубых глазах застыла такая вселенская боль, что мне стало стыдно за свой срыв.

Знаю, малышка, мамочка совсем расклеилась, но это ненадолго... Клянусь. Просто был достигнут предел... Тот самый, когда эмоции больше не в силах тесниться в клетке и просто вырываются из неё, затрагивая всех тех, кто рядом. Я не хотела, чтобы Катенька видела меня такой. Слабой, плачущей, несчастной.

– Чёрт, что с тобой?– шёпотом спросила Алиса.

Я вытерла глаза и выровняла дыхание.

– Помнишь, я рассказывала про мужчину из прошлого?

Алиса кивнула.

– Он в Москве и даже более скажу: я его встретила в конференц-зале Артура.

– Вот...Блин!

Подруга нахмурилась.

– Теперь всё понятно, – пробормотала она,– Как будто пазл сложился окончательно.

Что понятно? Я не всё ей рассказала, да и ни к чему. Достаточно было, что Арти в курсе. Алиса знает, что в моей жизни присутствовал мужчина, который был полным мудаком. Я не говорила, что сама подписалась быть его шлюхой, что мне нужны были деньги, что он меня грубо отымел, и я забеременела...

– Мама...

Тонкий голосок дочурки заставил меня переключить внимание. Заплаканные глаза, дрожащая нижняя губа... Сердце сжалось от представшей передо мной картины испуганного ребёнка. Никогда я не видела подобного взгляда Кати. И не хочу.

Поднялась и быстро пошла к дочке, села рядом с ней и обняла. Вдохнула в себя запах любимого человечка и успокоилась. Мои эмоции по сравнению с Катей не имеют значения.

– Мама просто сильно расстроилась. Но больше такого не будет. Ты самое светлое и дорогое, что у меня есть. И знай, мамочка тебя любит больше жизни, – шептала ей на ушко, рукой поглаживая спинку Кати.

Дочка кивнула. Я освободила её от своих материнских оков и улыбнулась.

– Давай кушай и будет собираться, – тепло проговорила я.

Пока Катерина доедала, я посмотрела на подругу.

– Я не могу всего рассказать. Слишком грязно и чересчур больно. Но он пытается добраться до меня. Уже познакомился с Катей... По телефону, правда, но сомневаюсь, что он ограничится лишь этим разговором.

Казанова ахнула и прикрыла рот рукой. Подруга знала, что союз между мной и Артуром фиктивный. В целом, это можно было заметить, будучи часто входящим в узкий круг семьи Ржевских.

– Шелли, – шёпотом позвала Алиса, – Просто невероятно... Как он узнал про малышку?

С безысходностью во взгляде посмотрела на неё и пожала плечами.

– Кто знает... Может, Арти... Хотя нет, он не мог. А там... ресурсы этого француза велики.

– Шеллс... А твой муж, что говорит? Какого спрашивается лешего...

Дверь в кабинет резко открылась и показалась светлая голова одного из поваров.

– Госпожа Ржевская, здравствуйте... Шеф, нам нужна ваша помощь... Там... Это... Аврал полный.

Алиса эмоционально взмахнула руками и довольно грубо для девушки выругалась.

– Ни десяти минут без меня!

Повар замялся.

– Вообще-то, почти сорок пять минут...

Подруга гневно посмотрела на него.

– Поумничай у меня тут ещё, – и, посмотрев на меня, шептнула, – Потом поговорим.

Я молча кивнула. Говорить при Кате я и не собиралась.

– Мы домой поедем. Завтра тогда жду тебя и нашего администратора в кабинете в одиннадцать.

Алиса убежала, я же, потеряв аппетит начала собирать Катю домой. Вызвала такси, сама оделась и когда мы уже вышли из ресторана, нас уже ждала машина.

Москва не была тихим городом и даже сквозь закрытые стёкла тонированного автомобиля была слышна «жизнь» города. Мы ехали медленно, долго и Катя была чрезвычайно тихой. Я пыталась её разговорить, но ребёнок играл в моём телефоне и не желал идти на контакт. Устала, вероятно. Да и я тут сопли перед ней развесила.

Я молча смотрела в окно и настраивалась мысленно на тяжёлый разговор с Артуром. Сложно что-то формулировать в мозгу, когда его полностью затмевают эмоции. Когда склеенное с таким трудом сердце пытаются вновь разбить, срабатывает защитный механизм. Много мыслей, много обвинений и совершенного отсутствие логики. Мне было до скрежета зубов обидно, что Арти мог скрыть приезд Ксавье в Россию.

Усмехнулась и посмотрела на дочь. Никто у меня её не отнимет, порву к чёртовой матери.

Как бы я не хотела простого женского счастья, благополучие моей малышки было первостепенным. Да, я однолюбка и возможно, больше не смогу полюбить. Не смогу отдаться без остатка и полностью доверять. Не смогу, шептать «люблю» и проводить рукой по горячей коже... Не смогу... Потому что есть вещи, которые не меняются. Любовь пройдёт, мужчина исчезнет, а ребёнок... Он останется и будет с тобой. А этой любви мне с избытком хватило. До дрожи в коленях, до мурашек по коже, до нервных окончаний...

Мы приехали домой к восьми вечера. Я успокоилась и привела мысли в порядок.

Катя сразу же побежала к себе в комнату, к игрушкам.

Я же заметила, что вокруг меня поразительно тихо.

Сняла пальто, повесила на вешалку и убрала в шкаф. Села на пуфик и стянула сапоги. Почувствовала блаженство «свободы» ступнями и даже прикрыла глаза.

– Я не знал, приедешь ли ты сегодня, – раздался тихий голос Арти.

Я открыла глаза и посмотрела на мужчину. На нём лица не было: бледный с синяками под глазами. Губы скривились в горькой усмешке, руки сложены на груди и лишь указательный палец стучал по тёплому мягкому синему трикотажу свитера, указывая на нервозность.

– Написала же, что дома поговорим, – отстранёно ответила я, вставая с пуфика. – Ну, давай, жду не дождусь занимательного рассказа.

Артур стал перегибаться с ноги на ногу.

– Давай, после того, как Катюшу уложим. А то...

Я оборвала его на полуслове.

– Да, так будет лучше. Надеюсь, ты не притащил Этого к нам в дом? А то мало сюрприз, а я не в курсе?

Артур сжал губы и двинулся ко мне.

– Шелли, мне так жаль... Я должен был узнать...

– Потом. Я хочу почитать сказку дочери и накрыть её одеялом, а перед этим вместе с ней почистить зубы и переодеться. Спасибо, что дал Делакруа узнать, кем ему приходится Кэтрин.

Артур хотел было что-то сказать, но я отвернулась и ушла, не жалея смотреть в полные сожаления карие глаза.

Мне было тяжело. Морально. Но я всё же приняла душ, помыла дочку, почистили вместе с ней зубы и легли в постель.

– Мам, а ты расскажешь про дракона? Нам сегодня в садике читали такую сказку.

Я улыбнулась.

– Расскажу, только другую.

Катя засмеялась и кивнула.

– Итак, давным-давно в зачарованном лесу жила маленькая девочка Катиния. У неё были светлые волосы, голубые, как небо глаза и редкий дар. Она могла говорить с животными. И вот, сбежав однажды от родителей, Катиния заблудилась и вышла на тропу, ведущую в самую страшную, большую пещеру. Ей туда ходить было строго-настрога запрещено. Девочка тихо рассмеялась и бросилась навстречу приключениям. – Я погладила малышку по головке, – Кати зашла в пещеру, озираясь по сторонам. И вдруг увидела пламя, рвущееся из пасти трёхглавого дракона...

– Змея-Горыныча?

– Да, слушай и глазки закрывай...

Выдохнула и продолжила:

– Катиния испугалась и спряталась за большой валун....

К тому моменту, когда я закончила сочинять историю, дочка уже спала. Сказка ложь, а в ней намёк... Катиния успела подружиться с драконом, вывести свет и найти ему невесту. А после этого вернуться к родителям. Нелогично, но что поделаешь.

Я прикрыла за собой дверь и спустилась на кухню. Свет горел приглушённо, на столе стояло два бокала и бутылка вина. Артур стоял ко мне спиной и что-то резал.

– Решил меня споить?

Мужчина вздрогнул.

– Шелли, не надо так... Позволь объяснить.

Он обернулся и поставил тарелку с красной рыбой и сыром на стол.

Пригласил меня присесть, разлил вино по фужерам. Я сделала глоток и взяла кусок сыра «Дор Блу», который прекрасно сочетался с напитком и был моим любимым.

– Шелли, я понимаю, что выглядело сегодня всё в худшем свете...

Хмыкнула.

– Неужели?

Арти с мольбой посмотрел на меня. Боже, не люблю его этот взгляд. Точно, как у щеночка. Провинившийся.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя. Давно уже... Можно сказать до одури. Ждал, пока ты освоишься в новой стране, избавишься от прошлого. Тогда в баре... Не знаю, может, я мастер западать на плачущих девиц, – он сделал большой глоток вина, – После Алины я не любил. Точнее понял, что к ней не испытывал таких эмоций, как к тебе. Ты родила Катю, и я был счастлив стать ей отцом. Пусть не биологически, но всё же. Думал, время пройдёт, ты поймёшь, что... В общем...

– Арти, я ни разу не давала ложных надежд. Когда мы заключали брачный союз, то я предупредила, что женой в полном смысле стать не смогу. Я люблю тебя, но как друга, брата... И поверь, я не сидела бы тут, если бы ты для меня ничего не значил. Ты отец моей дочери, ты меня вытащил из грязи, ты дал мне реальный шанс на жизнь. Но я не

могу тебя обманывать надеждой на наше совместное будущее. Не могу, целовать тебя только из-за благодарности. Я не лицемерка и слишком уважаю тебя, чтобы обманывать.

Артур вздрогнул.

– Именно за твою душевную чистоту и полюбил тебя. Поверь, я всё понял, просто тяжело разговаривать, смеяться, жить под одной крышей и знать, что никогда не будешь моей. Вчера я был на взводе, потому что со мной связался этот упырь. И как следствие захотел окончательно убедиться, что мы всего лишь друзья...

Я положила руку на его ладонь и сжала.

– Ты и Катя самые близкие для меня люди. Не забывай об этом.

Глотнула из бокала вина и закинула в рот кусочек слабосоленой рыбки.

– Извини, что так категорично отреагировала. Но этот мужчина воскрешает болезненные эмоции и страх потерять дочь. И всё же, как вы вообще встретились?

Артур нахмурился.

– Он позвонил мне вчера под вечер, представился и попросил пересечься. Я не хотел этого делать, но раз он был в Москве, значит нашёл тебя и это мне не понравилось. Учитывая, в каком состоянии я нашёл тебя пять лет назад... В общем, настроение было мерзкое. В голове витали ненужные мысли. А что если ты к нему уйдёшь? Заберёшь Катю и кинёшься к этому мудаку, что... – взмахнул рукой, – Моё состояние ты вчера видела. Утром и днём оно тоже было не ахти. Не знал, что ты появишься на пороге зала заседаний, что встретитесь, лоб в лоб.... Могу сказать, что он тоже был не готов к этому и пребывал в некоем ступоре минут пять.

Вздёрнула бровь.

– Никуда я не денусь. Но вот, что Сава здесь забыл? Не просто же так заявился, баб снимать и новый бордель открыть. Хотя, с него станется...

Арти рассмеялся.

– Ты стала красноречивей. Мне нравится.

Улыбнулась, и подняла бокал.

– Прежде, чем ты продолжишь свой рассказ, давай выпьем за нас. За нашу крепкую дружбу и за твоё понимание.

– Давай просто за нас.

Бокалы вздрогнули, и мы залпом их осушили.

– Ксавье прилетел за тобой Шеллс. Не знаю, откуда он узнал про Катюшу, но точно не от меня. Он требовал нашего развода и всячески убеждал, что изменился и будет о тебе и дочери заботиться. Знаешь, говорил он так холодно, так цинично. Как будто выторговывал у меня безделушку на рынке.

Я аж вскочила со стула от пронзившего меня возмущения.

– Самоуверенный индюк! Хрен ему, а не дочь, – прошипела я и вновь вспыхнула, – Он что, считает меня вещью? Ой, надоела, иди отсюда! Ой, соскучился, давай обратно! – эмоционально взмахнула руками, – Хотя, Арти, чего я удивляюсь? Он по-другому и не может. Для него все люди – предметы обихода. Изменился? Серьёзно? Тридцать лет блин не менялся, а тут оп-па и в дамках! Король хренов!

Разбушевалась я не на шутку. Нет, это вообще как понимать? За мной он, видите ли приехал? А меня спросить, забыл? А зачем, мы сразу к мужу пойдём, чего мелочиться.

Ещё меня бесил тот факт, что он узнал про Катю. Но откуда? Кто-то из моего окружения или же детектив? Я в социальных сетях не сижу, только на сайте своего ресторана, да и то, там подробной информации обо мне нет.

– Шелли...

Я уставилась на Арти.

– Чем закончилось всё?

– Тем, что он просил развода. Затем зашла ты, и он уже ничего не стал говорить. Мол, спасибо, что выслушал, теперь будет разговаривать только с тобой.

– Ну-ну, – процедила сквозь зубы, – Знаешь, Арти, что-то не хочется мне с ним беседовать.

– А придётся, иначе он не отстанет. Или будет тебя искать. Думается, этот человек не остановится перед препятствиями. Я помню, как он метил территорию в баре, как смотрел на меня... Как вытащил тебя оттуда. И его бесит тот факт, что именно я тот мужчина, к которому ты ушла. Но не это главное. Раз он прилетел в Россию, то не отступится. Поговорить надо, а там уже действовать будем по обстоятельствам.

– Дипломат ты. Это человек мне душу отымел, а ты толкаешь поболтать по душам.

Не знаю почему, но заливисто рассмеялась. Даже как-то истерично получилось.

– Да, уехала в другую страну и вышла замуж за лучшего друга. Жаль, что фиктивно, но ты заслуживаешь лучшего, чем я. А он всё равно явился. Идиот понял бы, что искать меня не нужно.

Артур скривился.

– Это правда, Арти. Я не хочу быть с Делакруа, мне комфортно тут, в России с дорогими мне людьми. Но я сомневаюсь, что смогу его забыть. Когда-нибудь в принципе. Пыталась, но прошлое не хочет отпускать. А сейчас, когда он тут, воспоминания стягивают мои нервы в тиски и эмоции в таком смятении, что хочется рвать волосы не только на моей голове. Всё так перемешалось, запуталось... Арти, я не знаю, что делать. Не знаю, как быть сильной, когда просто хочется зарыться лицом в подушку и подавить рвущиеся рыдания. Забыть всё раз и навсегда, отпустить... Думала, что изменилась, а сейчас понимаю, что не так-то и сильно. Видимо, люди не меняются и я тому, достаточный пример.

Артур смотрел на меня тёплого оттенка глазами. Улыбка застыла на его губах. Я не хотела его страданий, метаний... Ведь знаю, как он мучился из-за Алины и я ещё... Тяжело. Безответная любовь губит, выпивает досуха...

Всю мою жизнь меня отталкивали. Не важно, на какое расстояние. Я дарила тепло, себя, а взамен получала нож в спину. Мать, которая использовала меня, отец, который ушёл и оставил меня с ней разгребать проблемы.

Дальше был Ксавье. Несмотря на всё полюбила его, доверилась, а он... Что уж говорить, в моей жизни мало людей, которыми я дорожу. Точнее их всего трое: Артур, Катенька и Алиса. Ни за что их не брошу и не отдам. Порву за них, если придётся. Но надеюсь, до этого не дойдёт. Хотя, что можно ожидать от владельца борделя? Подлости? Разврата? Вранья? Манипуляции? Я больше ничего не удивлюсь, уже вполне мне хватило испытываемых эмоций связанных с Делакруа.

– Тебе не нужно меняться. Ты хороший человек и это не изменишь, – мужчина опустил глаза и продолжил, – Я всегда подозревал это, – тихо прохрипел Артур, – Мы словно в одной ложке с тобой катаемся и никак не можем вырваться на берег, где нас ждёт счастье и уют. Я тебя полюбил, наверное, за образ. Нежная, красивая,

добрая и такая искренняя. Одним словом, идеальная. Противовес Алине. Знание не облегчает боль...

– Никто не идеален, Арт, никто... Но со временем боль притупится, Арти. Я не любовь твоей жизни, хотя бы потому, что знаю... От любви сносит крышу, воздух искрится от напряжения и каждую минуту приходит понимание, что ты не можешь без запаха его кожи, без голоса, без его хриплого смеха. Без ощущения близости, безопасности и просто нужды. Я испытала это и поэтому знаю, что такой любви больше не испытаю. Я надеюсь, что ты встретишь неидеальную, но свою женщину. А я, может, когда-нибудь решусь... Хотя в это с трудом верить.

Артур встал из-за стола и направился к холодильнику. Я посмотрела на стоящую, на столе бутылку и поняла, что та пуста. Муж вытащил из холодильника ещё вина.

– Ночь обещает быть длинной, – он отсалютовал мне бутылкой и принялся её открывать.

Я улыбнулась.

– Помнишь нашу первую встречу? Как я тебе выливала всю свою жизнь у стойки бара?

Арти тихо рассмеялся.

– Ты была милой и пьяной. Половину слов с трудом разбирал. Но было интересно. Не каждая мадам навеселе меня могла заинтриговать. А тут полный финиш: жестокая жизнь, любовник, бордель... Я хотел себя чувствовать рыцарем. И жизнь дала мне на этот шанс. И теперь у меня есть ты и Катя. Ну, и Казанова твоя.

– Это точно, – хмыкнула я и поднесла к губам наполненный красной жидкостью бокал, – От нас так просто не избавишься. Мы уже успели тебе сесть на шею и свесить ножки.

– Ага, прям, как кошки. Я, собственно, не против.

Закрыла глаза. Мозг уже начал пьянеть и я поняла, что всё, хватит пить. Я просто хотела побыть с ним. Как раньше. Говорить, смеяться и не чувствовать того напряжения, что витало в последнее время между нами.

Было здорово поговорить по душам, расставить все точки над «i» и снова стать теми, кем и были: лучшими друзьями. Это не просто сотрясение воздуха, не просто набор слов. Это нечто большее.

Друг. Он всегда будет рядом. Всегда подставит плечо, всегда окажет, поддержу, и никогда не даст в обиду. Выслушает, поможет делом или советом. Артур не просто друг, он моя семья и этот мужчина лучший, кого я встречала. И в очередной раз очень жаль, что влюбилась не в него.

Мы просидели на кухне почти до утра. Болтали, смеялись, вспоминали. Чувство, когда ты кому-то нужен, не передать словами. Это в сердце, глубоко в душе. Под кожей. Там внутри, откуда уже не достать.

Я легла спать с хмельной улыбкой на губах. Ничего не будет, как раньше. Но всё будет лучше и правильней.

Утро

Мой оптимистичный настрой канул в воду, когда Катя, забравшись на постель начала меня будить.

– Мааааам, кашку хочу! – в ухо трезвонила она.

Мне казалось, что голову вот-вот разорвёт от боли. Если погулял хорошо, значит, утром будет плохо. И хоть я не напилась, как поросёнок, но похмелье меня всё же мучало.

– Малышка, а где Дарья...

– Дома. Только вот говорит, что давление одолело. А что это такое?

Разлепила глаза.

– Так иди к ней, кашу-то она приготовит, – буркнула я.

Кэти начала прыгать на кровати и кричать:

– Каша сгорела! Кашка сгорела!

Нехотя поднялась и посмотрела на неугомонную дочь.

– Встаю, мартышка, только не прыгай. Сейчас схожу, умоюсь и спущусь вниз. Папа ещё спит?

Катя покачала головой.

– Уехал. Сказал, что в садик сегодня не пойду, и буду дома развлекаться. Правда, здорово? А ты мне включишь лунтика?

– Угу.

Дочка спрыгнула с постели и выбежала из комнаты.

Значит, Артур уже уехал. И как он может вот так собраться и идти работать? Фантастика человеческих сил.

Я встала с постели и поплелась в ванну. Посмотрела в зеркало и криво усмехнулась. По сравнению со мной, панда отдыхает. Под глазами размазанная чёрная тушь, лицо бледное, а запах изо рта, заставляет, желать лучшего. Приняла душ, смыла с себя оставшуюся косметику, промокнула лицо освежающим тоником, почистила два раза зубы и расчесала волосы. Вот теперь, похожа на человека.

И как сегодня распланировать день? Мне нужно в ресторан, вызвать бухгалтера с отчётами...

Значит, сейчас позвоню няне и уеду до обеда. Поделаю дела, а потом с Кэти буду заниматься. Может, полепим из пластилина или почитаем, или порисуем, или поучим новые слова на французском.

Составив план действий, накинула на голые плечи шёлковый халат и вышла из спальни.

Мобильный телефон, лежащий на прикроватной тумбочке, завибрировал. Я взяла его в руки и посмотрела, кто звонит. Тело покрыла мелкая дрожь: номер неизвестен. Сто процентов Ксавье. Что делать? Как быть? Ответить? Договориться о встрече? Решить вопрос с ним как можно скорее или тянуть время? Нет, нужно и правда, с этим заканчивать. Артур всё правильно сказал.

Я провела рукой по экрану и прижала телефон к уху.

– Да?– нервно ждала отклика на другой стороне связи.

Ксавье не замедлил с ответом. Я услышала его голос и почувствовала, как в горле пересохло от волнения.

– Значит, ты хочешь встретиться? Для чего? Чтобы снова меня поливать грязью? О, или вернуть былые времена? Смотри, у меня больше нет за спиной больного брата, зато есть муж.

Мужчина извинился за прошлый звонок и поклялся, что хочет просто поговорить.

– Хорошо. Я согласна. Но только тогда, когда буду готова и там, где я скажу. Скину смс на определившийся номер.

Отключив телефон, прижала его к груди. Боже... Я мигом набрала номер Арти и всё ему рассказала, спрашивала совета. Правильно ли я поступила и не может ли он пойти со мной.

Артур ответил, что именно этот вопрос не требует его присутствия. Только я могу или положить всему конец, или вернуться к началу. Супруг не облегчил мне задачу. Вернуться куда? В Париж? С

Делакруа? В качестве кого? Содержанки? Шлюхи? Бесхребетного создания для постельных забав?

Ну, уж нет! Пусть этот кобель катится подальше от меня и моей семьи!

Окунуться во всё это дерьмо вновь, я была категорично не готова.

Глава 19

Этот же день

После разговора с Ксавье, я приготовила Кате кашу и, дождавшись няни, уехала в ресторан. Он был полон посетителей, и в заведении царила приятная и привычная суэта. Та, которая забывает забыть о личных проблемах и погрузиться в привычную рутину. Но, видимо, сегодня был не мой день.

Около часа я пыталась сосредоточиться на работе. Вызвала главного бухгалтера с отчётами, сделала несколько звонков поставщикам...

Главбух приехала как раз к тому времени, когда я уже просто не могла сидеть на месте. В низу живота росло волнение, ладони вспотели, и частое дыхание нагоняло панику. Забрала отчёты, отпустила сотрудника и поехала в салон красоты. Уж если предстать перед этим ублюдком, то при полном параде. Не знаю, правильное ли это решение, но мне нужно было разрядиться, почувствовать, что всё под контролем.

В салон я приехала к двум часам дня. Через три часа я вышла оттуда довольная, как слон. Алые длинные ногти переливались при дневном солнечном свете, объёмная причёска добавила к образу бизнес-леди элегантности, а профессиональный «make app» освежил цвет лица и подчеркнул зелёные глаза, делая их выразительными. Собравшись с духом, я написала Делакруа сообщение:

«Через два часа на Старом Арбате»

Почему именно там? Во-первых, людное место, во-вторых, мне нужно будет проехать всего несколько станций на метро. На машине туда добираться себе дороже, больше в пробках простою.

Мобильник пикнул.

«Буду ждать. К.»

Естественно будешь. Это тебе надо со мной поговорить. Я бы воздержалась, но бег по кругу ничего не даст. Лучше сразу по диаметру и решить все вопросы, чем мельтешить за собственным хвостом.

Я зашла в бутик и пропала. Всё же шоппинг доставляет удовольствие. Я не планировала ничего покупать. Просто погулять, посмотреть новые коллекции. Я и так была одета на пять баллов. Чёрные узкие джинсы обтягивали ноги, словно вторая кожа. Белая винтажная блузка скрыта под тёмно-зелёным приталенным пиджаком. Бежевое пальто и тёмно-коричневые ботфорты. Мне нравилось сочетание этих цветов. Не просто чёрный, а с нотками зелени, шоколада и молока. Изысканно я сказала бы.

Ко мне в бутике подходили консультанты и предлагали продукцию. Я мило улыбалась и говорила, что меня это не интересует. Приглядела милую кофточку и красное платье. Но у меня уже есть наподобие, и второе будет лишним. Первое одевала лишь раз, и то с неохотой. Красный ассоциировался у меня с маскарадом в Париже.

Далее я зашла в парфюмерный магазин и прикупила себе любимый аромат. Цветочный, с нотками корицы и апельсина. Удовлетворенная покупками посмотрела на часы: у меня оставался ровно час до встречи. Решила, что нужно ехать. К чему оттягивать неизбежное. Неторопливо вышла из торгового центра и размеренным шагом направилась к метрополитену. Небо затянуло тучами, которые казалось вот-вот лопнут, и начнётся проливной дождь. Не хотелось бы. Тогда придётся зайти в ресторан или под крышу.

С недовольной миной на лице вошла в метро.

Москва. Она стала для меня родной. Вечный двигатель прогресса. Всё постоянно находится в движении. Раньше меня это пугало и нервировало, а потом привыкла и полюбила. Если есть куда идти, бежать, лететь – значит, смысл во всей этой суете имеется.

Электрички были забиты под завязку. Час пик, как-никак. Я протиснулась между грузной дамой и тощим мужичком. Поезд двинулся, я немного покачнулась. Уши слегка заложило. Улыбнулась.

Одна станция... Вторая... Третья...

Выйдя из вагона, остановилась перед вывеской. «На улицу Воздвиженка. К улицам Старый Арбат. Новый Арбат».

Вот и пункт назначения.

Я вышла на улицу. Меня обдало холодным ветром. Дождь начал противно моросить. У природы нет плохой погоды...Зато вот у меня нет ни зонта, ни капюшона.

В течение получаса я неторопливо гуляла по Арбату, рассматривая витрины. Дойдя для памятника Гоголю, остановилась. Достала из сумки телефон.

«Я у памятника Гоголю»

Хотела нажать «оправить», но передумала. Пусть сам звонит, пишет, ищет. Это ему необходимо перемолвится словечками и что-нибудь типа китайской лапши мне на уши навесить.

Улыбнулась. Всё же во мне что-то, да поменялось. Стала острее реагировать, уверенней... Это не могло не радовать. Через десять минут мужчина мне позвонил. Я сообщила, где стою и услышала в ответ: «Сейчас буду. Жди». Как будто я куда-то собралась. Даже сейчас имеет наглость командовать.

Снова его голос. Снова нервная дрожь по телу. Я обхватила себя руками. Мне резко стало холодно, зябко и неприятно. Почему эта чёртова зависимость не проходит? Надоело, как же мне всё надоело.

– Шарлотта? – услышала я приглушённый голос Ксавье.

Родной язык. Приятно будет поговорить на нём, даже с ним.

– Забыл, как я выгляжу месье Делакура? – насмешливо спросила его.

Будто окаменела. Вижу его так близко. На расстоянии вытянутой руки. Синие глаза на фоне чёрного длинного пальто были такими яркими. Хотя и прищуренные. Тёмные волосы намokли от морозящего дождя, и появилось едкое желание пригладить их... Провести пальцами, почувствовать мягкость...

– Не смог бы... Да и не хотел. Ты изменилась.

Хорошее начало разговора, приправленное тягучим напряжением.

– Надеюсь. Ты хотел поговорить. Так что, давай начнём, – старалась как можно холоднее произнести, но получилось нервно и с дрожью в голосе.

Ксавье усмехнулся. Чему именно? Или как говорят в России: «Смех без причины – признак дурачины».

Удержалась от хихиканья.

– Мне нравится, что ты реагируешь на меня, Шелли. Очень нравится, – радостно отозвался Роже.

Реагирую... Ещё как! Он приезжает, переворачивает вновь мою жизнь и думает, что я буду стоять истуканом, не обращая внимания...

Да, меня пугает этот человек и моя реакция на него. Но, чёрт возьми, разум, сердце и тело, разные составляющие! Мозг говорит одно, сердце вопит от сомнений, а тело хочет той агонии, что раньше связывала нас. И если всё это собрать воедино, то получится гремучая смесь неизвестности.

– Это чувство не взаимно, Делакруа. Пожалуй, я начну разговор, раз уж решила вновь тебя лицезреть.

Ксавье подошёл ближе и неожиданно для меня схватил мою руку.

Вырвала её и гневно на него посмотрела.

– Не смей меня трогать,– процедила сквозь зубы,– Или ты думал, что я при виде тебя обомлею и растаю?

– Нет, но надеялся, – растягивая слова, проговорил мужчина, – Идёт дождь, идём в ресторан. В тепле и с кофе будет намного приятней продолжить этот занимательный диалог.

Я не стала сопротивляться, ибо дождь набирал обороты, а с собой не было зонта.

– Тут есть прекрасный ресторан «Прага». Он богат своей историей и там прекрасно готовят.

Ксавье молчал. Мы шли рядом, почти соприкасаясь руками.

– Ты родила от меня ребёнка,– прохрипел мужчина,– И твой бармен воспитывает её, в то время, как я... Узнал о ней совсем недавно.

Хмыкнула.

– И, слава богу! Чему бы ты её научил? Хотя, у тебя полно девиц, кто может её натаскать...

– Мадемуазель Боннер, заткнись, пожалуйста,– рыкнул Делакруа.

– Ржевская. И уже, как пять лет, мадам,– отпарировала ему,– Я замужем, Савушка, не забывай об этом.

– Это ненадолго. И не называй меня так...

– А это не тебе решать, – отчеканила я, сильно сжав кулаки.

Ему не понравилось? Значит, буду называть его так постоянно.

Мы остановились перед невероятным рестораном «Прага». Частичка прошлого великой России... Молочного цвета здание возвышалось над головой. Я не могла в полной степени описать его: так он был прекрасен. Я немного знаю об истории. Например, что здание было построено в семнадцатом веке и постоянно реставрировалось. Ресторан давным-давно был трактиром с

невысокими ценами. Мне было интересно читать о нём, но я не помню и половины. В голове сидела мысль, что для «Paris» я хочу такой же судьбы. Но мой ресторан не проверен временем, и в нём не готовят первоклассные повара. В «Праге» десять залов, кондитерская и ночной клуб. Иногда Арти заезжал сюда за тортами.

Мы зашли в ресторан, разделись и прошли в зал. Как же здесь красиво....

Передо мной открылась картина того времени, когда ступаешь по зелёному покрову с золотыми узорами, когда любишь очаровательными статуями ангелов на стенах. Когда изумрудные шторы создают момент старины, момент некой томящейся ностальгии. Я не русская, но всеми фибрами души чувствую себя частью этой страны, этого места и этого времени.

Нас поприветствовали и провели к свободному столику. Я мысленно сделала заметку, что зелёно-золотой цвет прекрасно сочетаются. Может, как-нибудь сменю дизайн в своём детище, например через год.

Хорошая идея, Арти должен оценить.

Мы с Ксавье сели напротив друг друга. Официант с бейджиком «Станислав» предложил нам меню и карту вин, которую я отложила в сторону. Если Делакруа желает пить, то ради бога. А я буду с ним только трезвой.

Я не хотела, есть, но прийти в «Прагу» и не заказать чашечку зелёного жасминного чая с кусочком фирменного торта, было бы кощунством. Даже не открывая «Меню» озвучила Станиславу заказ. Официант записал его в блокнот и выжидающе посмотрел на моего... На Делакруа.

– Сава, ты будешь что-то из предложенного в «Меню»?

Ксавье посмотрел на меня исподлобья.

– Да, тоже, что и ты.

– Тоже, что и у меня для мужчины, – обратилась я к Станиславу.

Официант молча кивнул и удалился, оставляя нас наедине.

– Только подумать, Шелли, – потянул Делакруа, – Раньше ты сама работала в ресторане...

– Я много, где работала и мы не об этом пришли беседовать, – одёрнула его.

Синие глаза прищурились.

– Да, не об этом. Начнём с того, дорогая Шарлотта, что ты моя. От кончиков пальцев ног, до прекрасного носика. И это факт, проверенный временем.

Фыркнула. Самодовольный индюк!

– До сих пор пребываешь в стране розовых слоников? Печально...

Ксавье стиснул кулаки так, что костяшки пальцев побелели. Это вызвало на моём лице лёгкую улыбку. Нервничает. Пусть. Ему полезно.

– Мне тяжело это говорить... Я прилетел извиниться, – выдавил он.

Удивил, как же. Сначала орёт в трубку, потом хватает за руку, заявляет, что я, видите ли, его и бац, извиниться прилетел. Чудеса, да и только.

Видимо, моя крёстная фея пропила свои крылья и подсунула мне «недопринца» из прошлого.

– Прилетел? Извинился? Теперь можешь обратно во Францию возвращаться, – покачала головой, скривив губы.

Ксавье не успел мне ответить, потому что официант принёс поднос с двумя чашками чая и порционными кусочкам торта «Ленинградский».

Станислав ушёл, пожелав нам приятного аппетита.

Делакруа откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Взгляд хищника, готового к опасному прыжку.

– Просто выслушай, – отчеканил он, – Я прошу прощения за тот раз, когда... Когда выгнал тебя. Я поверил тем, кому это было выгодно, а не тебе...

Сжала зубы. Почему не называть действия своими именами?

– За тот раз, когда ты меня изнасиловал, подверг в ужас, унизил? От тебя другого поведения ждать было бы глупо. Это я была дурой, что так быстро поверила тебе, влюбилась. Знаешь, гниль она внутри. Но у тебя она была снаружи и в какой-то момент, думала, что её становится меньше. По крайней мере, по отношению ко мне. Но тот раз доказал, что прогнивший человек остаётся таким, потому что так просто заразу не вывести. По-другому, это называется эгоизмом. Всегда был только ты. Ни я, ни Марко, ни кто-то ещё. Только твои чувства были в приоритете. Только на них ты опирался и плевался на других.

Ксавье молча на меня смотрел.

– Прости меня, Шелли. Я был глуп, порывист и самоуверен. Я...

– Если ты явился, чтобы разглагольствовать о своих качествах и прощении... То я пас. У меня нет ни желания, ни времени выслушивать, как тарахтит ушедший поезд.

Мужчина выдохнул.

– Я заслужил.

Промолчала. Доела свой десерт.

– Делакруа. Будет лучше, если ты исчезнешь из моей жизни. Я пять лет старалась отмыться...

– И этот Артур тебе помогал, – прорычал француз.

Мне хотелось его стукнуть. Он не понимает, что своим присутствием делает только хуже? Что ему не место рядом со мной и Катей.

– И как он это делал тебя не касается, – прошипела я, – Так что, лети в Париж, к Мари, Петре и остальным. Они тебе будут больше рады, нежели я.

Нам принесли счёт, и я стала доставать из сумочки небольшой кошелёк жёлтого цвета.

– Я оплачу, – услышала, доставая русские купюры.

Усмехнулась и пристально посмотрела на Ксавье.

– Конечно, оплатишь... За свой заказ, а мне одолжений делать не надо.

Положила деньги в счётную книгу и встала из-за стола. Как бы мне не нравилось это место, настроение целиком и полностью зависит от компании. Я не могла спокойно смотреть на мужчину, которого не смогу разлюбить. Больно? Определённо. Но у меня есть ресторан, дочка, друзья, жизнь.... А что он мне может предложить?

– Шелли, – прошептал мужчина.

Черты его лица... Синие глаза... Губы... Руки...

Нет. Надо просто уйти. А может быть уехать. Заказать билеты и на две недельки всем вместе на курорт? Отдохнуть?

Покачала головой. Отдых, когда мысли гуляют за сотни километров?

Вдохнула побольше воздуха и подошла к мужчине.

Положила ладонь на его грудь.

– Роже, просто оставь меня в покое. Прошлое не воротить, потому что, я не хочу этого. Уезжай.

Он опустил взгляд на мою руку. Я чувствовала, как мужчина напрягся.

– Нет, Шарлотта. Не в этот раз.

Отстранилась от него. Как же он не понимает!

Покачала головой.

– Тогда... Держись подальше от моей семьи, Делакруа.

Повернулась и буквально выбежала из ресторана, забыв про пальто. Дождь до сих пор шёл, омывая асфальт. Ветер ударил в лицо и я почувствовала, как он постепенно прогуливается по моей коже, по тонкой блузке... Содрогнулась от холода и подставила лицо дождю. Не так я планировала поговорить. Не так хотела донести мысль... Побилась головой об непробиваемую стенку и убежала, как трусливая девчонка. Как та Шелли, что таяла, когда видела его.

Плечи коснулась мягкая ткань.

– Заболеешь.

Я повернула голову и увидела Делакруа. Не удивлена, но определённо подавлена.

Серьёзный, такой весь из себя... Прилетел, чтобы вернуть то, что якобы его. А мне плевать!

Нервно надела пальто и застегнула мокрыми руками. Меня развернули на сто восемьдесят градусов и прижали к сильной груди.

– Я изменился, Шелли, – прохрипел голос Ксавье, – Я остановился в Плазе. Приезжай сегодня вечером.

– Ты меня считаешь дурой?

– Нет. Ты добрая, отзывчивая... Это я кретин... Обещаю, что если ты после моего рассказа решишь оставить всё как есть, я уеду.

Сначала говорит, что не отпустит, а сейчас, что уедет. Или врёт, или говорит правду.

– Хорошо, – прошептала я, – Я хочу, чтобы наша история наконец-то закончилась.

Я попыталась отстраниться. Ксавье не позволил мне этого. Его рука поднялась к моему лицу и указательным пальцем, мужчина погладил подбородок.

– Так хочу тебя поцеловать... Но...

Резко отпустив меня, Делакруа отшатнулся.

– Мой номер пятьсот двадцать семь. Жду тебя сегодня в любое время...

Я смотрела вслед уходящему мужчине. В этот раз бежал он. По моей щеке скатилась слеза. В последние дни я только и делаю, что плачу, переживаю, томлюсь... А ведь у меня ресторан, Катенька, Артур...

Достала из сумочки зеркальце. Поправила макияж, насколько это возможно под дождём, и побежала обратно в ресторан. Вызову такси и съем ещё торта. Иногда, когда на сердце гадко, хочется сладостей. Они поднимают настроение, и неважно насколько это скажется на фигуре. Сейчас мне было на это плевать. Снова меня трясло от ожидания встречи. Но одно дело в людном месте, другое в его номере...

Глава 20

Горло стянуло невидимой нитью. Я стояла перед Арти и не могла и слова вымолвить. Мне было холодно, страшно и больно. Мерзкое ощущение безысходности, хотя скорее просто тупиковой ситуации. Муж смотрел на меня исподлобья и качал головой. Арти вообще отнёсся к моей ситуации с поразительным спокойствием, хотя в последние дни вёл себя как никогда раньше. Может, перегорело? Остыло чувство? Или пришло осознание? Или мужчину просто переклинило...

– Шеллс, сама решай, как тебе быть. Только хорошо подумай. Ведь не просто так он тебя к себе зазывает, не так ли?

Я недовольно поджала губы, молча соглашаясь с другом.

Мы сидели в гостиной, и пили горячий шоколад с корицей. Казалось, после «дождичка в четверг», заболею. Дома уже переделалась, приняла душ, но всё равно, даже сидя перед камином с горячим напитком было зябко.

– Да, сама понимаю, что рискованно идти на эту авантюру. Но есть вероятность, что выслушаю его, и он сгинет обратно восвояси.

Ржевский хмыкнул.

– Сама веришь в это? Шелли, он ясно дал понять, что приехал за тобой. И просто так не укатит. Но что по поводу Катеньки...

Шумно выдохнула.

– Он так толком ничего и не сказал по поводу дочери. Стоит только ради неё поехать и решить всё. Хочет, чтобы я его выслушала. Ладно, – хлебнула напиток, – Но после этого пусть убирается...

Я задумалась.

– Арти, а можно составить такой документ, чтобы свои слова...

– Можно-то можно, но смысл? Что ты там напишешь? Что пытается отобрать дочь? Хотя последнее он еще ни как не подтвердил и глупо, при моих-то связях и в чужой стране качать свои права. Здесь чисто этическая сторона. Она моя дочь, и я люблю её. Но умом понимаю, что он тоже имеет право на отцовство. Во-первых, Делакруа не знал о твоей беременности. Во-вторых, есть вероятность, что он реально раскаивается и хочет наладить с вами отношения.

Я посмотрела на мужа с большим удивлением.

– Ты сам-то веришь в это?

– Поживём, увидим, – загадочным тоном проговорил супруг.

Издевается? Или просто что-то знает, но молчит в тряпочку? Опять загадки? Как же они меня достали! Нет бы, прямо в лицо говорить, так всё лебезят не по делу. Ходят вокруг, да около. Брррр, надоело!

Я посмотрела на висящие над камином часы. Время близилось к семи вечера.

– Надо ехать.

– Если ты останешься на ночь напиши...

Одарила благоверного уничтожающим взглядом. Артур улыбнулся и поднял руки над головой.

– Сдаюсь. В такие моменты явно не до телефонов! Главное, предохраняйтесь...

– Идиот, – буркнула я, – Ни капли не смешно.

Арти рассмеялся и серьёзным тоном проговорил:

– Без эксцессов, Шеллс. Сразу звони, приеду. Не нужно самодеятельности.

– Хорошо.

Улыбнулась. Артур единственный человек, кому я реально дорога и кто заботиться, волнуется.

В голове вспыхнули образ родителей, которые я разогнала моментально, не желая вновь окунаться в воспоминания.

Встала, отнесла чашку на кухню. Прислушалась. Катя смотрела у себя в комнате мультики. Хорошо.

Прошла в свою спальню и принялась одеваться. Красное кружевное бельё, узкие джинсы тёмно-синего цвета, чёрная тёплая водолазка. Волосы собрала в хвостик, губы подкрасила алой помадой и улыбнулась отражению. Пришло время.

Собрала сумочку, вызвала такси, поцеловала дочь и стала ждать машину, нервно теребя подол чёрного пальто.

Полтора часа спустя

Тёмное небо разгладилось после дождя и даже проглядывались звёзды. Я стояла перед гостиницей «Crowne Plaza» с уверенностью, что скоро этот дурдом закончится.

Закрыла глаза.

– Один... два... три...

Выдохнула. Открыла глаза и уверенно открыла двери гостиницы. Прошла к ресепшн.

– Вы бронировали номер или же хотите въехать сейчас?

На меня смотрела молоденькая девушка с белёсыми волосами и глазами цвета осенней листвы. Интересная внешность. Даже очень... Я улыбнулась.

– Меня ждут. Как мне пройти в номер пятьсот двадцать семь? К Делакура.

Глаза девушки загорелись.

– О! Так Вы к этому потрясающему французу?

– Дієц, – я закатила глаза, – Да, именно к нему.

Блондинка сжала губы. Видимо, настроение её быстро испортилось.

– Сейчас я позвоню и спрошу, действительно ли, Вас ожидают, – чопорно оттараторила эта мадемуазель, судя по безымянному пальцу.

Хмыкнула.

Девушка дозвонилась и на хорошем английском оповестила невероятного француза о моей скромной персоне.

Отключив телефон, она показала мне в сторону лифта.

– На пятый этаж, а там Вас встретят.

– Благодарю, – холодно растянула губы в подобие улыбки и направилась к лифту.

Поразительно, как за пять минут люди могут взбесить. Если бы она мне нахамила, то точно бы просто улыбкой не отделалась бы.

Фыркнув зашла в лифт, нажала нужный этаж. Написала смс Артуру и Алисе, что я уже в теремке и если что, пусть через два часа спасают. Конечно, надеялась, что вся эта кутерьма быстрее закончится, но если Ксавье будет тянуть кота за...

Щелчок. Двери открылись. Сделала шаг и, зацепившись каблуком, начала падать.

Меня подхватили мужские руки. По парфюму поняла, что радоваться не стоит. Лучше бы навернулась...

– Неуклюжесть тебя красит, Шарлотта, – по-французски промурлыкал Делакура.

Оказавшись на своих двух ходулях отчеканила:

– Благодарить не буду.

– Да-да, как скажешь. В следующий раз дам тебе проехаться носом по кафелю. Это ведь последний писк моды...

Я не стала язвить или продолжать бессмысленную баталию.

– Мы встречаемся второй раз за этот день. Будь добр рассказывай то, что хотел и проваливай из страны.

Ксавье усмехнулся.

– Малышка показывает коготки, ты ведь знаешь, как я люблю это. Пройдём в мой номер.

Я уже хотела бежать отсюда как можно дальше. Этот мужчина меня с ума сведёт и превратит в истеричку.

За мной тихо закрыли дверь. Свет в номере «люкс» горел приглушённо. Так же работал плазменный телевизор, и пахло пряностями. Я не столько рассматривала номер, сколько старалась успокоить сердце, восстановить дыхание.

– Присаживайся.

Я дёрнулась. Посмотрела, куда показывает Ксавье и прошла к светло-бежевому дивану.

Остановилась. Расстегнула пальто, сунула его в руки мужчины и села. Положила ногу на ногу и стала ждать. Вот только чего? Пламенных речей? Каких-то действий? Меня коробила эта напряжённая неизвестность, которая когтями впилась в кожу, норвя оставить следы.

– На улице холодно. Я заказал нам глинтвейн.

Я уже хотела возразить, как Роже рассмеялся.

– Из виноградного сока, дорогая. У меня нет цели, напоить тебя и обесчестить.

– Я тебе не дорогая, придурок, – пробурчала я.

Француз принёс поднос с двумя кружками.

– Я смотрю, ты меня ждал.

Ксавье загадочно улыбнулся и, взяв напиток, сел напротив меня. Сейчас он выглядел по-домашнему в спортивных штанах и чёрной майке. За пять лет его тело стало более упругим. Видимо, не вылезал из спортивного зала или из постелей своих шлюх.

– Пять лет, – раздался в тишине его голос, – Знаешь, сколько это дней? Сколько ночей и сколько нервов?

– Ты это мне говоришь? – с возмущением полюбопытствовала я.

Делакруа с раздражением на меня посмотрел.

– Шелли, позволь мне договорить. Это не так просто, как кажется и я...готовился.

Сделала глоток горячего напитка, насладилась вкусом корицы и гвоздики, пообещав себе, что выслушаю до конца, а вот потом будет разбор полётов.

Мужчина выругался и продолжил:

– У нас ведь было с тобой всё хорошо. Быстро так всё завертелось, и не понятно было, когда наши отношения перестали быть сделкой, чёртовым контрактом. Только вот, я понял, что люблю, когда потерял тебя. Парадокс. Люди всегда начинают ценить что-либо, когда этого уже нет. Виноват...Да чёрт возьми!– мужчина встал с дивана, взъерошил пятернёй волосы, – Меня ничто не оправдает, тем более в твоих глазах. Диктофон, документы были сфабрикованы Моранси и девками из дома. После... Я пил много, не просыхал. Просыпался, полз в ванну, блевал и снова напивался. Меня привёл в чувство Маркос. Это он выбил из меня дурь, и помог со всем разобраться. Вот только тебя это не вернуло. Я был в аэропорте, когда ты улетела в Россию. Видел, как ты шепчешься с барменом, видел улыбку на твоём лице и отступил. Я не мог показаться перед тобой после всего...

Мужчина ушёл куда-то и вернулся с бутылкой дорогого бурбона. Виски лучший друг мужика.

Налив себе в бокал залпом его осушил.

– После того, как ты покинула страну, нанял детектива. Он должен был предоставлять минимум информации о тебе. Что ты жива, здорова, тебе ничего не угрожает... На тот момент, я не хотел знать больше. Я ревновал к бармену и не хотел знать подробности вашей личной жизни. Или, возможно, страшился услышать ещё о ком-нибудь... А если бы узнал, что и ты полюбила, то всё, что делал в тот промежуток времени, стало бы бессмысленным, – Роже провёл ладонью по вспотевшему лбу, – Шелли, если бы я знал, что ты носишь моего ребёнка...

– Ты так был уверен, что он от тебя?– фыркнула я, – А может быть, от мужа?

– Детектив предоставил мне точные копии записей из роддома. Ты родила на тридцать восьмой неделе. А я умею считать. Ты

забеременела в тот день, когда... Я бы мог подумать, что это твой Ржевский, но Кэти похожа на меня. Этого не изменишь. Шарлотта, я, правда, хочу тебя вернуть. И сделаю это. Потому что тебе со мной будет лучше. Вам будет лучше. У меня ничего нет, кроме банковских счетов. Всё имущество, бизнес распродал. Чтобы начать с чистого листа. С вами... Где пожелаешь. Мне всё равно, главное с тобой.

Вздёрнула бровь.

– Я верю, что ты пытаешься измениться, Ксавье. Действительно, по твоему взгляду это заметно. А может, ты прекрасный актёр, – я запнулась, – Но это не меняет того факта, что ты меня грубо лишил девственности, что пользовался, как хотел, где хотел. Влюбил в себя, получил мое доверие и снова окунул лицом в грязь. Я надеялась, что больше тебя не увижу, как выясняется, что жду ребёнка. Так что не тебе говорить о нервах.

Сделала большой глоток глинтвейна.

– Шелли...Я не верил... Был другим человеком, которому приглянулась девушка.

– Это твое оправдание? В то время, как ты знал обо мне всё, я не знала о тебе ничего. Я полюбила, закрыв глаза на прошлое, молча ждала, пока тебе надоем. И знаешь, спасибо, что избавил меня от своего присутствия! Хотя в присутствии тебя в своей жизни виновата сама.

Я встала с дивана.

– Спасибо за напиток. Молодец, что избавился от борделя. Но меня это не волнует. Надеюсь, полёт до Парижа будет прекрасным.

Наспех надела пальто и ринулась к двери. Меня резко развернули. Пара шагов назад и я прижата к стене.

– Не убежишь, пока не поймёшь, – прошептал он мне в губы,– Пока не почувствуешь. Между нами тлеет жажда. И это не только чёртова похоть, это нечто иное, глубокое и яркое.

Парфюм. Я и забыла, как он меня возбуждает, как заставляет мечтать уткнуться носом в шею мужчины...

Попыталась освободиться от оков, но трудно сделать, когда прижата крупным мужчиной. Одну руку Ксавье держал над головой, стиснув запястье.

Его язык коснулся шеи. Мелкая дрожь прошла от кончиков пальцев ног до макушки.

Рука Делакруа проникла под водолазку и сквозь кружева пальцы коснулись набухшего соска.

Мужчина оторвался от шеи и хрипло рассмеялся.

– Ты моя Шелли. Была, есть и будешь. Этого не изменить.

– Ксавье, – с придыханием выдавила я, – я замужем....

Француз сжал мой сосок сквозь ткань. Из груди вырвался стон.

– Он взял то, что принадлежит мне, – прорычал Ксавье мне в губы, – И вернёт... Я в этом, ни капельки не сомневаюсь.

– Я не вещь, чтобы мной раскидывались, – гневно прохрипела я.

Его язык коснулся моей щеки и прочертил дорожку до верхней губы.

– Прекрати, – шипела я.

– Останови меня, – прошептал он и показал мне, как долго я не чувствовала его вкус.

Этот поцелуй можно было сравнить с путником в пустыне, который нашёл кувшин с водой и испивает из него. Жарко, жадно, мокро и так возбуждающе. Желание бурей поднялось во мне, затрагивая все нервные окончания. Мысли металась в разные стороны, противореча, друг дружке. Я хотела его, всего и сейчас. Но, так же, не могла так просто сдаться на милость мужчины. Голова кружилась от губ Роже на коже, от его дыхания и горячих рук под водолажкой.

– Ты до сих пор любишь меня, – страстно прохрипел мужчина, оторвавшись от меня, – Значит, шанс есть. Я добьюсь тебя, Шелли.

Вытерла губы.

Боже, что это было? Пелена чувственности застилала глаза мужчины.

Он отстранился от меня, и стало так пусто. Глупая любовь! Почему ты внедрилась так глубоко и не выбираешься из души, тела, сердца! Это ведь всё, о чём я молила! О чём жаждала все эти годы.

– Иди к чёрту! Ты думаешь, что мне важно, что ты всё распродал? Деньги – это не всё в отношениях, и если ты этого не понял, то мне тебя искренне жаль.

Я быстро развернулась и, открыв дверь, побежала к лифту. Повернулась. Ксавье стоял в проёме двери и улыбался. Такое впечатление, что всё идет по его плану и меня это крайне бесило.

Если Арти с ним сговорился.... Убью обоих. Нет, Савушке дам по шарам, а Арти попытаюсь, свети с Алисой. Теперь надо выяснить, моя

идиотская гипотеза верна или нет. Может, я опять себе накручиваю.

Выйдя из гостиницы, поймала такси. Вид у меня был растрёпанный, помада смазана... В голове полный хаос. Я не знала, чего сама хочу. Поверить и дать шанс, или продолжать гнуть свое. Я ведь чувствую, что хочу быть с ним, даже если он не изменился. Видимо, я мазохистка и люблю страдать, раз жизнь ничему не учит.

Достала из сумочки телефон и набрала Алисе.

– Я еду к тебе...

Чувствую, сопьюсь я из-за Савелия Рожевича. Одни беды от него, одни беды и тонна похоти.

Примерно два часа спустя, Москва, квартира Алисы Казановой

Красное полусладкое вино пошло очень хорошо, особенно под французское мясо. Я с лихвой заела свои проблемы и запила почти целой бутылкой сладкого напитка.

Алиса смотрела на меня и улыбалась.

– Я, кажется, поняла, в чём твоя проблема, – пьяно потянула девушка, – У тебя давно не было мужика. Правильно?

Икнув, молча кивнула.

– Вот поэтому тебе просто нужен секс. А кто от него не откажется? Ржевского ты уважаешь, а вот своего козла...

– Он не мой... козёл.

Казанова махнула рукой.

– Не придирайся к словам. Иди, переспи с ним и может, тебя отпустит.

Мне вот честно хотелось воспротивиться этой идее, но что-то в ней было. То ли дурман алкоголя подталкивал моё неразумное тельце прямо в логово этого животного, то ли подсознательно я сама хотела «прощального секса»... Интересно, а чем меня прошлый раз не устроил?

Я не задумываясь, оделась, намазалась алой помадой, надушилась любимым ароматом и вызвала такси. В моих действиях логика отсутствовала напрочь, зато филейная часть жаждала приключений. Прибавить к этому выпитый алкоголь... И привет, недоразумение. Но в тот момент, считала, что поступаю правильно.

Уже в машине позвонила Арти, оповестила о своих действиях. Друг естественно от идеи в восторге не был, ибо боялся за мое

состояние. Но я заверила, что позвоню ему и успокою.

Выйдя из такси, я выпрямилась и медленно, стараясь не шататься, пошла к гостинице. По коже струилось мелкой дрожью предвкушение.

Я сразу же прошла к лифту и вызвала его. Пока ехала, расстегнула пальто и пару пуговиц на блузке. Облизала губы и глупо захихикала. Чувствую себя такой дурочкой. Но Алиса права, надо брать козла за рога. Вот возьму, и меня отпустит. И всё, больше никаких мыслей, метаний...

Щелчок. Лифт остановился. Я сглотнула и, шатаясь, прошла по коридору к номеру Ксавье Роже Делакура.

Уверенно постучала в дверь. Спустя пять минут она отворилась, и в проёме показался полуголый мужчина. От наготы его спасало махровое чёрное полотенце, обёрнутое вокруг бёдер. Я видела его плоский живот, небольшую поросль волос на груди, которая редая, спускалась прямиком к паху... Пьяный дурман, толкнул меня на то, чего я ни разу в своей жизни не делала: запрыгнула ему на руки и поцеловала.

Пальцы зарылись в волосы Делакура, подтягивая голову ближе. Через пару секунд, поняла, что Ксавье не отвечает, сильно сжимая меня в объятиях.

Откинула голову назад и истерично рассмеялась.

– Шелли, – хрипло проговорил он, – Чёрт, девочка, я же не железный.

Мужчина поставил меня на ноги и посмотрел в глаза.

– Да ты пьяна... В стельку.

Икнула и расплылась в улыбке, почти как лужица.

Потянулась ручками к его груди и провела пальцами по мокрой коже.

– Ты жаркий... Алиса правильно сказала, если ты меня... Или я тебя... – приблизила рот к его соску и лизнула, – То меня отпустит, и ты исчезнешь. Так будет лучше. Или просто у меня недотрах.

Меня нежно отстранили от мужского разгорячённого тела.

– Шарлотта, давай в номер, – просипел Ксавье.

Меня, как маленькую, за ручку повели в апартаменты гостиницы и усадили на диван.

– Выпить не предлагаю, ты уже и так достаточно употребила.

Я смотрела на мужчину исподлобья. Он двоился и на миг чертёнок нашёптывал на ухо, что было бы их двое, было бы двойное удовольствие.

Тряхнула головой и почувствовала головокружение от этого.

– Я изменился, Шелли, – услышала тихий голос мужчины, – Как бы я не хотел тебя... Этого не будет. Ты опьянена и не знаешь, что творишь.

Усмехнулась.

– Странно, Ксавье Роже Делакура отказался от секса.

Подняла указательный палец вверх.

– Потому что, – заголосила я, вставая, покачиваясь с дивана, – девушка пьяная. Это, блин, сенсация! Где, чёрт возьми, журналисты! Или хотя бы мой телефон? Записать надо... Потом смотреть буду и удивляться.

Плюхнулась на попу и скривила лицо. Былой запал исчез, и осталось лишь горькое послевкусие.

Мне только что отказали... Нет, я могла бы ожидать этого от кого угодно, но не от него.

– Это, вероятно, к лучшему, – пробормотала я, зевая, – пойду я завтра подумаю, как решить проблему интимного характера.

Последние слова я произнесла специально. Как же без этого? Пусть не думает, что на нём клин клином сошёлся.

Во мне говорила обиженная женщина. Но как ни странно, на Делакура мои слова возымели эффект. Он медленно, словно хищник подошёл ко мне и присел на корточки.

Его синие холодные глаза пылали яростью и желанием одновременно.

– Я не воспользуюсь тобой, Шарлотта, – прошипел он, – Но намотай себе на ус: ещё раз повторишь подобное, и придётся, как маленькую отшлёпать.

Я хотела возразить, но голова резко закружилась и я обмякла на мягком кожаном диване, погружаясь в одурманенную дрему.

Лирическое отступление от лица Ксавье Роже Делакура

Постригла волосы, отдавая дань моде. Выкрасила в другой цвет, смазывая остатки той Шелли, которая мне нравилась. Невинная внутри, казалась недоступной снаружи. Холодная, но всё так же тает в

моих руках и на моих губах. Опустился на колени и коснулся щеки рукой. Шелли никогда не умела пить. Такая бойкая, такая смешная, такая... Моя. А ведь чувствует ко мне что-то. Не может забыть, хотя пыталась.

Улыбнулся. Наклонил голову и коснулся губами её лба. Сильная и слабая одновременно. Женщина с большой буквы. И как ты, маленькая, могла полюбить такого, как я? Ведь пять лет назад для меня твои чувства не существовали. Зато было, громкое, хоть и ругательное «Я», грязная собственническая похоть и нравы, вбитые мне в голову неоднократно законами улиц и банды, в которой жил.

Поднялся с колен и аккуратно взял девушку на руки. Отнёс в спальню и положил на постель. Маленькая, хрупкая...

Мне пришлось ломать себя, чтобы иметь наглость вновь ворваться в твой устойчивый мирок. Я не хочу втягивать тебя в дебри прошлого. В те, в которых жил почти всю жизнь.

Прикрыл глаза и сел на постель, рядом с любимой женщиной. Родила дочь, будучи с этим барменом. Чёрт, кто бы знал, как ревность все эти года меня съедала, как рвала душу на части. И только дела не давали мне сорваться и лететь в Россию. Только одна мысль грела все эти пять лет: если я избавлюсь от прошлого, если пересилю себя, то будет шанс на прощение. А если она меня простит, значит, есть надежда.

Я прикрыл Шарлотту одеялом, а сам лёг рядом, поверх него. Мне хотелось раздеть её, прижаться к ней телом, поцеловать в шею и спуститься ниже... Боже, как же я истосковался.

– Спокойной ночи, – пробормотал я и закрыл глаза.

Никто не видел, как из правого глаза мужчины скатилась большая скупая слеза.

Глава 21

«Совесть, она как пьяная женщина, то покоя не дает, то уснет внезапно.»

© Интернет

Пить надо меньше.... Эту прекрасную мысль необходимо запомнить, записать или распечатать на отдельном листе. Утром, после посиделок с подругой, я просыпалась медленно, с головной болью и сухостью во рту.

Я лежала на чём-то тёплом. И это что-то размеренно дышало. После анализа и перечня всех возможных инсценировок, я распахнула глаза и резко вскочила с постели, хватаясь за голову.

Услышала протяжный стон и, затаив дыхание повернула голову.

Ксавье лежал поверх одеяла полностью нагой. Полотенце лежало в его ногах...

Но меня привлекла та самая часть тела, которая по утрам обычно у мужчин «стоит». Бог мог...

Казалось, во рту стало ещё суше. Мне стало невыносимо жарко, и еле преодолела соблазн провести рукой по эрегированному члену.

Я сглотнула и оглядела себя. Одетая. Это безумно радует. Я сползла с кровати и на цыпочках побежала в ванну. Включила воду и, поставив руки на раковину, посмотрела в настенное зеркало.

М-да... Круги под глазами, как у конг-фу Панды, розовые от стёртой помады губы, бледное лицо и на голове, как будто кукушка гнездо свила.

Стала оттирать водой и мылом лицо, приводя в божеский вид. Потом с помощью пальцев расчесала волосы. Сделала хвост.

Снова взглянула на себя в отражение. Лучше, но видно, что ночью я пила и причёсывалась с бодуна.

Да думаю, и перегар подтверждает это помимо внешнего вида.

Вспомнив, как вчера вела себя, залилась стыдливым румянцем.

Ну, подруга, ну удружила! Нет, а вот, где мои мозги были, когда стремя голову летела в «Плазу» и кидалась на шею Ксавье? Уж точно, не головой, а шилом в одном месте.

Резкий стук в ванную комнату заставил меня едва ли не поседеть от испуга.

– Шелли, ты в порядке?

Хриплый голос пронзил всё моё тело мелкими топающими мурашками.

– Вполне, – сдержанно ответила мужчине.

Передо мной пронеслась сцена, когда Делакруа отказался воспользоваться ситуацией. Почему-то этот момент плотно засел в голове. Может, и правда, изменился? После всего, этот «отказ» был первой вещью, в которую я поверила. Будто сердце полили сахарным сиропом и обложили вкусными сладко-кислыми ягодками.

Я выключила воду и, поправив мятую одежду, вышла из помещения. В спальне мужчины не оказалось. И я понадеялась, что уйду так его, и не повстречав. Не тут-то было.

Ксавье вырос передо мной уже одетый и преградил путь к выходу.

– Я заказал в номер завтрак, давай поговорим и поедем, – безапелляционно отчеканил он.

Мне было стыдно поднимать глаза. Боже, я вчера так себя вела! Хотелось залепить себе пощёчину. Есть за что...

– Раньше не замечала за тобой желания говорить не переставая, – пробормотала я, – Сейчас возьму телефон из сумки.

В этот момент в номер постучали, и Делакруа пошёл за подносом. Я же нашла сумочку на диване, и вытащив мобильник, ахнула: десять пропущенных от Алисы, двадцать от Артура и столько же сообщений.

Я быстро включила интернет и посмотрела в сети ли Артур. Выдохнула.

Быстро маневрируя пальцем по сенсорной клавиатуре, набрала сообщение:

«Со мной всё в порядке. Напилась у Алисы, поехала к К. и уснула. И он от меня отказался! Скоро приеду. Позвони Казановой и скажи, что я не убила по дороге к французам. Как Катенька?»

Ксавье стал сервировать стол и выкладывать еду.

Телефон издал привычный сигнал, и я начала читать ответное письмо, от которого потеряла дар речи.

«Вот зачем вы напилась? Катя с няней уехали в зоопарк. А я переспал с твоей пришибленной подружкой. И что мне делать? Катя меня с утра спросила, что тётя Алиса делает дома, когда мамы нет?»

Боже, я жду тебя, потому что даже не хочу вспоминать, что было ночью».

Вот расклад какой... Напрягла извилины и не удержавшись, треснула себя по лбу. Я Алисе посоветовала тоже не ждать солнышка, а брать ноги в руки и прыгать на том, кто нравится. Правда, я думала, что это Вадик, а не Арти.

После переваривания сего факта глупо расплылась в улыбке. Это надо же... А Арти не промах, быстро отошёл от «люблю не могу». Слава богу!

Я отложила мобильный в сторону и прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ну, надо же! Алиса пускала слюни по Арти, в тоже время постоянно его подкалывая. Да, и муженёк хорош, постоянно с ней в контрах был. Всё, что не делается, всё к лучшему. Никак иначе.

Ксавье сел рядом со мной. Я почти ощущала жар его тела. Как в старые времена.

Он пододвинул ко мне тарелку и разлил по чашкам кипяток.

– Эта первая искренняя улыбка за последние наши встречи.

Хмыкнула, стаскивая с тарелки круасан.

– Просто, мои друзья счастливы и я вместе с ними.

Быстро прожевав сдобу, запила чаем и повернулась в пол-оборота.

– Мне нужно к дочери.

Ксавье облизнул губы, и это привлекло моё внимание. Он сведёт меня с ума. Как можно и любить, и ненавидеть? Простить, хоть быть рядом и не доверять...

– Я хочу с ней познакомиться, – прошептал мужчина, – Я видел только фотографии, да и только. Слышал тоненький голосок по телефону. Шелли, дай мне шанс. Ломать просто. Всегда. И для меня это всю жизнь было нормой. Эгоистичное существо, самодовольное, жестокое. Меня не учили любить и ценить, лишь брать и подчинять. Но ты показала, что не все люди потребители.

– Да, и мне мой мягкий характер принёс счастье? – медленно проговорила, пристально изучая лицо мужчины, – А всё, из-за того, что я не ценила себя. Пыталась помогать, пыталась быть хорошей дочерью, а потом и тебе женщиной. Думала, если попросишь остаться после окончания договора, сделаю это. Потому, что любила. Сам знаешь, что влюблённые бабы – дуры. А я, видимо, занимаю среди них главенствующее место.

На мою ногу легла рука Делакруа. Он медленно провёл пальцами по ткани, слегка надавливая. Чтобы я чувствовала... Чтобы понимала.

– Не говори так.

Поднял другую руку и погладил мой подбородок. Приблизил лицо.

Рефлекторно приоткрыла рот.

Дыхание участилось. И мне казалось, слышала стук сердца.

Всё внимание было сосредоточено на его губах. Как они что-то шепчут... Мгновение, и я почувствовала лёгкое прикосновение языка. Стон и мне хотелось вцепиться в плечи Ксавье.

Мужчина втянул в себя нижнюю губу, слегка прикусывая, потом зализывая. Я таяла. Его язык скользнул в рот, не подчиняя, но призывая. Показывая, что он готов сдаться. Что готов идти на компромисс.

Ксавье прервал поцелуй и прошептал в губы.

– Один шанс, Шелли. Прошу...

– Я тебе не доверяю.

Он провёл пальцем по моей щеке.

– Докажу, что изменился, только позволь...

Задумчиво, сквозь дымку желаний, я прикрыла глаза.

– Хорошо, – прошептала я, – Я согласна только потому, что вижу, что ты пытаешься. Но одна ошибка...

– Её не будет, любимая. Обещаю, – прохрипел он.

Открыла глаза и посмотрела на родное лицо.

– Не называй меня любимой. Я бы многое отдала за такие слова тогда, но сейчас... Это странно слышать от человека, который не раз меня унижал и делал больно.

Ксавье лишь только смотрел на меня с полуулыбкой на лице. В который раз поразились, насколько глаза могут выражать чувства. И им я сегодня верила. Пожалуй, впервые за всё время нашего с Ксавье знакомства они были на самом деле живыми.

Я встала с диванчика, поправила одежду в сотый раз. Ксавье помог мне надеть пальто.

– Когда я смогу увидеть Кэтрин?

Увидеться? Так быстро?

– Не думаешь ли ты, – прямо посмотрела на мужчину, – Что я повергну дочь стрессу? У неё есть отец, который любит, заботиться и

воспитывает. Я не могу перевернуть всё её мировоззрение, только потому, что ты захотел. Ей пять лет, она видит отца в Артуре. И только представь, что будет...

– Тсссс, – прошептал мужчина, – Я ни в коем случае не хочу, чтобы она страдала... Просто желаю увидеть её, познакомиться. Пусть не как отец. До этого мне ещё далеко. Им нельзя стать за пару минут. Я это понимаю. Но не лишай меня общения. Пусть я буду другом или знакомым... Шелли, в итоге, я хочу, чтобы Кэти называла меня «папой», но только потому, что сама будет чувствовать. Только тогда, когда сама это поймёт.

В мне боролись материнские и человеческие чувства. Хотела отгородить Катю от него, но так же знала, что мужчина имеет право на общение. Артур в этом плане был прав. Боже, что мне делать? Как быть? А если Кате он не понравится? А если он скажет ей... И девочка просто себе замкнётся? Нет...

– Скажешь ей про меня тогда, когда посчитаешь нужным. Я буду просто другом вашей семьи, сколько потребуется.

Прикусила губу и выдохнула.

– Я позвоню. Но имей в виду... Одно неверное слово или действие, больше не увидишь мою дочь.

Ксавье приблизился, коснулся губами моего лба.

– Буду ждать звонка, малыш.

Нервно улыбнулась и вышла из номера. Хмыкнула. Куда же я вновь ввязалась? Чёрт, Шелли, жизнь тебя, видимо, ничему не научила, раз до сих пор видишь в людях хорошее.

Три часа спустя

Дом Ржевских

Полуденное солнце скрылось за хмурыми тучами. Я, Артур и Алиса сидели на кухне, и пили чай. Эти двое притворщиков расселись по разным углам и не смотрели друг на друга.

– Шеллс, я виновата...

Снова Алиска заскулила, как мартовская кошка. Я приехала домой около часа назад и уже успела утонуть в извинениях непутёвой подружки, которая соблазнила моего мужа. И это при том, что сама я ночь провела в объятиях другого мужика и супруг об этом знал. Шведская семья, никак иначе.

Артур выругался под нос.

– Вот может, хватит, – рывкнул он, – Нефиг было приходиться и на шею кидаться. Я не из железа сделан!

Где-то я уже это слышала. Мне хотелось друзей поставить в угол и наказать. Взрослые люди и такое поведение.

Алиса естественно быстро завелась. По девушке было видно, что она очень переживает. Будучи эмоциональной, Казанова не могла промолчать. Странно, что я не замечала её тяги к Арти. Давно бы уже свела.

Артур же выглядел больше взбешённым. Взъерошенные волосы, опасный блеск в глазах. Подруга явно его довела.

Казанова вскочила со стула и облокотилась на стол руками.

– Это я на шею вешалась?– прошипела она, – А не ты ли, Дон-Жуан хренов, с языком полез целоваться?

Я округлила глаза и стала переводить взгляд с одного на другого. Арти выглядел виноватыми.

– И когда, он тебя соблазнял французским поцелуем?

Алиса на меня посмотрела.

– Месяца два назад.

– Артур, – вкрадчиво проговорила я, – Если тебе нравилась Алиса, то мне-то, зачем мозг выносил?

– Потому что, вбил себе в голову, что ты идеал его женщины. Нет, ты прекрасный человек, но вы с ним похожи до безумия. Поэтому вы друзья. А он...

Алиса махнула рукой.

– Всё, устала я мусолить эту тему. Катенька скоро приедет и вообще, мне на работу надо. Вадим опять аврал устроит.

Артур подошёл к Алисе.

– Ты никуда не уйдёшь, пока...

Подруга ткнула мужчину указательным пальцем.

– Пока что? Пока ты не наиграешься? Или пока не убедишь себя, что зря со мной переспал? Спасибо! Воздержусь от подобной участи, и ждать у моря погоды не намерена! Меня как раз на свидание пригласили!

Арти закипал. Я сидела и глупо улыбалась. Надо срочно спасать ситуацию. Эм... Чтобы придумать...

– Ребята. Может, остынете? – пыталась до них достучаться.

Но Арти, видимо, был иного мнения.

Он сгрёб в охапку Алису и прошипел той на ухо:

– Только попробуй.

Я закатила глаза.

– Артур, отпусти Казанову. Синяки на руках ещё оставишь. Или идите, разговаривайте, или давайте расходиться.

Муж хмурился.

Алиса посмотрела на меня и вымученно улыбнулась.

– Пока этот думает, рассказывай, как ты съездила. А то приехала и слушала наши разборки.

Подруга села рядом. Арти тоже нехотя уселся, проигнорировав слова Алисы.

– В общем, – начала я, – это была самая глупая идея. Я приехала, накинулась на него, как ни странно Роже мне отказал. Я вырубилась на диване, он перенёс меня в спальню, и всю ночь спала, как сурок на плече у Ксавье. Утром меня настигло похмелье, голый мужчина со стояком, и разговор. Между нами ничего не было, – добавила последние слова на сверкающие глаза Казановой, – Закончилось тем, что я согласилась дать ему шанс. И чёрт, твоя идея с «мужиком на раз» гениальна, вот только я хочу только его. И он хочет познакомиться с Катей, и я не знаю, как вообще... Мне страшно, ребят.

– Он имеет на это право, Шелли, – выдохнул Арти, – Так что... Я не против.

– Спасибо за эти слова. И Арти, думаю, пришла пора для развода. Тебе так не кажется?

– Кажется. Я уже бумаги подготовил.

– Шустрый какой. Хорошо. Вы только со свадьбой не затягивайте. И, – посмотрела на ошалевшую парочку, – Алиса будет работать на меня. И я буду крёстной первенцу.

– Я на ней жениться не собираюсь, – буркнул Арти.

Алиса ахнула.

– Поматросил и бросил! Ну, и скатертью дорожка! – Она подошла ко мне, нагнулась, чмокнула в щеку, – Твой муж полный придурок. Побежала я в ресторан. Надеюсь, босс меня не четвертует.

– Раз начальнику твоему не звонили с диким воплем о пожаре, то в ресторане всё хорошо. Но свои часы отработаешь.

Алиса вымученно улыбнулась.

– Стукни его пару раз за меня, – прошептала Казанова, и, одарив Артура испепеляющим взглядом ушла.
– Мне надо всё переварить. Поговорим, когда я помоюсь.
– Хорошо бы, а то запашок...
Арти издевательски улыбался.
– Иди ты, – усмехнулась я и побежала мыться, пока дочка не вернулась домой.

* * *

Мыльные пузыри окутывали моё тело мягким шлейфом. Я лежала, откинув голову на ванне. Тёплая вода приятно согревала и расслабляла. Лёгкий запах апельсинового эфирного масла доставлял удовольствие.

Несмотря на всё произошедшее, чувствовала себя превосходно. Физически, морально... Наконец-то психоз с Ксавье закончился и я успокоилась. Может, слишком быстро. Но я не могу идти постоянно против ветра. Главное, чтобы дочка была счастлива. И Арти с Алисой.

Счастливо улыбнулась. Не думала, что эти двое поладят. Только Артур вынес мне мозг. Значит, его долго влекло к Алисе, и он даже проявил заинтересованность. А я была его идеалом. Смешно. Я не идеальна. Во мне столько недостатков, что хватит на ватман. Артуру нужна такая, как Казанова. Чтобы зажигала сердце, выворачивала от эмоций на изнанку, полностью отдавалась ему...Я им завидовала. У них всё впереди. Алисе тоже было не просто пойти на такой шаг, как взять «быка за рога» или Артура за...

Бывший муж изрядно потрепал ей нервы. Бывший... К этому нужно еще привыкнуть.

Но Ржевский справится. Любит этот мужчина подобные задачки. В этот раз ему повезет, если сам всё не испортит.

Я же была в растерянности. С одной стороны прошлое, с другой стороны настоящее. Ксавье избавился от своего имущества, прилетел в Россию, не воспользовался моей слабостью. Большой эффект на меня произвело последнее. В прошлом, ему было бы всё равно, в каком я состоянии.

Я видела, как он ломает себя, прося шанс. Нет, я ему не доверяю. Было бы глупо снова вот так кинуться к нему в объятия, поверить, что смогу чувствовать с ним себя в безопасности.

Изменение. Может ли человек переступить через себя? Думаю, может, если есть сила воля и есть цель. У Делакруа всё это было. Вот только, доверие этим не заработаешь. А я очень хотела узнать о его жизни. Про успехи и падения, про то, как он стал таким эгоистичным и циничным. Я ждала доверия с его стороны... Посмотрим, что будет дальше. Как повернёт жизнь. Смогу ли я переступить через разделяющую нас грань и сможет ли он не упустить последний шанс.

Так же я переживала больше всего за Катеньку. Я не хотела, чтобы дочка испытывала какой-либо стресс. А перетягивание каната от одного отца к другому... Даже если Делакруа будет просто другом семьи, это не меняет того факта, что для Катерины он является совершенно чужим человеком. Я так боялась оступиться. Так страшилась этой встречи. Не хотела её, но избежать не получится. Ксавье не отпустит, а это значит только одно: я буду тщательно следить за его словами, действиями, интонацией голоса. Если он не понравится Кате, значит я огорожу её максимально от него. Время расставит всё по своим местам, но дочь я буду защищать даже от биологического отца. И думаю, с такой позицией Арти согласится.

Глава 22

В омуте его синих, как небо глаз, терялась. Мне хотелось утонуть в них, погрязнуть, словно в тягучем болоте. Я шла по терпкой земле, вдыхая аромат его любимого парфюма. Он кружил голову, и я потыкалась об колючие камни. Мужчина шёл впереди, изредка оглядываясь, стреляя в меня жаждающим взглядом.

Мои ощущения настолько обострились, что ловила ртом воздух. Пустилась в бег. Он убежит, исчезнет, испарится... Выбежала на освещённую странным пурпурным цветом поляну. Высокий, темноволосый мужчина лежал на неведомо яркой и пушистой зелёной траве. Всё его нагое тело было покрыто росой.

Тёмно-синие от желания глаза смотрели на меня с мольбой. Медленно, будто боясь спугнуть шагнула к мужчине. Его губы дрогнули в улыбке.

– Я тебя так долго ждал, – грудным голосом проговорил он.

Дрожь предвкушения окутала моё тело, облачённое в белую мужскую рубашку. Под ней ничего не было, и я чувствовала, как набухшие соски трутся об прохладную ткань одеяния.

Мой взгляд прошёлся по натянутым мышцами к сосредоточению желания. Во рту пересохло, ладони вспотели. Я бросилась к мужчине и упала на колени. Прикусила губу, и вытянув правую руку, пальцами провела по длинному толстому члену, раскрывая головку, влажную от жажды обладания.

– Ты знаешь, что делать...

Голос будто из сна. Такой эфемерный, такой желанный и такой необходимый.

Нагнулась и языком слизала влагу с головки члена.

– Ммм, – промычала я.

Вкус был явно карамельный, пряный. Напомнил мне о многих вещах. Сев, я сняла через голову рубашку и ощутила, как мужские руки потянулись и дотронулись до моих груди.

– Мама, – пробасил мужчина, на глазах превращаясь в дочку, – Мама!

В груди застрял крик, когда я поняла, что передо мной мужик с лицом любимой дочери.

– Мама!– настойчиво кричал мне в лицо.

Мне поплохело и я осела на землю...

Резко открыла глаза и вскочила с постели. На меня непонимающе уставилась бодрая Катя, мило улыбаясь. В её руках красовался новёхонький плюшевый зайка с длинными ушами и большим розовым бантом. Две косы растрепались, и на губах виднелся след от шоколада.

Моё же сердце стучало, как ненормального от увиденного во сне. Трудно передать то чувство, когда голый мужик тебе кричит: «Мама»! Хорошо, что это всё привиделось. Успокоившись, потёрла глаза.

– Доброе утро, мышка.

Мой голос хрипел, и жутко хотелось пить.

Катя забралась ко мне под одеяло. Я устроилась рядышком и поцеловала тёмную макушку.

– Папа куда-то уехал и сказал, чтобы я тебя не будила. А я...

Услышала в голосе дочи предвкушение. Она вчера была в зоопарке и приехала настолько уставшая, что сразу же улеглась спать.

– Рассказывай, – воодушевлённо сказала я, расплываясь в добродушной улыбке.

Катя уселась и повернулась ко мне лицом. В глаза светился интерес и бурление новых эмоций.

– Я вчера видела обезьян! – провизжала дочка и стала показывать мне этих довольно подвижных животных.

Рассмеялась и потянулась рукой к будильнику.

Поднесла к глазам: «Семь. Сорок».

Тем, у кого есть дети будильники попросту ненужны. До моего подъема оставалось ровно девятнадцать минут.

– И что они делали? – заинтересованно спросила я.

Катя всполошилась и принялась описывать каждую мартышку. Когда прозвенел будильник, я чмокнула дочку в щеку.

– Побежали умываться!

Катерина спрыгнула с кровати.

– Кто последний, тот без шоколада!

Девочка показала мне язык и рванула, как торпеда.

Рассмеявшись, побежала за ней.

Мыльные процедуры заняли порядка получаса. Мы чистили зубы, умывались, мазались кремами. Девочка была той ещё повторяющей.

– Так, теперь бежим одеваться. Опаздываем в садик!

Катя заупрячилась и начала выделываться. Иногда она своим поведением выносила мозг, что сказать, маленький ребёнок.

В сад, естественно, мы опоздали. Но это не помешало мне поехать на работу. Артур вчера нанял нового водителя, потому что у меня всё никак руки не доходили. Сказал, что этот точно пить не будет, потому что, по состоянию здоровья нельзя. Виктор Геннадьевич был военным в отставке, водитель со стажем и в прошлом бизнесмен. Экономика резко дала спад, и бизнес мужчины накрылся медным тазом, оставляя его по уши в кредитах и долгах. Собственно, мне понравилась его характеристика и я была не против, чтобы Виктор и далее продолжал на нас работать. Виктор довёз меня до ресторана, где в буквальном смысле начался хаос.

Алиса выскочила ко мне и, взяв за руку потащила в кабинет. На лице подруги, словно, баннер светилась паника. Волосы взлохмачены и ногти обгрызаны.

– Что случилось?– не выдержала я.

Алиса закрыла дверь кабинета и прислонилась к той спиной.

– Ты сейчас в обморок упадёшь...

Хмыкнула.

– Удиви.

– К нам в ресторан едут важные шишки. Из Франции...

Закатила глаза. В последнее время, что-то все зачастили в Россию из города любви.

– И что ты такая в забала... нервная?

Казанова начала ходить по кабинету и размашисто жестикулировать.

– Один из них в правительстве, другой бизнесмен.

Я до сих пор не понимала всего ажиотажа.

– Приедут, накормим, оплатят и уедут. Проблемы не вижу.

– А вот я вижу!– проямлила Алиса, – А если им не понравится?

А...

– Казанова, по тебе что, Арти проехался? Ты чего странная такая? Это всего лишь люди.

Алиса уселась на диван и закрыла руками лицо.

– Нервы сдают. Эти непонятки с Артуром, бывший с утра звонил, французы...

Села рядом с ней и коснулась рукой плеча.

– Что он хотел? Спустия столько времени?

– Денег, конечно, – фыркнула подруга и вновь поникла, – Вот какого чёрта ему нужно, а? Вроде обо всём договорились, а всё равно...

Я прикусила губу.

– Чем всё же он тебя шантажирует?

Алиса промолчала.

– Это сложно... – спустя минуту прошептала она.

– Расскажи Арти, он решит проблему.

Алиса посмотрела на меня, как на умалишённую.

– Он со мной переспал и это всё, что будет между нами... Шелли, я такая дура. Он меня так бесит, что придушить хочется и одновременно...

Улыбнулась.

– Я с вас в шоке, ребята. Алис, ты его придуши, а потом зацелуй. Знаешь, – задумчиво почесала подбородок, – а ведь ты его тоже всегда раздражала.

Подруга фыркнула.

Внезапно дверь распахнулась, и в кабинет влетел Вадик, красный, словно рак.

– Там это... Гости прибыли.

Алиса вскочила и умчалась вместе с женщиной. Я же смогла наконец-то раздеться, подправить макияж. Мне самой было до чёртиков интересно, что за гости к нам прибыли.

Взяв в руки сумочку, вышла из кабинета и направилась в зал.

Несмотря на новое изменённое меню, ресторан продолжал радовать прибылью. Порой в голову приходила идея о расширении, но экономика оставляла желать лучшего. Будучи реалисткой в плане бизнеса, знала, что открой я сеть ресторанов, да хотя бы ещё один, с треском провалюсь. Может, через пару лет, когда, наконец, утихнут эти политические страсти, которые постоянно заканчиваются ужасами для населения. Причём, страдают от этого все.

Я выглянула из-за угла и увидела, что официанты носят вокруг круглого стола с пятью стульями. За ними сидели... знакомые лица.

Выдохнула воздух. По коже медленно прошёлся озноб, а в груди, словно специально начинал разрастаться гнев.

Все лишь в паре метров от меня сидели ненавистные мне лица: Ремингтон Моранси, его глупая сестра Мириам.

Остальные же были мне незнакомы, но я уже приписала их к списку «враги». Рядом с Мириам сидела статная женщина с идеальной осанкой, смуглой кожей и длинными чёрными, как смоль волосами.

Два других мужчины были близнецами и смеялись над какой-то шуткой, из-за которой брюнетка раздражённо скривила пухлые губы, а Мири покраснела.

Вдоволь насмотревшись, скрылась из виду и достала из сумки телефон. Набрала номер Делакура и стала слушать гудки.

– Это я, – сразу перешла к делу, как только мужчина взял трубку, – в моём ресторане Моранси и Мириам и ещё трое неизвестных мне личностей. И меня честно напрягает, что прошлое решило меня навестить сразу толпой.

Ксавье слова цедил сквозь зубы. Мне даже захотелось убрать телефон подальше от уха, чтобы не слышать этого скрежета.

– Сейчас приеду. Суки, добрались-таки....

Зачем ему приезжать, я так и не поняла. Пожала плечами и, решив устроить им непревзойдённый прием, направилась в кухню.

* * *

Я сидела и наблюдала производственный процесс. Алиса командовала, Вадим следил за выполнением, а остальные носились, как ужаленные и выполняли приказы. И не дай бог, что-то не досолить, не поперчить...

– Кхм, Кхм, – повернулась на кашель, – госпожа Ржевская... Я... Вот...

Новенький поварёнок, краснея, всучил мне пакет из аптеки.

– Merci, – поблагодарила его, – Можешь работать.

Открыла и посмотрела, что же он всё-таки купил. Улыбнулась. Слабительное. Сильное. Пурген. Конечно, месть, это низко... Но эти твари её заслужили.

Я подозвала Алису. Подруга прибежала и нагнулась ко мне, чтобы было слышно.

– Из Французов... Подсыпь блондину и блондинке в еду. Да не жалей....

Казанова вылупилась на меня, как лягушка.

– Шеллс, ты что...А если...

– Это мои знакомые из прошлого. Так что... А репутация ресторана не пострадает, я уже об этом подумала, пока ждала поварёнка.

– Точно уверена?

Кивнула. В таком деле и быть не уверенной? Дудки!

– Ладно. Подсыплю им. Смотри, чтоб они... На месте... Не того самого.

Представив картинку, прыснула.

– Давай быстрее, сюда Делакруа едет.

– Может ему тоже... Дать попить пургенчика?

Его унижать таким способом не хотелось. Да и вообще... Мстить ему тоже как-то уже... Желание в этом плане поутихло, а жажда обладания в другом. наоборот взмыла до небес.

– Не стоит.

Алиса, прихватив с собой заветный пакет, побежала к готовым блюдам. Я своими глазами видела, как она растолкла таблетки, как аккуратно вмешала их в еду, как сама выгрузила на поднос и понесла. Видимо, решила, что доверять подобную миссию официантам нельзя. Авось перепутают и будет того казус на миллион долларов.

Через пару минут подруга опустила пустой поднос на стол и подмигнула мне. Телефон завибрировал. Взглянула на дисплей.

«Захожу в ресторан. Ты умница».

Надо же... Я встала и вышла из помещения. Запах еды радовал нос, живот урчал от голода, а сердце билось в предвкушении концерта.

Я выглянула в зал и стала ждать. Ксавье уже сидел за столом вместе с Реми. Мириам не стесняясь, гладила мужчину по ноге. Брюнетка ехидно на него смотрела, томно облизывая губы. Да ладно! Он и с этой черноволосой успел переспать? Ксавье не видел меня и тепло улыбался брюнетке. На Мири не обращал никакого внимания, но тем не менее рука её продолжала блуждать под столом.

Моранси с раздражающим спокойствием наблюдал за Делакруа.

Блондинка ойкнула и схватилась за живот.

– Мне что-то плохо... Я сейчас...

Она покраснела и направилась в сторону выхода. Туалет? О нет, деточка, он находится в противоположной стороне. Возможно, тебе об этом скажут, а возможно, и нет...

Видимо, всё же ей показали, как добраться до дамской комнаты. Она уже не шла, а бежала. Схватившись за живот, издавая нечленораздельный звуки. Волосы разметались в разные стороны, на лбу проступили капельки пота... Успеет или не успеет?

Тут рядом с ней показался Реми, который еле-еле держал себя в вертикальном положении.

К слову, один туалет я закрыла... На ремонт. Для большего эффекта.

И вот, финишная прямая. Я наблюдаю из-за угла. Мириам врывается в туалет и из него через минуту раздаются громкие характерные звуки. Ремингтон садится на пол и сжимает колени.

– Сууууууука, что же это такое!!!!!!! Мириам выходи!

– Не мооооогу, я ещё не всёёёёёё! – проныли за дверью.

– Какого чёрта, тут второй трон на ремонте?

Засмеялась. Трон. Интересно, у него дома этих придворных залов много? Тоже мне, царица Савская!

– Развлекаешься?

Вздогнула от шёпота над ухом. Развернулась и уперлась в грудь Делакура.

– По мне не видно?

– Что ты им подсыпала?

– Слабительного, – хихикнула я, – Как думаешь, этот продержится? Или прям сразу в штаны?

Мужчина скривился.

– Ты хоть представляешь, какой запах будет тут стоять?

Вот о благовонии я и не подумала...

Твою ж за... Сунула ключи от туалета Ксавье.

– Иди, спасай, этого урода.

Ксавье громко рассмеялся и пошёл к Моранси. Открыл и впустил этого ублюдка на «трон». Тот от облегчения, вероятно, чуть ли не плакал.

Что за месть, если они не знают, кто им оказал услугу? Я зашла в дамскую комнату. Воняло там знатно, звуки лились рекой, как и стон за одной из кабинок.

– Говорят, не повезёт, если чёрный кот дорогу перейдёт!– пропела по-французски я.

– Кто здесь? – выдавила Мирам.

Я же смотрела в отражение и улыбалась.

– Когда-то ты спала с Делакруа. И я с ним спала...

– Шарлотта! Шлюха, которая у меня его забрала!

Новые потуги, и новые аккорды...

– Ты давай там, старайся, а то, видимо, не вся зараза из тебя вышла, – съязвила я и хмыкнула, – И не скоро ещё выйдет.

Вытащила из сумочки помаду и подкрасила губы. Улыбнулась отражению и вышла из далеко уже не дамской комнаты.

Ксавье, оперившись на стенку, разговаривал о чём-то с той брюнеткой. Она почти, что висла на нём. Увидев меня, Делакруа отстранился от женщины и посмотрел на меня. Повела плечом и решила, что нужно как-то избавляться от французского запаха.

Да, я расстроилась из-за явной близости этих двоих. Но собственно, что я ещё ожидала от мужчины? Верности? Преданности? Правды?

Сейчас я проще отношусь к этому, так как не надеюсь. Но всё равно, как-то неприятно...

Я зашла в кабинет. И позвонила Арти спросить совета.

Супруг на меня наорал, сказал, что у меня к тридцати годам шило в одном месте заиграло и «мстя» какая-то проснулась. В общем, с горе-пополам, решили вызвать скорую, чтоб вкололи этим двоим что-нибудь...

Положив мобильник на стеклянный стол, откинулась на диван. Прикрыла глаза. Как можно снова дать шанс человеку, который уже сделал шаг в другом направлении? Спокойно смотреть? Или плюнуть на всё, послать к чёрту и попытаться как-то настроить собственную личную жизнь? Только вот получится ли?

Дверь открылась и захлопнулась.

– Моранси проклинает все на свете, а Мири орёт, что ты шлюха. Хотел бы я её заткнуть, но затычка ей нужна в другое место. Причём, думаю и она вылетит.

Не открывая глаз проговорила:

– Так им и надо, стервятникам. Арти скорую вызвал. Сейчас приедут, увезут этих загашников...

Мне очень хотелось спросить про брюнетку, аж язык чесался. Но гордость не позволяла ничего выдавить из себя.

Диван рядом со мной прогнулся, и запах парфюма Делакура вновь окутал мой нос и взбудоражил желание.

– Жасмин... Я был с ней в течение некоторого времени.

– Мне всё равно, – ровно произнесла я, – Тебе незачем передо мной оправдываться.

Рука Ксавье легла мне на колено.

– Шелли, – прохрипел он, – Неужели тебя это ни капли не волнует?

Я открыла глаза и внимательно на него посмотрела.

– То, что ты не жил монахом? Знаешь ли... И я ведь тоже не соблюдала целибат.

Последние слова были ложью, но мне было больно осознавать, что мужчина жил полной жизнью, в то время, как я не могла справиться с собственными комплексами и эмоциями.

Воздух будто бы наэлектризовался. В синих глазах Ксавье сверкало пламя, способное спалить мое сердце. Чтобы сделать счастливой или, чтобы вновь растоптать?

Я выпрямилась на диване и убрала руку мужчины с колена. За окном послышались сирены. Помощь пришла.

Усмехнулась. Я не чувствовала за собой и отголоска вины. Моранси был гадким человеком. Если бы не он, возможно, мы бы с Делакура были бы вместе. Хотя, вероятно, до поры, до времени. Всё равно он мне не доверял, так что... Закончилось бы ещё хуже.

– Надо бы спуститься, – пробормотала я.

Пальцы Ксавье сжали моё плечо. Я повернулась к нему.

– Не надо, – прошептал он, – Шарлотта. Между мной и Жас ничего нет. Давно, уже года два как. И было все пару раз...

Зато смотришь ты так на нее, будто бы вчера только виделись. Не как на очередную бабу для постели. Словно здесь что-то ещё. Глубже, тоньше, больнее...

– Я вроде бы сказала...

Мне не дали договорить, нежно заткнув рот поцелуем.

Глава 23

*«Когда ум и страсть спорят
в нежном теле – из десяти
в девяти случаях страсть
неприменно превозможет.»*

Уильям Шекспир

Минута...

Час...

Вечность...

Словно тону. Словно утопаю. Губы, руки, обнажённое тело. Я задыхаюсь, от его пальцев, скользящих по груди, от ощущения правильности, от ощущения нужды.

Поцелуй, казалось, длился вечность, за время которой я оказалась на коленях мужчины с расстёгнутой блузкой и приспущенным бюстгальтером.

Соски затвердели, из горла рвался стон наслаждения... Ксавье продолжал ласкать меня губами, руками, дыханием. Голова кружилась от давно забытых чувств. Хотелось раздеть его, полностью. Чтобы прильнуть к голой коже, впитать её запах, полностью погрязнуть в этом мужчине.

– Шелли...

Делакруа, оторвавшись от моих губ, провёл носом по щеке и слегка прикусил кожу.

– Я хочу, но не так... Уже говорил, – мужчина зарылся в моих волосах, тяжело дыша, – Ты для меня одна, навсегда. Я хочу, чтобы ты мне доверяла. И ради этого, придержи свой член в штанах.

Застонала и с неохотой слезла с колен. Поправила бюстгальтер, застегнула блузку и коснулась пальцами губ.

– Ты просто невыносим, – прохрипела я, – Зачем тогда заводишь, раз не даёшь обещанного?

Мужчина хрипло рассмеялся.

– А ты как думаешь?

– Интрига, – обиженно отрезала я, – Не доводишь дело до конца, значит, не начинай. А то придётся мне искать удовлетворение. А мне, знаешь ли, некогда ходить...

Я ахнула, когда ладонь Ксавье обрушилась на мою задницу.

– Я вроде говорил, чтобы...

– Да-да, – проворчала я, – Как обычно. Мужикам можно спать с каждой юбкой, зато женщина обязана ждать исключительно одни брюки. Дискриминация какая-то, не находишь?

Меня одарили злым ревнивым взглядом.

– Шелли... Вот когда разведёшься, тогда и поговорим. И не только. А сейчас дай отдышаться.

В кабинет постучали.

– Да? – громко спросила я.

Дверь приоткрыли, и показалась Алиса.

– Вы тут закончили?

Подруга покраснела. Закончили? А она что, заходила?

– Казанова? – проворчала я, – Любопытная ты зараза.

– Я только глазком. Просто скорая приезжала... Увезли твоих подопытных в больницу. Под капельницу.

– Лис, а сколько ты им в еду добавила?

– Эм, каждому по три таблетки.

У меня даже дар речи пропал. Да... От такого количества, действительно, только в больницу.

– Они спрашивали из-за чего вообще всё это?

Подруга хмыкнула.

– Спрашивали. Я сказала, что французы больно нежная нация и желудки у них слабые, да и вообще они какие-то болезненные... Но это к тебе не относится, – быстро добавила Казанова.

Я рассмеялась.

Алиса замялась в дверях.

– Там Арти приехал... И я... В общем, не хочу с ним сейчас видится.

Закатила глаза. С этого и надо было начинать.

– Казанова... Сейчас к нему пойду и, наверное, домой.

– Шелли, там это... Девушка ждёт.

Повернулась к Ксавье и равнодушно передала, что его «ожидают». Мужчина хмыкнул.

– Пусть ждёт. Меня волнует иной вопрос... Когда я смогу познакомиться с дочкой?

Мне хотелось треснуть его. Блин, когда я скажу! Вообще, хотела предложить сегодня, но эта Жасмин и блондины испортили настроение. Хотя я и повеселилась немного.

– Завтра. С утра, чтобы был у меня дома. Поедем развлекаться. Будешь моим другом из Парижа и ради бога не говори непристойностей, Катя прекрасно понимает по-французски.

– А ты забавная, когда злишься, – он провёл рукой по моим волосам, – Я снова твёрдый, детка.

– Сам ты...Детка, – прошипела я и пошла к Алисе.

* * *

Арти стоял на улице у машины. Модные очки украшали его лицо и, несмотря на осеннюю погоду, смотрелись очень даже симпатично.

Как только он меня увидел, сжал кулаки и пошёл на встречу.

– Где эта пришибленная?

Я ахнула и слегка стукнула Арти по плечу.

– Ты о моей подруге говоришь, муженёк, – возмутилась я, – Имей совесть отзываться о женщине, с которой ты спал с уважением. Особенно, если она подруга твоей жены и будущая девушка. Если, конечно, не наломаешь дров.

Арти снял очки и посмотрел на меня. Покачал головой.

– Твоя, Казанова не отвечает на звонки, сообщения и игнорирует. Так что, мне прям и хочется...

Хихикнула.

– Розгами? Со всей силы?

Артур хмыкнул.

– Скорее она меня и по шарам. Я даже до розг не успею добраться.

Я сделала пару шагов назад и осмотрела Артура. Ржевский был хорош. Тёмно-коричневое модное пальто со стоячим воротником. Под ним виднелись узкие чёрные брюки и лакированные туфли. Образ дополнял клетчатый шарф, очки и «свежая» причёска. А он подготовился к встрече-то.

– Ну?

– Не ворчи, – улыбнулась я, – Арти, да ты красавчик!

– Рад, что ты оценила, – процедил он сквозь зубы, – Шелли, где эта оторва. У меня мозг уже кипит донельзя.

Вздохнула.

– В ресторане. Где именно, не знаю. Вероятно, готовит. Шерлок, она шеф-повар! Где ей ещё быть!

Я щелкнула пальцами перед носом мужчины.

– Очнись! Давай так, я уговорю её с тобой поговорить. Хотя ей богу, – я начинала заводиться, – Как дети малые. Завтра приедет к нам, всё равно... Арти... Я... Ксавье завтра...

Арти подошёл ко мне и рукой провёл по подбородку.

– Они должны познакомиться. Это правильно. Я не хочу этого, но по-другому будет несправедливо. Катенька должна знать, что у неё есть ещё один папа. Может, не сейчас... Не так быстро. Но знакомство – первый шаг к этому. В будущем, она тебе спасибо скажет.

– Легко тебе говорить, а мне знакомить придётся. Объяснять...

Я уткнулась носом в пальто друга.

– Я не знаю, как мне быть Арти. Вот, честное слово! Так надоело думать, додумывать. Просто хочется, чтобы жизнь не была такой чертовски сложной, извилистой.

Арти погладил меня по голове.

– Как я тебя понимаю, милая. Иди сюда.

Друг. Самый настоящий, самый верный и единственный. Я шагнула в его объятия, и мне стало чуть легче.

– Поедем домой, купим чего-нибудь и просто посидим, поговорим.

Предложение Арти было таким заманчивым, что я согласилась. Только вот совесть грызла, что сегодня не поработала. Ведь я сюдаехала с определённой целью, а получился экспромт. Я никогда не вела настолько подло... Подсыпала слабительное и так наслаждалась этим, что сердце пело.

Но думаю, можно расслабиться, когда в жизни идёт такой разлад. Ни Арти, ни я не знаем, чего хотим. Друга тоже предали, и он вбил в голову, что я его идеал. Когда его всё время тянуло к Алиске. Да и у последней тоже была та ещё жизнь...

Чем дальше в лес, тем злее волки.

Мы с Артуром сели в машину. Мне пришло сообщение, от которого лицо озарилось улыбкой: «Если бы я не знал, что вы друзья, то твой муженёк не досчитался бы зубов».

«Откуда ты знаешь, что ничего не было а, умник? Может было, и не раз?» – отправила следом ответ.

«У меня есть достоверная информация, конфетка».

– Вот мерзавец, – выругалась я.

Арти недоуменно на меня покосился. Мы проехали совсем немного и встали в пробке.

– Ксавье тут изоцряется в остроумии... Детектива он нанял, чтоб блюсти мою «честь»... Не идиот ли? Арти, меня сама мысль «слезки» заставляет кусать пальцы от злости.

Действительно, было неприятно сознавать, что за мной в течение пяти лет вели наблюдение. Это неправильно. Он порвал всё, что было между нами и, тем не менее, не отпустил с поводка. Сознательно.

– Так, а теперь рассказывай, что сегодня было в ресторане. Я твои вопли по телефону еле разобрал.

Смутилась.

– Я не вопила. Просто была крайне взбудоражена.

Арти хмыкнул.

– Оно и видно.

Пробка на дороге медленно рассасывалась, и пока сие действо происходило, я в красках пересказала события «момента» встречи давних знакомых.

– Ксавье сказал, что Моранси был тем, кто хотел меня скомпрометировать. Чтобы он меня бросил. Реми думал, что я к нему побегу после...

Я замолчала. Из правого глаза по щеке побежала одинокая слезинка.

– Но я встретила тебя и помешала его планам. Он хотел отомстить Ксавье за прошлые дела. А от меня у Делакруа крышу сносило. Вот и заплатила я за это...

Арти молчал. Лишь костяшки пальцев побелели. Так сильно он сжал руль.

– Пургена им было мало. Надо было ещё чего-нибудь подсыпать. Для зуда, например.

Ржевский произнёс это таким тоном, что я прыснула, а затем заливисто рассмеялась.

– Ты только представь, что с ними было бы... Ой, не могу. Это был бы фееричный цирк.

– Ага, с запахом ромашки.

– Фу, Артур! Какая гадость!

Мужчина тихо засмеялся. Потом нахмурился.

– Всё так в нашей жизни запутано, правда? Казалось, зачем я поехал в Париж? Назло отцу и матери? А нашёл тебя... Ты стала той, кто подарил мне смысл жизни. Ты стала самым близким человеком на свете. Сама знаешь, что с родителями отношения не ладились, да и с женщинами тоже. Все смотрели, да и смотрят на тугой кошелёк и им плевать, что я люблю стихи Байрона, повести Пушкина и пьесы Шекспира. А знаешь, я до тебя разубедился в любви. В чистом сердечном чувстве, которое живёт и развивается в сердце. Я не верил, что можно что-то получить взамен. До тебя. Всё время я хотел, чтобы всё между нами было по-настоящему. Идеализировал. А потом Алиса взорвала мой мозг. Она не такая, как ты. Взбалмошная, готовая кинуться в бой... Остра на язык и просто невыносимая женщина. Сейчас я понимаю, что меня к ней тянет с такой силой, что хочется посадить под замок и...

– Надругаться?– тихо и с улыбкой произнесла я.

Арти усмехнулся.

– Для начала просто бы посадить, а дальше...

Мы долго говорили и в машине, и дома. Арти был тем человеком, к кому я испытывала полное доверие.

Этот длинный день подходил к концу, Катя тихо сопела у себя в постели. Арти тоже уже спал, а я не могла. Мысли, как снежный ком разрастались в моей голове. Я переживала. Как пройдёт день завтра? Как отреагирует Катя? Как будет вести себя Ксавье? А что я буду чувствовать? Всё так просто и всё так сложно... Невыносима мысль, что мой ребёнок будет метаться между двумя отцами. Если, конечно, Делакура намерен остаться в нашей жизни. Не хотелось, чтобы Кэти его полюбила, а он дал дёру.

Я боялась разочароваться. Снова попасть в ту атмосферы боли и недоверия.

Села на кровать, взяла с тумбочки оставленную Арти книгу. Я постигала русский язык с помощью творений прекрасных русских автором. Открываю толстый том на странице с закладкой. Я карандашом выделила тот фрагмент, который мне запал в душу. Перечитываю...Произведение «Война и мир» Льва Толстого полюбилось мне из русской литературы.

Какие правильные и умные слова в том отрывке... В который раз читаю их и понимаю, что жизнь ярка в своих красках. И каждый человек сам выбирает свой путь. Но служит ли он себе? Нет. Человек не принадлежит собственному сознанию, потому что подвержен общественному. И поэтому теряется смысл понятия свободы, как такового.

Я прочитала пару страниц и легла в постель. Выключила свет и долго смотрела в потолок, пока глаза сами собой не закрылись.

Утро, дом Ржевских

За окном шёл проливной дождь, и было настойчивое желание провести в постели целый день и послать Делакруа к чёрту. Но смс-ка, что мужчина будет в течение получаса, отрезвила мои мысли и заставила бежать в душ. За пять минут, я освежилась, ещё за пять облачилась в нижнее бельё и халат, позвонила няне и экономке. Дала им выходной. Артур уехал, как обычно с утра пораньше. И не на работу, а к Алисе. От подруги я узнала, что она Арти видеть пока не хочет. Но мотать нервы будут оба. Так что, сказала, что приеду рано утром, разговаривать перед работой. Естественно, Казанову ждёт сюрприз в виде Ржевского. Надеюсь, она меня не прибьёт.

Дочка же в это время смотрела в гостиной мультики. В розовой пижаме и белыми слониками. Сонная, так и хочется расцеловать. Села рядом, обняла.

– Пойдем кушать?

Катя посмотрела на меня и скривилась.

– Не хочу кашу. Вчера в саду она была подгоревшая. Как будто смолу в рот напихали.

Улыбнулась.

– В холодильнике есть творог. Его можно украсить фруктами и полить сиропом. А ещё я могу сварить какао. С молоком и сахаром.

Катя облизнулась.

– Только без пенки. Она противная.

Поцеловала дочку в лобик и пошла, готовить завтрак. Я волновалась. Сильно так, до дрожи в коленях. Когда Катя пришла на кухню и села за стол, я начала подготавливать дочку к встрече.

– Катюш, сейчас к нам придёт в гостя один дядя. Он мамин знакомый из Франции. Я обещала познакомить его с тобой и показать Москву. Мы поедем в цирк или погулять куда-нибудь.

Девочка хлопнула своими ярко-синими глазами.

– А папа с нами будет?

Выдохнула.

– Нет, малыш. Папа работает, но может присоединиться к нам вечером.

– Плохо, – простонала девочка.

Я поставила на стол тарелку с творогом, украшенную яблоком и апельсином. Сверху было изрядно полито клубничным сиропом. В кружке уже томился горячий какао. Катя блаженно вздохнула. Моя сладёна.

В доме раздался звонок. По моему телу прошла нервная дрожь. Я завязала махровый халат по туже и пошла, открывать дверь.

Посмотрела в глазок и увидела довольное лицо Ксавье. Покачала головой. Видимо, только у меня тут один сплошной нервяк.

Открыла дверь.

– Доброе утро, – тихо прошептала я, – Мы завтракаем, присоединишься?

Мужчина внимательно на меня смотрел. В его руках красовался большой подарочный пакет и огромный букет бледно-розовых лилий.

– Я редко дарил тебе цветы. Просто так, без повода. Но хочу наверстать... Я знаю, ты любишь розы. Но сейчас тебе больше идут лилии. Такие же нежные и величественные. Красивые, с тонким чувством. А их аромат сбивает с ног.

Его голос, взгляд... В моём горле пересохло.

Мужчина протянул цветы, я приняла букет.

– Проходи...

Голос отчего-то охрип. И это безумно понравилось Делакура, судя по его довольному виду.

Я закрыла дверь за гостем и заправила прядь волос за ухо.

– Мама!

Я только успела поравняться с Ксавье, как Катя выбежала в холл. Её глаза, такие же, как и у Делакруа с интересом рассматривали незнакомца.

– Милая, это мой друг, про которого я рассказывала.

Ксавье присел на корточки и широко улыбнулся.

–Привет, красавица. Меня зовут Роже.

Катя засмуцалась, но всё же, тихо поприветствовала гостя. Французский она знала хорошо, как и русский. Иногда, когда говорила на русском, вставляла французские слова и наоборот.

– Вот видишь, не зря я тебя учила, котёнок.

Я прикусила губу, смотря, как Ксавье впитывает каждое мгновение первой встречи. Из глаз потекли непрошенные слёзы. Я отвернулась, чтобы вытереть их.

– Мааам, а почему ты плачешь? – тихий голосок заставил меня засмуцаться.

Ксавье поднялся с корточек и подошёл ко мне.

Я видела, как мужчина хотел меня успокоить. Хотя я больше плакала от счастья, нежели от горя. Всё-таки есть в жизни рок. А ещё слишком много частиц «бы». Если бы, Моранси не наделал дел, если бы Ксавье поверил мне... Если бы я не встретила Арти...

Прикрыла глаза и постаралась настроиться на весёлую волну. Открыла и радостно спросила у дочери:

– Ты покушала?

Ребёнок угрюмо на меня посмотрел.

– В какао пенка.

М-да, это проблема.

Взглянула на Делакруа:

–Раздевайся и проходи на кухню.

–Хорошо. Шелли...

–Я пока поставлю цветы в вазу и включу кофеварку. Чёрный без сахара? С капелькой сливок?

Роже улыбнулся и кивнул.

– Помнишь?

Не удержалась и фыркнула.

– Забыть было бы весьма затруднительно.

Катя убежала в гостиную, я пошла за ней и взяла большую позолоченную вазу. Нам подарила её моя дражайшая свекровь. Как

подарила, оставила при переезде. Но ваза, действительно, красивая, узорчатая и высокая. Главное, выдержит букет.

Положила цветы на диван, и пока я ходила за водой, Катя успела нанюхаться лилий.

Я громко рассмеялась, чем привлекла внимание Ксавье. Он вышел с кухни и посмотрел на Катеньку, нос и щёки которой были жёлтыми от цветочной пыльцы.

– Мадемуазель Ржевская, да вы у нас точно будете дизайнером, – проворковала я.

– Надеюсь, скоро положение дел, а точнее фамилии изменится, – проворчал Делакура, – а то я не знаю, что у меня больше всего сводит: кулаки или зубы.

Я закатила глаза. Ксавье был таким... Ксавье. Я включила дочке канал «Зоопарк» и повела мужчину на кухню. Катина тарелка с творогом была на половину опустошена. Я забрала её себе.

– Ты будешь...

– Просто кофе, Шелли. Ты кушай. Мне всегда нравилось смотреть, как ты вкушаешь яства. И знаешь, я всегда мечтал быть на месте круасана или сэндвича, или клубничного мороженого.

Я не могла оторвать от мужчины глаза. Вот прям, как будто они приклеились. Намертво. Он так близко, стоит протянуть руку. И даже не верится, что я прошла через свой ад. Чтобы сидеть рядом, обсуждать жизнь, флиртовать, улыбаться и миловаться на нашу дочь. Для меня это было странно.

Можно долго говорить о долге, семье, отношениях. Никогда нельзя знать, в какую сторону посмотрит голова, и какую сторону выберет мозг. Я не верю, что люди могут измениться. Но может... Иногда это случается. Почему не попробовать вновь и увериться в том или ином выводе?

Как ни странно, я всё ждала от Ксавье подлянки. И вчера почти «дождалась». Эта Жасмин заставила меня ревновать, а Делакура... Не знаю, какого чёрта он так интимно разговаривал с ней. Но я решила, что размениваться не мелочи не стоит, и итог подведу после сегодняшнего дня. Как он себя будет вести? Как проявит отношение к Кате? Как дочка отреагирует на незнакомого мужчину? Как я буду чувствовать себя после этого? И самое важное, какого лешего в Москве забыли эти проклятые французы и бывшая Ксавье.

Мне хотелось кричать: «Мой»!
Как в былые времена затишья, перед бурей.

Глава 24

«Толстой сказал, что смерти нет, а есть любовь и память сердца. Память сердца так мучительна, лучше бы ее не было... Лучше бы память навсегда убить.»

Фаина Раневская

Порой кажется, что поезд жизни движется прямо на тебя. Едва не сбивает с пути и даёт тот самый миг, когда стоит задуматься. Стоит ли игра свеч?

Я смотрела, как мужчина всей моей жизни играет с дочерью, что-то ей рассказывает, показывает какие-то фотографии. А я стою в сторонке, облокотившись на дверной косяк, и задумчиво наблюдаю за такой по-семейному домашней картиной. Мне было слегка неприятен факт вхождения Ксавье в круг общения Кати. Нет, я согласна, что Делакруа имеет полное право на знакомство и дальнейшее участие в жизни ребёнка, если на то есть его желание. Но за все года я привыкла думать, что Артур отец Екатерины. И это настолько было ново видеть того, на кого моя кровь и плоть похожа, как две капли воды. Волосы, глаза, лоб... Улыбка только моей была.

За окном продолжал поливать дождь, и мы с Ксавье решили никуда не ездить и побыть дома. Поиграть, заказать что-нибудь из суши-бара.

Катя же только обрадовалась такому повороту. Ей мужчина подарил навороченную куклу и большую книжку сказок на французском. Сказал, что специально привёз из Парижа. После этих слов, мне захотелось его стукнуть. Факт, что за нами следил детектив, нервировал, бесил и заставлял где-то глубоко в душе томиться тому чувству, которое я безуспешно пыталась вырвать из сердца.

Сомнение. Нет ничего хуже этого состояния. Оно медленно разлагает на части, ибо мечешься между одним выбором и другим. Мне надоело это чувство. Я уже ничего не знаю. Мне хочется верить, но так страшно. А ещё Катя... Она такая маленькая. Как она воспримет наш с Арти развод? Примет ли Ксавье, как... Как кого?

Своего отца или моего мужчину? А если ничего не получится, то не только моё сердце будет разбито. Но за своё я уже не так волнуюсь. Главное, мой ребёнок.

В дверь позвонили, и я оторвалась от созерцания непривычной семейной картины отца, играющей с дочерью.

– Я открою, – Ксавье неожиданно подскочил и ринулся принимать «заказ».

Слегка была удивлена, потому что в прошлом он не спешил что-то сделать. Наоборот, выполняли приказы другие. А Делакура лишь давал распоряжения, даже в таких мелочах.

Входная дверь захлопнулась. Дочка поднялась на ноги и хитро улыбнулась мне.

– Мама, а мне он нравится. Он такой красивый, правда, носатый.– С умным видом проговорила девочка.

Я не удержалась и рассмеялась. Ксавье подошёл ко мне сзади.

– Кэти, я говорил, что у твоей мамы очень красивый смех? – незаметно для дочери, мужчина провёл рукой по моей спине. Даже сквозь халат, чувствовала посыл жара. Это было волнующе...

– А ты мне что-нибудь купил?– подумав, спросила дочь.

– Катя, – строго начала я.

Ксавье выступил вперёд и присел на корточки.

– Солнышко, не думаю, что твоя мама будет в восторге от тонны шоколада. Но мы можем её уговорить, – заговорщицки прошептал мужчина и что-то сказал на ухо малышке.

Делакура выпрямился и взял дочку за руку. Они оба посмотрели на меня таким умоляюще-наглым взглядом, что я не удержалась и закатила глаза, растягивая одно-единственное слово: «Ладно».

Время тянулось невероятно медленно. Мы сидели втроём на кухне и кушали. Время было уже обеденное, за окном хмурилось небо, оповещающая, что с минуты на минуту будет дождь. А может, ещё и гроза.

Катя тёрла глаза, видимо, наигралась. Да и погода располагала ко сну. Я сама бы сейчас легла бы в постельку.

Телефон завибрировал и я вскрикнула. Вот такие неожиданные моменты заставляют биться чаще. Что уж говорить...

– Ржевская, – ответила я на незнакомый номер, – Да что вы говорите! Почему это я вам что-то должна? У меня французский ресторан, а не показ модных проституток. Вы что там, озверели все?

Вот как себе это представляете? Ах... Помещение вам понравилось? Столы хотите убрать и устроить там свой...А не пойти ли вам лесом к русской бабе Яге? Она быстренько вас того... Оприходует!

Со стуком положила телефон на стол. Закрыла глаза и начала считать до десяти. Катя знала, что так мама успокаивается, и поэтому сидела молча. Какая же она у меня умница.

– Кто тебе докучает, что ты так нервничаешь и ругаешься? – задумчиво спросил Ксавье, суя в рот ролл.

Хмуро на него взглянула. Его глаза меня завораживали, но в груди всё ещё осталось толика возмущения и раздражение.

– Какой-то модельер звонил. Я так поняла, что хотел договориться о показе мод в моём заведении. Только вот, его не научили, что при переговорах желательно соблюдать субординацию и вежливость. И хамить необязательно... О! И говорить, что я должна делать, а что нет. Разозлил, блин!

Выдохнула и отпила из бокала воды.

– Мамочка, а можно посмотреть мультик и шоколадку?

Сластёна моя.

Улыбнулась, протянула руку и, погладив голову дочери, нежно проворковала:

– Конечно, малыш, беги. Давай только десять минут, пока мы кушаем и спать.

Катя слезла со стула, чмокнула меня в щеку и побежала.

– Она такая красивая. На тебя похожа. Сильно, – сдавленно произнёс мужчина, – Знаешь, какие чувства я испытал, когда детектив сообщил, что у тебя есть ребёнок? Я злился так сильно, что хотел твоему дружку рожу начистить и натянуть на ...

– Делакруа, – прошипела я.

– А потом, месье Боре показал мне фотографии Кати, документы из роддома и я всё понял... Тогда уже мне хотелось в сотый раз отвесить самому себе подзатыльников. Столько лет о тебе собирали сведения и по моей дурости ничего мне не докладывали. И я узнал о существовании дочери совсем недавно.

– Хорошо, что вообще узнал, – пробормотала я.

– Шарлотта, я не оправдываю своих действий, слов. Нелегко переступить через себя, всё взвесить и поменять всю жизнь. Начать с

нуля, хотя к тому, что я имел, шел годами, обдирая пятки в кровь. И не только.

Хмыкнула.

– Всё познаётся в сравнении, – продолжил мужчина, – Для меня не имеет смысла иметь особняки, бизнес, если вас нет в моей жизни.

– Знаешь, от владения борделя я бы так и так воздержалась бы, – усмехнулась я, – Так что не надо говорить, что ты сделал это для меня. В первую очередь для себя, хотя вероятно, тебя подвигла совесть и чувство вины.

Я отодвинула от себя тарелку, чувствуя, что наелась. Подняла глаза и натолкнулась на взгляд задумчивого Ксавье.

– Знаю, что пройдет много времени, прежде, чем ты мне поверишь. У меня есть надежда... И я буду бороться.

– Я не хочу снова наступить на грабли. Теперь мне есть, что терять и кого защищать.

Мужчина встал и отнёс грязную посуду в раковину. Облокотился руками об стол. Я видела, как напряжение охватывает его спину, руки...

– Ксавье?

Я поднялась и подошла к нему.

– Думаешь, мне легко проворачивать тот год в памяти, вылавливая каждое мгновение, когда я вёл себя по-свински? Когда брал тебя против воли, когда унижал, когда оскорблял? Да ни хрена подобного! – Делакруа повернулся ко мне и схватил за руку, – Я не понял даже того, что лишил тебя невинности. Хотя на тот момент, это ничего бы не изменило. Я тебя хотел. И моё желание было первостепенным. Марко пытался вправить мозги. Мол, зачем мне такая неиспорченная девочка. А я... Знаешь, что сделал я?– его голос перешёл в хрип.

– Что?– шёпотом спросила его.

– Я впервые врезал лучшему другу, – горько выдавил Ксавье, – Он лишь потёр подбородок и предупредил, что я сам накинул петлю себе на шею. Марко был прав. Сначала это была похоть. Но тот глупый маскарад показал мне, насколько хрупки наши отношения. Потом всё было хорошо, и я всё больше понимал, что ты для меня словно воздух...

– Но тебе было недостаточно моей верности. И ты поверил врагу...

– Да. Это меня не оправдывает.

Я вздохнула. Мужчина притянул меня к себе и обнял. Я не сопротивлялась. Да и зачем?

– У меня была трудная жизнь, Шелли. В плане доверия. Когда мне было десять, мать ушла от нас к более уважаемому мужчине. Отец стал забываться в алкоголе первое время. Первый раз он меня ударил в одиннадцать. Избиения продолжались два года, затем я ушёл. Со сломанным носом, рукой и ушибленными рёбрами. Так мне сказали в больнице. Оттуда я сбежал, так как знал, что меня вернут родителю. По мне, жизнь на улицах была лучше, нежели в доме с отоплением и с постоянными оплеухами и сломанными конечностями. Так, собственно и началась моя разгульная жизнь. – Ксавье говорил шёпотом, поглаживая меня по голове. – В четырнадцать я познакомился с одним человеком, на которого в последствие и работал. Сама понимаешь, что это криминал. В основном воровство, наркотики, казино. Париж яркий город, и привлекает много туристов. Я работал на Серхио десять лет, в этот период познакомился с Марко. Мы оба подумывали уйти из «бизнеса», но это не тот случай, когда можно уволиться.

Я затаила дыхание, сильнее прижавшись к мужчине. Его шёпот дрожью отзывался во мне. Страшно представить такую жизнь.

– Серхио умер и оставил всё мне. Недвижимость, бизнес, врагов... Бордель я уже сам запустил в работу. К тридцати годам, я уже был не тем десятилетним мальчишкой, который плакал по ночам из-за матери, а позже от оплеух отца.

Я не заметила, как по моим щекам струились слёзы. Ксавье приподнял меня, и я обхватила его бёдра ногами, прижавшись всем телом к мужчине.

– Не стоит плакать. Просто... Я хочу, чтобы ты знала обо мне больше. Но всю грязь, я не могу тебе рассказать. И всё равно, моя жизнь не оправдывает поступки. Особенно, в отношении тебя. Выбор и осознание. И то, и другое пали на тебя. Серхио меня воспитывал, дрессировал с четырнадцати лет. Так что, его влияние дало свои плоды своим корням.

– Не против выпить? – прошептала я.

Ксавье поцеловал меня в шею и опустил. Я достала из холодильника початую бутылку вина.

Разлила по бокалам.

– Я посмотрю, как там Кэти.

Выбежала из кухни, тяжело дыша. Боже, я не ждала подобной откровенности. Мне было странно быть настолько близкой, настолько жаждущей и настолько отчаянной. Именно этого я ждала от него. Открытости. Признания. Чтобы меня впустили в свой уголок жизни.

Кэтрин сопела у себя на кровати, обняв любимую игрушку. Я накрыла дочь одеялом и вышла из комнаты.

– Я тут, – раздался голос мужчины из гостиной.

Молча села рядом с ним. Мне протянули бокал, и я сделала глоток. Поставила фужер на стол.

– Как ты познакомился с Марко?

Ксавье положил руку на моё колено и слегка сжал.

– Мне было шестнадцать, и я считал себя крутым. Курил травку, обворовывал туристов, разбирался с должниками Серхио. В один из обычных в жизни дней, к нам в особняк притащили тощего мальчишку. Маркоса. Ему тогда было четырнадцать. Весь в синяках, побитый, как дворový пёс. Как оказалось, он из приюта. Мотался из одной приёмной семьи в другую. И в последней ему не повезло. Серхио хотел его в диллеры заслать, я попросил себе на поруку в «напарники». С того дня, мы долго притерались, но никогда не поднимали друг на друга руку. Он стал моим единственным другом. Таких больше нет.

– Вам повезло...

Я положила голову ему на плечо.

– Почему жизнь нам подкидывает испытания?

– Потому, что это жизнь. Если бы мать не ушла, то и отец бы не спился бы... Можно долго гадать, на тему: «Что если...». Но это не изменит реальности. Сейчас, я полностью в свободном полёте. У меня куча денег, но больше нечего нет. И не надо, если со мной рядом будете вы. Кэти. Она такая славная. Глаза мои и искрятся так, что хочется улыбаться от умиления.

– Катя луч солнца в моей жизни. Было сложно, когда я узнала о беременности. Но Артур мне помог. Он чудо, а не мужчина. Знаешь, сколько раз я спрашивала себя: «Почему я не могу его полюбить»?

– Посмотри на меня, – прошептал мужчина.

Я подняла голову, показывая, что слушаю.

– Никогда. Слышишь, никогда не говори этого...

– Думаешь легко жить с осознанием, что не можешь смотреть на других мужчин, потому что принципы не позволяют? Я не могу, как ты или сотни других людей. Взять, пойти и переспать. Или по дружбе пару раз, или просто так. Мне нужно чувствовать. И не просто тупую симпатию. Я должна любить. На меньшее я не согласна.

– Так ты, – начал говорить Делакура, – У тебя никого...

Закатила глаза.

– А тебе твой Шерлок ничего разве не сказал. Он же может по моей жизни диссертацию накатать, – съязвила я.

– Об этой стороне твоей жизни я знать не хотел...

– Я рада.

Мне стало неудобно, и встала с дивана. Подошла к окну и стала смотреть на дождь. Интересно, как там Арти и Алиса? Не поубивали друг друга?

Меня обняли сзади и прижали к сильному телу.

– Ты не представляешь насколько приятно знать, что я у тебя единственный, – прошептали мне в ухо, – Я так ревновал к бармену, что...

Меня поцеловали в шею, и кожа покрылась мурашками. Я отклонила голову, давая мужчине больший доступ.

Его губы сантиметр за сантиметром исследовали шею, а руки распахнули халат и коснулись напряжённого живота.

– Ты меня убиваешь, – хрипло отозвался мужчина и повернул меня к себе лицом.

Одна рука зарылась в мои волосы. Его лицо приблизилось ко мне вплотную, что носы соприкасались. Я чувствовала его дыхание, его обжигающий взгляд.

Мгновение и поддалась вперёд. Губы коснулись его щеки, подбородка, губ... Мне хотелось забраться ему под кожу и поселиться там. Чтобы пахло мной, чтобы мысли только обо мне, чтобы...

Он приподнял меня и посадил на подоконник. Мужчина страстно меня поцеловал, одновременно расстёгивая бюстгальтер.

Его пальцы гладили полушария, задевая соски.

– Они стали другими. Чуть больше, мягче... И одна мысль, что ты кормила моего ребёнка... Они желанны. Ты вся...

Ксавье наклонился и лизнул розовую вершину. Приглушённо застонала.

Мужской хрипый смех поднял во мне вихрь желания. Ксавье выпрямился и плотно прижался ко мне. Его жажда была ощутима и приятно и понятна. Ногами обхватила его бёдра и придвинула к себе.

– Сегодня только десерт, – страстно отозвался мужчина.

Пальцы правой руки прочертили линию от груди вплоть до трусиков. Мужчина отодвинул их и проник в меня, раздвигая складочки.

– Делакура, – прошептала я, выгибаясь.

Один палец был заменён двумя, а движения стали быстрее, резче, интенсивнее. Во мне началась подниматься буря, которая вот-вот снесёт всё и вся. Я хотела его. Роже, в себе. Полностью и без остатка. Жаждала ощутить стальную твёрдость, желанную так в этот момент.

Пальцы исчезли, и я захныкала от «пустоты». Ксавье хрипло рассмеялся.

– Я долго ждал, мечтая об этом...

Он опустил на колени и опустил трусики вниз по ногам. Раздвинул руками мои бёдра и языком коснулся клитора. Медленно, никуда не торопясь, он очерчивал круги, возбуждая вновь.

Буря вновь зародилась в моем теле, когда язык мужчины погрузился в лоно.

– Такая... Моя...

Его слова, движения, стоны... Я немела при каждом прикосновении этого человека. Выгибаясь дугой, показывала, насколько я близко. И вот, его пальцы проникли меня, а зубы слегка прикусили клитор... По телу мелкая дрожь, в ногах слабость, глаза прикрыты и слёзы. Счастья? Неловкости? Удовлетворения?

Мне было всё равное, что у меня уже не такая, как раньше, упругая грудь. Что на теле были растяжки, что я давно не занималась сексом и вообще в этом деле неопытна. Но я чувствовала, что желанна и любима.

– Тебя надо включить в моё персональное меню. На десерт. Обмазать сливками и наслаждаться без перерыва.

Мужчина поднялся и обнял меня. Моя голова покоилась на его груди, его руки перебирали мои волосы.

Резкий щелчок заставил нас вздрогнуть.

– Я думаю, мы пришли как раз вовремя, – заметил звонкий ехидный голос, – Кажется, всё пропустили.

Я заскрежетала зубами.

– Казанова! Ржевский! А ну, блин вышли из комнаты, – рявкнула я.

Алиса рассмеялась.

– Шеллс! А ты покраснела!

– Вон! – крикнула я, – Боже, как стыдно.

– Стыдно, когда видно, – с умным видом заметил Ксавье.

Я спрыгнула с подоконника, натянула трусы, застегнула лифчик, завязала намертво халат.

Мы вышли с Делакруа к Алисе и Арти. Те стояли в обнимку и довольные. Видимо, утро у них прошло очень даже хорошо.

Мои щёки до сих пор горели, и я не могла посмотреть в глаза другу. Поймали, почти с поличным. Зашли бы на минут пять раньше... И увидели бы француза между моих ног.

– Шелли, – позвал Арти, – Не переживай ты так. Кстати, Катя спит, и ваши... стоны её не побеспокоили. Хотя я бы воздержался от...

Арти не договорил фразу, потому что Алиса наступила ему на ногу.

– Не смущай ещё больше, – весело проговорила она, – И передай, пожалуйста, парижанину, что если он ещё раз обидит мою подругу, то я выколю его глаза и вместо них туда засуну куриные яйца. Вмятку.

Ошарашено посмотрела на Алису.

– Это что, новая форма ругани? Кулинарная?

– Моя собственная, уникальная.

Хмыкнула.

Арти всё же перевёл Ксавье и тот лишь широко улыбнулся, сообщая, что у меня хорошая подруга.

Мы сидели и разговаривали, и смеялись. Вскоре проснулась Катя. Ксавье побыл с нами ещё немного уехал. Арти повёз Алису домой, а я села на диван с чашкой горячего чая, Джейн Остин и хорошим настроением.

Глава 25

Словно мгновение пролетел целый месяц. Декабрь радовал периодическим дождём и снегом, а чаще всего гололёдом. За окном было серо и уныло, несмотря на скорое Рождество и Новый год.

Москва в этот период сезона не спала, а во всю готовилась к будущим праздникам. Было приятно смотреть на трудящихся и улыбаться своим мыслям.

Я отошла от окна и села за компьютерный стол. В рабочем кабинете пахло цветами, подаренными Ксавье.

Вчера мы с Арти стали бывшими супругами. Благо делить ничего нам не надо было. Ресторан полностью мой, как и дочка. Катя не слишком хорошо восприняла новость о нашем разводе. Мы попытались объяснить ребёнку, но на понимание потребуется долгое время. Катя очень волнуется, что мы с папой не будем вместе.

Но то, что мы пока живём, как раньше её немного успокаивало. Отношения с Ксавье были волнующими, нежными и интересными.

До постели у нас так и не дошло, и теперь я была рада этому. Я видела, что мужчина хочет, действительно, добиться меня. Каждый день он что-то рассказывал о себе. Я проводила экскурсии по Москве и вечерами мы пропадали в театрах. И хоть, Делакура не знал русского, всё равно ходил вместе со мной. Мол, нравилось ему смотреть на калейдоскоп моих эмоций. Катерина привыкла к обществу Ксавье и уже не относилась к нему с опаской. Называла по имени и даже один раз обняла. Мне было приятно смотреть на них. Пока я была на работе, мужчина полностью брал ответственность за Кэти. Если ребёнок не в саду, значит, развлекается где-то с био-папой.

После парочки таких «выходов» в свет, я перестала волноваться и радовалась за близких мне людей.

С каждым днём сексуальное напряжение между мной и Роже, росло. Постоянно ловила на себе жаждущие взгляды, а лёгкие прикосновения творили нечто невообразимое. Когда я с НИМ, будто нахожусь на пороховой бочке. Взорваться хочется, но время ещё не пришло.

Работа. Она доставляла мне радость. То самое чувство, когда твое дело идёт в гору, когда много положительных отзывов и критики просто в восторге. Мне повезло. По-другому просто быть не может. Две недели назад ресторан посетил московский критик Денис Кудрявцев. Мужчина видный, но уж больно правильный. Он очень критиковал наши блюда, но в статье нас очень похвалил. При звонке, сообщил, что не стоит лишний раз давать расслабляться. А работать, совершенствоваться нужно всегда. После статьи посетителей стало в разы больше. Идея с кондитерской пока цвела в мечтах и в планах на будущий год. В экономике сейчас резкий спад и я боялась браться за новое дело, не прощупав почву на сто процентов. А работа есть всегда. С недавнего времени я стала проводить каждодневные «летучки». Бухгалтерия лично получала от меня задания, впрочем, как и обычно. А с остальными беседовала воочию. Некоторые новички предлагали ряд интересных идей, и я велела Алисе их рассматривать и позже делиться мнением на их счёт.

Я чувствовала, что так будет правильно. Сотрудники чувствовали меня, а я их. Работа шла слаженно, что не могло не радовать.

Сейчас же, в пятницу, я сидела и смотрела на заставку рабочего стола в компьютере. Уже отработав полдня, хотелось быстрее ехать к Ксавье и сообщить, что я свободная женщина. Шарлотта Ржевская... Я думала о том, чтобы вернуть себе девичью фамилию. Может быть, позже.

Телефон разразился громким рингтоном, и я посмотрела на входящий вызов.

«Алиса»

– Да, Лис? – выдохнула я в трубку, – Кто ко мне ломится? Ладно, пусть покажут им путь.

Затишье перед бурей закончилось. Я всё ждала, когда же...

В дверь постучали, открыли и вошли две известные барышни: Жасмин и Мириам. Обе были одеты с иголочки, словно только-только из салона красоты и модного бутика.

– Чем могу помочь? – холодно улыбнулась я, – насколько мне известно, вы не числитесь у меня в списке встреч на сегодня.

– Ничего, – процедила сквозь зубы блондинка, – Потерпишь.

Покачала головой.

– Мириам, Мириам, – потянула я, – ты как была ведомой куклой для постели, так и осталась. Вот только кого ты сейчас согреваешь? Не братца ли?

Девушка зашипела и сделала шаг навстречу мне. Её остановила брюнетка, чьи алые губы растянулись в улыбке.

– Лучшее оружие нападение, да?

– Вам виднее, – проговорила я, – Но всё, зачем вы пришли? Мириам понятно, видимо, отблагодарить за тот великий день, когда её кишечник очистился от шлаков. Жаль только, что это никоим образом на голову не подействовало.

Жасмин рассмеялась. Я подробнее разглядела ту, что спала с Ксавье. Красивая, статная, высокомерная. Одета в чёрное платье, поверх которого была накинута шуба из соболя. Волосы уложены в высокую причёску, на ногах красовались высокие тёмно-коричневые сапоги-ботфорты.

Мириам на её фоне выглядела дешёвкой.

В моей груди зарождалась ревность. Сжала зубы. Это чувство не должно меня касаться.

– Я пришла поговорить о нашем общем знакомом. Роже, – женщина внимательно на меня посмотрела, – Дело в том, что я не привыкла отдавать то, что моё. Знаете, как бывает с драгоценностями и машинами. Делакруа очень быстро порвал со мной отношения и ретировался. А у меня были на него планы...

– Угу, – подала голос Мири, – Если из-за этой он и меня бросил, то тебя и подавно.

Жас стрельнула в Мириам уничтожающим взглядом. Разборки любовниц француза. Эпично.

– Так вот, я пришла просить Вас, отойти в сторону.

Я ни на грамм не поверила её милой улыбке. Как будто гиена скалится. Только что поняла, что даже не предложила гостям присесть. Оно и к лучшему.

– Чтож, Вы говорите очень занятно. Только вот...

Я взяла телефон и позвонила Делакруа. Поставила мобильник на громкую связь.

– Шелли, я рад тебя слышать. Ты уже освободилась? – ответил на звонок любимый голос.

– Ксавье, у меня к тебе вопрос. Ты не хочешь вернуться к Жасмин на постоянной основе.

– Шарлотта, ты, что себе опять накрутила? Эта дрянь, и твоего мизинца не стоит.

– Спасибо, милый. Именно это я и хотела услышать, как Жас с Мири.

Голос в трубке смачно выругался.

– Они там, – вкрадчиво спросил Делакруа.

– Ага.

– Жасмин? – резко позвал Ксавье.

Женщина вплотную приблизилась к моему столу и нагнулась к телефону.

– Да, дорогой?

– Если не хочешь проблем убирайся восвояси. Ты знаешь, что со мной спорить бесполезно и играть в игры тоже. Если не исчезнешь с ближайшие дни, к твоему отцу попадут весьма интересные документы. Думаю, не нужно говорить какие? Замечательно. Если, с Шарлотой что-то случится. Волосок упадёт или слезинка скатиться по щеке, то поверь, даже в тюрьме я вас достану. После того, как, конечно, же туда затащу.

Жасмин лишь сжала губы.

– Роже, я родила от тебя ребёнка, – выдала женщина и, схватив мой телефон, сбросила вызов, – Я ещё вам покажу. Пошли, Мири.

Дверь захлопнулась, а я старалась себе не накручивать. Немного подташнивало. Ребёнок? Стоило ли верить? Возможно... Всё же они спали вместе. Во рту был противный привкус горечи.

Алиса ворвалась в кабинет и сунула мне свой телефон.

– Да, – неуверенно отозвалась я, – Да... Они ушли... Жду.

Вернула аппарат подруге.

– Что только что было? Эти две курицы вышли из «Paris», как блин натуральные павлины. А потом мне звонит твой мужик и просит немедленно тебя к телефону. И пофиг, что у меня руки в рыбе!

– Казанова, сядь, пожалуйста. У меня голова начинает болеть от слишком большого нашествия женщин, – проворчала я, заправляя прядь волос за ухо, – Эти две приходили заявить свои права на Савву. Жасмин заявила, что родила от него ребёнка. Делакруа прокричал:

«Это неправда, жди меня в ресторане!» Вот, теперь сижу и жду. Блин, день так хорошо начинался.

– А ты не думаешь, что у него и правда может быть ещё ребёнок?– осторожно спросила Алиса, – Всё-таки мужики монахами не живут.

Вздыхнула и достала из ящичка небольшое зеркальце. Открыла его и посмотрела на свое отражение. В глазах блеснул страх.

– Не знаю, Лис, – прошептала я, – Но об этом поговорим позже. Когда... Лучше расскажи, что у вас там с Арти.

Алиса вскочила со стула и принялась расхаживать по кабинету.

– Твой друг придурок, каких поискать.

– Это я уже слышала, – усмехнулась я.

– Да, это ни для кого не новость. Вот только он мне запретил так много работать. И краситься, и одевать открытую одежду. Мол, нечего другим смотреть. Да было бы на что! Мало того, что у меня не ногти, а огрызки, глаза крашу редко, на голове чёрти что. Так ещё мне нельзя носить удобную мне одежду!

Я рассмеялась. Понятно, Артур ревнует. Видимо, дал себе волю.

– Не смешно, – отчеканила Алиса, – Он меня достал. Да, не спорю, в постели он бог, но характер... Так и хочется прикопать где-нибудь. И лопаткой по земле похлопать.

– Ага, и цветочек посадить, – подхватила я, – ты мне на Арти не наговаривай. Он золото, а не мужчина.

– Это он, как человек замечательный. А вот как мужик, придурок полный!– разбушевалась подруга.

Усмехнулась. Артур Ржевский хотел страстей? Вот и получил. Да ещё и какие!

– Вы друг друга стоите, – рассмеялась я, – А насчёт всего того, что он успел наговорить... Не обращай внимания.

– Обращу, и ещё как, – угрюмо проворчала подруга, – Устрою ему такую прелюдию, что зубы будет сводить от приторности.

Я уже открыла рот, как дверь распахнулась, и Ксавье влетел в кабинет. Синие глаза казалось, сейчас тут всё подожгут к чёртовой матери. Волосы взъерошены, белая рубашка выбилась из чёрных брюк.

– Всё, я пошла, строить козни твоему бывшему супругнику, – Алиса мило мне улыбнулась, – Если что, кричи, свисти, падай в обморок.

Казанова быстренько удалилась. А я хотела заметить, что если Ксавье решит надо мной надругаться, то обморок его не остановит.

Мужчина преодолел разделяющее нас расстояние. Он замер по ту сторону стола. Теперь во взгляде я видела нескрываемый страх. Делакруа сжал кулаки.

– Шелли, клянусь, что нас с Жасмин никто не связывает, – прошептал он, – Да, у нас были недолгие отношения, подразумевающие...

– Секс, – глухо проговорила я, – Но, знаешь ли, от него бывают дети.

– У неё вообще детей не может быть. Об этом знает только её доктор и она. Но когда собирал на эту дрянь компромат, то наткнулся и на эту маленькую деталь. Собственно, ей это уже не поможет, ибо вся информация попала туда, куда и нужно было её слить.

– Ты же...

Я поднялась со стула.

– Шарлотта, она посмела заявиться к тебе и угрожать. Плевать я хотел на свои слова, если от этого зависит твоё спокойствие и безопасность.

Не знаю почему, но от его слов мне стало легче. Я обошла стол и примкнула к груди мужчины. Его руки прижали теснее меня к себе. Ксавье коснулся губами моих волос. А я лишь наслаждалась тем, чего всегда и хотела. Безопасностью, нежностью и доверием.

Что изменилось за прошедшее время? Я. Он. Обстоятельства.

– Я тебя люблю, – хрипло прошептал бархатистый голос, – Так сильно, что это пугает. Хочу, чтобы ты верила в это.

Вдыхая запах любимого парфюма, подняла голову и встретила в поцелуе с единственным мужчиной. Для меня. В соединении наших губ, Ксавье показывал, насколько я ему дорога. Не принуждая, возбуждал. Не подчиняя, привязывал к себе. Просунула руку под его рубашку, касаясь обнажённой горячей кожи. Роже дёрнулся, сжимая меня в объятиях сильнее. Поцелуй углубился, превращая действие в некий вулкан. Внезапно, Делакруа прервал наше уединение и, коснувшись губами моего лба, пробормотал.

– Не на работе же...

Мне захотелось его стукнуть, что я и сделала.

Мужчина лишь хрипло рассмеялся.

– Твоя столь любопытная подруга может заявиться в столь не подходящий момент. Она это любит, – со знанием дела заметил мужчина, – Да и кое-кому потребуется территория для крика. Ты же не хочешь заставить всех гадать, что же с тобой тут делают?

Я покраснела, признавая правоту слов мужчины.

– Тогда домой?

– В отель.

* * *

Искусные пальцы касались меня, словно перья. Бережно скользили по чувствительному телу, играя, словно на гитаре, задевая самые низкие ноты. Стон, словно музыка вырвался из моего горла, грудь выгнулась дугой.

Мужчина устроился между моих ног. Его жаркое дыхание, поднимало во мне неповторимое желание. Ксавье посмотрел на меня, и на секунду мне показалось, что он испытывает сильнейшую боль. Но в глазах горело пламя.

Настойчивые пальцы сжали бёдра, раздвигая их сильнее. Пальцы скользнули по мокрым складкам, чувствуя мою жажду.

– Какая же ты красивая, – пробормотал мужчина и примкнул губами к моей груди.

– Ты тоже, – выдохнула я.

Здрожала от волнения, удовольствия и предвкушения. Если он сейчас же не соединиться со мной, просто взорвусь.

– Сейчас, – процедила сквозь зубы, – Или клянусь...

Мой рот заткнули поцелуем и когда, я почувствовала проникновение, едва не задохнулась от нахлынувших на меня чувств. Я хотела его. Безумно, жадно...

Потребность ощущать его полностью завладела моим разумом. Я поддалась навстречу ему, подстраиваясь под древний и столь искусный ритм тел.

– Боже, – выдавил мужчина.

Наши движения становились быстрее, неистовей, приближая нас к желанной разрядке.

– Кажется... Это моя реплика, – прошептала я, чувствуя, как внутренне сжимаюсь и расслабляюсь одновременно.

Моё тело охватила приятная дрожь. Дыхание сбилось.

Ксавье простонал и замер.

Мне была приятна тяжесть. Сейчас я была на сто процентов уверена в Делакруа. Сейчас, мы занимались любовью, а не трахались.

– Я бы так и пролежал всю жизнь. На тебе, в тебе... Всегда.

Мужчина приподнялся на руках и коснулся губами моего носа, щек, подбородка, губ.

– Это только первый раунд, – усмехнулся он, – Но мне нужно восстановить силы. Чай, не мальчик уже.

Глупо хихикнула, быстро целуя его в шею.

– Да и я, не девочка и хочу есть. Сильно. Желательно тебя... Но обойдусь стейком и салатом.

Мужчина замычал. Ксавье встал и слез с постели. Я залюбовалась им. Широкие плечи, узкие бёдра, умеренная поросль волос...Потная кожа, упругая задница... Счастливые тёплые синие глаза морщинками под ними. Удовлетворённая усмешка на тонких губах, обещающая мне прекрасный день и ночь... И, вероятно, жизнь...

– Я тебя люблю, – улыбнулась я, млея от счастья.

Ксавье прикрыл глаза.

– Скажи ещё раз, – попросил я, – Хочу...

– Люблю тебя, Ксавье Роже Делакруа!– прокричала я, с удивлением наблюдая, как «силы» возвращаются к мужчине.

– Не сон. Сейчас буду проверять.

Захохотала, когда мужчина забрался обратно в постель, и застонала, когда он стал покрывать моё тело поцелуями...

– Я тебя никуда никогда не отпущу, – прошептал он мне на ухо, прикусывая его.

– Не собираюсь убегать, – простонала я, – Но как же быть...

– Шшшшш, ты решишь сама. Позже. Мой дом, там, где ты. И не важно, Париж это, или Москва...

– Чёрт, заткнись и возьми меня, – прошипела я, жаждя его горячий член внутри.

– Слушаюсь и повинуюсь, – пробормотал мужчина, резким толчком проникая в меня.

Секунда. Минута. Час. Мгновение. Такое быстрое, такое далёкое.

Счастье – это дорога от отчаяния до любви, от любви до ненависти. И обратно.

Мы прошли этот путь. Сквозь слёзы, предательство, сквозь тропу жизни. Но благодаря всему мы научились ценить. Теряя что-то, приходит понимание. То самое, когда руки трясутся, когда в горле стоит ком. Когда хочется упиться с горя. Но время расставляет всё по своим местам. И в итоге, счастье обретает лишь тот, кто может жертвовать.

Эпилог

Пять лет спустя, Москва

– Мммм, беременная и моя, – проурчал Ксавье мне на ухо, обнимая сзади.

Тихо рассмеялась, повернулась и обняла мужчину.

– Верно заметил, умник. Вернулся, – потёрлась носом об его плечо, вдыхая запах любимого человека,

– Мы ждали тебя только завтра.

Ксавье поцеловал меня в шею.

– Я соскучился, малыш.

Улыбнулась. Беременная вторым ребёнком. Надеюсь, будет мальчик. Каждая женщина мечтает вырастить сына. И я не исключение.

Пятый месяц уже сделал из меня колобка и я, по словам, Делакруа цвела и пахла.

– У меня для тебя сюрприз,

Подняла голову и посмотрела в искрящиеся счастьем глаза Роже.

– Снова? Я и так на твоих дрожжах расту, – звонко рассмеялась, – Ну, давай сюда свой подарок, а то ведь лопну от любопытства и шуму наделаю.

Мечтательно закатила глаза.

Меня нежно поцеловали в лоб и помахали перед носом какими-то бумажками.

– Отгадай, что тут?

Ахнула.

– Ты ещё и издеваешься? Над беременной женой!

Попыталась схватить «сюрприз», который быстренько так в руках француза взметнулся вверх.

– Подсказка. Когда ты любишь больше всех?

– Катю, тебя, малыша и А.. Уииииии!

Обняла мужа и поднявшись на цыпочки обцеловала лицо.

– К Арти?

Мужчина кивнул. Завизжала от счастья.

– Но...

– Бизнес-класс, сопровождающий врач, Кэтрин и я прилагаемся...
Снова завизжав, поцеловала любимого в губы. Его руки на моей талии напряглись.

– Малышка, я, конечно же, железный, но не настолько... – поцелуй, – Доктор запретила занятия любовью.

Я отстранилась.

– Не запретила, а сказала, что не желательно слишком часто...

Мужчина хохотнул.

– А утро не считается?

Я надулась. Вот хочется мне... Раздеть его... Совсем... А он...
Блин...

Слёзы потекли из глаз. Ксавье вздохнул и погладил меня по головке.

– Не выйдет. Даже не пытайся. У нас лимит на сегодня исчерпан.

– Когда улетаем? – обидевшись, всхлипнула я.

– Завтра...

Прикусила губы и резво потянулась к его брюкам. Нащупала эрегированный член и сжала.

Стон мужа был мёдом.

– Ну, один раз, ну аккуратненько, – ныла я, – Малышу полезно, а значит, безопасно.

Делакруа выругался сквозь зубы и, подхватив меня на руки, понёс в спальню, из которой потом доносились характерные звуки. Хорошо, что Катенька в школе...

* * *

Терпкий запах мандаринов предвещал скорое наступление Нового года.

Я сидела на ярко-красном диване и улыбалась. Ксавье помогал Арти настроить телевизор, Алиса занималась сервировкой праздничного стола. Катя игралась с двухлетним Сашей, сыном Алисы и Артура Ржевских.

Поглаживая стремительно росший живот, томно вздыхала от ощущения полного и всеобщего счастья.

– Шелли, – позвала меня Алиса, – как насчёт бокала красного вина? Я вытащу из холодильника...

– Казанова, – рыкнул на неё Ксавье, – Не совращай мне жену и не сажай здоровье будущему поколению!

Алиса фыркнула и повела плечом.

– Я уже год, как Ржевская! И ничего я не совращаю.

Муж закатил глаза. Ксавье за всё прошедшее время немного стал говорить по-русски. Понимал почти всё, но что касается разговорного...

Мы жили на две страны. Франция – Россия. Париж – Москва.

Сначала было трудно, но мы прижились. Открыли ресторан в столице города любви и развивали его. За ресторан в Москве отвечала Алиса. Я назначила её заместителем директора. В общем, всем была радость. Подруга и готовила и командовала. Хорошо-то как! Наше заведение в Париже называлось «Москва». Русская кухня и всё, что с ней связано. Несмотря на экономический кризис, всё шло, как по маслу. Мы не стремились заработать все деньги мира. Просто семейное дело. Законное, любимое. Его можно будет передать будущему поколению.

Время. Оно летело, словно дни. Так быстро. Словно пропуская песок сквозь пальцы, оно так и норовило сократить часы наших дней, наполнив их значимыми событиями.

Пять лет назад многое произошло. Приятного и не очень. После той ночи в отеле, было стойкое желание сразу же рассказать Кате правду и пожениться. Но нашу эйфорию прервал Моранси, который жаждал мести со всеми вытекающими последствиями. Злодей в этот раз из него вышел никакой, и мой мужчина расправился с ним. Но пришлось вернуться в Париж. Для Кати это было путешествием. А для меня возвратом в прошлое. Ксавье купил дом на окраине столицы и я, пока он, занимался с Моранси, обустроивала его.

И однажды, Катя села ко мне на колени и со знанием поделилась мыслями. Что Ксавье её папа, что мы теперь будем жить тут...

Стоило восхититься её сообразительностью. Но тогда, я была в ужасе от предстоящего разговора. Не просто вот взять и открыться ребёнку. Катя со всей своей детской непосредственностью приняла правду. Я пообещала, что её русский «папа», будет всегда рад её видеть. И мы часто будем навещать его и тётю Алису.

Тот день стал самым счастливым для меня и Ксавье. День воссоединения семьи.

Для меня же Франция стала открываться с новой стороны. Я впитывала мелочи родного города и страны. Так же навестила мать, посмотрела в её старые измученные глаза. Жаннет спустя одиннадцать лет уже не была той, что раньше. И мне её по-прежнему было жаль. Не знаю, с какой целью я жаждала встречи. Но уверилась, что она была ни к чему.

Зато с отцом, как ни странно отношения наладились, и я успела полюбить своего единокровного брата. Мы часто собирались и общались. Как будто и не было того ужаса. Как будто память об Армане медленно увядала. Мы с папой не говорили о нём. Было больно и невыносимо снова тревожить мозоли. Я навещала его могилу, клала цветы и стояла. Смотрела на надгробную надпись и думала.

Если бы не болезнь Армана, у меня не было бы Ксавье, Кати, Артура и Алисы.

А с недавних пор и маленького чуда, растущего в утробе.

– Милая, – плеча коснулась рука мужа, – ты в порядке?

В любимых глазах застыло беспокойство.

– Просто вспомнила...

Мужчина уселся рядом, и я положила голову ему на плечо.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как беременная. Хочу, есть и бананы, секса, – хихикнула я.

– Ммммм, хотел бы я тебе организовать один банан, – томно прошептал мужчина, – Но боюсь, никто кроме нас этого не оценит.

– Вот что-то, а «это» они оценят, да ещё и наорут.

Алиса ворвалась в комнату.

– Так, Арти сажай Сашуню в стульчик, Катенька давай к родителям, а я... Тьфу ты, побежала за уткой. Через пять минут речь президента, а я до сих пор в фартуке и утка!

Артур подошёл к жене и схватил её за руки.

– Алиса, успокойся. Я за этой чёртовой птицей, ты снимай фартук.

Подруга заметно поутихла, прикусив губу.

Я улыбнулась.

– Лис не переживай. А то будем с тобой тут, как две кисейные барышни носами хлюпать.

– Только попробуйте, – пригрозил Арти, – Я её прошлый раз еле успокоил. А если вы обе решите нас затопить, то придётся с горя напиться. Вот зрелище-то будет, – Арти ахнул, когда Алиса его треснула по ноге.

Через пять минут мы все уселись за стол, подняли бокалы и стали слушать президента. Как слушать... Катя играла с Сашей, Алиса ворковала с Артуром, а я с удовольствием ела большой банан и любовалась Ксавье. Всё-таки жизнь удалась. Неважно, что она нам подкидывает. Важно знать, как это использовать.

Я сижу в окружении семьи. Любимый муж, дочь, вероятно сын, лучшие друзья и крестник. Это и есть гармония. Не вещи, не похоть, а люди, готовые ради тебя на всё. И может, к этому взаимопониманию был тернистый путь. Он был. А это уже повод бороться. Ведь старания оправдываются, если они стоящие.

Бой курантов заставил меня радостно взвизгнуть и зажмуриться, загадывая желание. Ксавье сильнее меня обнял. И я, поддавшись мгновению, приподнялась и поцеловала мужчину.

– С Новым годом, любимый!

– С Новым счастьем! – заголосила Алиса, – А теперь, подарки!!!

Арти хлопнул себя по лбу.

– Всё, сейчас увидите маньяка в действии. Это неизбежно.

– Изыди, а то кое-чего лишу, – парировала Алиса, – Надеюсь подарок стоящий.

Я мечтательно прикрыла глаза. Мне не нужно было подарков, ведь у меня всё есть. Кроме, пожалуй, тонны бананов и шоколада. Эту мысль я озвучила всем. Ксавье только улыбнулся и достал из кармана маленькую бархатную коробочку.

– Это, конечно, не банан... Но...

Я заткнула его рот поцелуем и затем открыла подарок. Ахнула, вскрикнула и сразу же одела кольцо на руку.

– «Вместе и навсегда», малыш, – прошептал мужчина моей жизни.

Эти слова были выгравированы на прелестном кольце с сапфиром, на которое я долго смотрела в одном из ювелирных домов Парижа.

Новый год. Ожидаемая встреча.
Любимые люди и счастье в глазах.

Жизненные истории – небылицы.
Но в них есть крупица бытия.

notes

Примечания

1

Индийская сладость.

